

КОСТРОМА

*литературный
альманах*

2024

КОСТРОМА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск № 9

К 80-летию Костромской области

*по итогам III Международного литературного конкурса
имени А.Н. Плещеева,*

*Областного литературного конкурса поэзии
имени А.В. Беляева*

и Межрайонного литературного фестиваля имени Л.Н. Попова

Кострома
2024

УДК 821(4/5)
ББК 84(0)
К 725

Издание альманаха осуществляется при поддержке
департамента культуры Костромской области

Кострома : литературный альманах. Выпуск № 9 / гл. ред.
К 725 Н.Мушинова. – Кострома : Областная писательская организация
Общероссийской общественной организации «Союз писателей
России», 2024. – 200 с.

Девятый выпуск альманаха «Кострома» посвящён 80-летию Костромской области. В нём опубликованы литературные произведения победителей Третьего Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева, Областного литературного конкурса поэзии имени А.В. Беляева и Межрайонного литературного фестиваля имени Л.Н. Попова.

Представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 821(4/5)
ББК 84(0)

© Костромская областная писательская
организация Общероссийской общественной
организации «Союз писателей России», 2024
© Мушинова Н.Е., гл. ред., 2024
© Коллектив авторов, 2024

ПИСАТЕЛЬ НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ*(к 80-летию Костромской области)*

Слово русского писателя всегда было значимо и ценно. Так было и есть в масштабе всей страны, то же самое относится к литераторам, которые живут и работают в провинции. Талантливыми писателями, поэтами, драматургами славится Костромской край. Поэт и литературный критик П.А. Катенин писал свои воспоминания о Пушкине в своей костромской усадьбе. А.И. Готовцева посвятила Пушкину своё стихотворение – и получила ответное послание гениального поэта – написав его в Костроме. В Буйском уезде жила поэтесса Ю.В. Жадовская. В Ветлужском уезде Костромской губернии родился замечательный публицист, мыслитель В.В. Розанов. Наконец, с нашим краем неразрывно связано творчество великого русского драматурга А.Н. Островского.

Традиции русской классической литературы в новых формах были продолжены и развиты в двадцатом столетии. В 1944 году была образована Костромская область. Совсем скоро наступила Великая Победа. Наши земляки, воины-победители, стали возвращаться домой. Руководство области понимало, что для литературно одарённых костромичей необходимо издание, где местные авторы могли бы печатать свои произведения. Появилось Костромское книжное издательство, чуть позже в свет вышел первый выпуск литературного альманаха «Кострома». Издание выходило до начала 1960-х годов, потом после большого перерыва было возобновлено в 1980 – 90-е годы, и вновь возродилось уже в 2020 году. В 1950-е годы в нашем крае работали талантливые писатели: Константин Абатуров, Евгений Старшинов, Александр Часовников. К ним присоединился Владимир Корнилов; он приехал из Куйбышева, где возглавлял областную писательскую организацию. Именно В.Г. Корнилову, с его твёрдым характером, организаторскими способностями и опытом руководства крупным литературным объединением было поручено создать Костромскую областную писательскую организацию. Она возникла в 1961 году, и с тех пор объединяет в своих рядах талантливых литераторов нашего края. В.Г. Корнилов возглавлял писательскую организацию в течение двадцати семи лет. В 1970 – 1980-е годы в костромской литературе активно работали талантливые поэты Виктор Лапшин, Леонид Попов, Нина Снегова, прозаики Виталий Пашин, Борис Бочкарёв, Ольга Гуссаковская.

В 1988 – 2015 годах руководство Областной писательской организацией осуществлял прозаик М.Ф. Базанков. В непростых условиях 1990-х костромские писатели не прекращали активную творческую деятельность. Продолжали выходить книги наших авторов. Писатели-костромичи активно ездили в составе творческих групп по Костромской области. Поэты и прозаики выступали в школах, вузах, библиотеках. Для многих земляков, прежде всего для молодежи, понятие «Костромской писатель» обрело конкретный смысл. Член Союза писателей России А.М. Скуляков, возглавляя писательскую

КОСТРОМА

организацию с 2015 года, продолжал развивать традиции литературной работы предшествующих лет.

В 2020 году Областную писательскую организацию возглавила Н.Е. Мусинова. Доктор культурологии, профессор, член Союза писателей России, привнесла в литературный процесс нашей области новую энергию. Было возобновлено издание литературного альманаха «Кострома». Он стал выходить при поддержке департамента культуры Костромской области два раза в год. Альманах сегодня получают все библиотеки города и области. Выпуск, адресованный детям (№ 6, 2022 г.), был рекомендован как книга для внеклассного чтения в школах Костромской области в рамках регионального компонента. Литераторы области откликнулись на 200-летний юбилей со дня рождения А.Н. Островского (альманах «Кострома», выпуск № 8, 2023) и 225-летие со дня рождения А.С. Пушкина (альманах «Кострома», выпуск № 10, 2024 г.). С 2021 года усилиями Костромской областной писательской организации при поддержке Союза писателей России проводится Международный литературный конкурс имени А.Н. Плещеева, уроженца Костромы. В конкурсе ежегодно принимают участие не только российские авторы, но и литераторы ближнего зарубежья. Внимание литературной общественности привлёк Межрегиональный конкурс прозы имени В.Г. Корнилова и Межрегиональный конкурс поэзии имени А.В. Беляева. В прошлом году по инициативе молодых авторов состоялся Межрайонный фестиваль имени поэта из Вохмы Леонида Попова (с 2024 года фестиваль стал Областным). Каждый год костромские авторы становятся лауреатами областных литературных премий: имени А.Ф. Писемского, И.А. Дедкова, Ю.В. Бекишева, а также – муниципальной премии имени академика Д.С. Лихачева. Костромские литераторы неоднократно становились лауреатами главной губернаторской премии «Признание» (Ю.Лебедев, В. Травкин, Т. Иноземцева, Е. Балашова, А. Бугров, А. Зябликов, О. Запольских, Н. Муренин).

Авторы-костромичи представляют свои рукописи для обсуждения и последующей публикации на конкурсной основе на Издательский совет при департаменте культуры Костромской области. С 2021 года увидели свет книги членов СП России В. Проскурякова (Волгореченск), С. Михайлова (Парфеньево), В. Арсентьева (Поназырево). Костромские писатели всегда занимали активную жизненную позицию, участвовали в общественной, просветительской работе. Сегодня наши авторы выступают в библиотеках Костромы и Костромской области, принимают участие во всероссийских литературных мероприятиях по линии Союза писателей России. Их аудиторию составляет прежде всего молодежь. Большой резонанс получили поэтические концерты «Слово о России», «Писатели России – фронт!», «Позывной "Кострома"», «Волга Вольная». Литературные подборки костромских авторов, опубликованные по итогам Всероссийских конкурсов, вошли в поэтические сборники Союза писателей России «Позывной – Победа!», «Оберег», «За други своя» и др. Особую известность получил сборник патриотической поэзии костромских авторов «Позывной – "Поэт"».

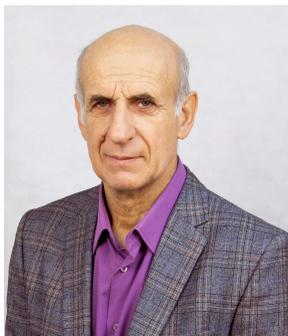
Названием книги стал подлинный позывной участника СВО, члена Союза писателей России Михаила Душина. В сборник «Позывной – “Поэт”» вошли стихотворения пятидесяти двух авторов из всех районов Костромской области. Творчество писателей-костромичей отмечено и на Всероссийском уровне. Е. Балашова, Н. Мусинова, Е. Каргопольцева, М. Душин стали лауреатами Всероссийского издательского конкурса «Российский писатель» (2021, 2023 гг.). В 2021 году Ю. Лебедев стал лауреатом Национальной премии «Имперская культура».

В 2020 году на базе Областной писательской организации создан и успешно работает Совет молодых литераторов (СМЛ), куда входят двадцать восемь поэтов и прозаиков Костромской области. Возглавляет СМЛ профессиональный филолог, член Союза писателей России Е.Е. Каргопольцева. За четыре года деятельности СМЛ несколько молодых авторов были рекомендованы в Союз писателей России. Члены СМЛ ежегодно печатаются во Всероссийских и областных изданиях, входят в оргкомитеты межрайонных, областных и межрегиональных литературных конкурсов.

Костромские писатели живут и работают очень деятельно. Под эгидой Областной писательской организации издаются книги, проходят литературные конференции и семинары, встречи с читателями и общественно значимые акции. В дружеской атмосфере писатели старшего поколения передают духовные традиции, делятся профессиональным опытом с талантливой молодёжью. Костромская литература, обогащённая творческим опытом прежних лет, уверенно движется в будущее.

Павел Корнилов,
главный библиотекарь отдела хранения,
организации и использования основного фонда
Костромской областной универсальной
научной библиотеки

I. ПОЭЗИЯ

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ – член Союза писателей России, член-корреспондент ПАНИ и Международной академии наук и искусств, руководитель секции поэзии при НРО ООО СП России, автор 12 поэтических сборников, стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Невский альманах», «Север», «Российский колокол», «Поэзия. XXI век от Рождества Христова», в различных альманахах, газетах и коллективных сборниках. Лауреат Международных премий, награждён орденом Александра Невского. Живёт в Великом Новгороде. Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н.Плещеева в номинации «Поэзия» (2023 г.).

***

Стоят столетние дубы,
Где барский дом белел когда-то,
Где в придорожные столбы
Уткнулся отблеск розоватый.

О чём задумался на миг
Он перед праздным запусеньем,
В аллее чей звучал язык,
Охвачен был ли он смятеньем?

Чей образ видится мне здесь,
В грустящей сумрачной аллее,
Кто отдавался чувствам весь
И был живущим всех милее?

Патриархальные места
Позаросли давно крапивой,
И даже не найти креста
В бегущей жизни торопливой.

И веет ветхостью самой
От обескровленной усадьбы
Тому, кто поспешал домой
К началу долгожданной свадьбы...

***

Рутульский край. Бурливая весна,
Где беркуты парят над Цокульдагом*.
Внизу долина от цветов красна
И смотрится небесным райским садом.

Вдали дымит проснувшийся аул,
А здесь блестят кремнистые кошары.
От водопадов слышен мерный гул,
Ему с отарой внемлет пёс поджарый.

Река Самур течёт издалека,
Струясь меж гор и синевы высокой,
Над ней плывут, как руна, облака
В лучах сказаний древнего Востока.

Мне не понятен говор здешних мест,
Но он звучит мелодией долины,
Где одинокий видится мне крест, –
Ушедших всех скрижальный список длинный...

Бегут века, и жизнь озарена
Для путника пришедшею весною,
Об этом слышно как поёт зурна,
Звенит в горах со страстью неземною.

***

Ночь играет на скрипке любви,
Пахнут ландышем губы твои.
Полусон, полумрак, тишина,
Только музыка эта слышна,
Только поздний салют в вышине
Сыплет искрами в мгlistом окне.

В царстве грёз утопая вдвоём,
Мы на облаке к звёздам плывём,
Словно мир тех далёких планет
Нас позвал через тысячи лет,
Нашептал нам о вечной любви,
Мне принёс поцелуи твои.

---

* гора в Дагестане

***

В лихие, смутные години
В большой встревоженной стране
На белых крыльях лебединых
Ты прилетаешь вновь ко мне.

Войною скованы народы,
Коллапс стучится всё в окно,
И время с залпами приходит,
Верней – оно пришло давно.

За Крымский мост летят ракеты,
Горит, искрясь, фитиль войны.
Сердца надеждою согреты:
Мы победим! Да, мы сильны!

Лютует враг. Грохочут танки,
Дымит и плавится броня.
И янкам видятся останки
Своих солдат на склоне дня.

И ты в душе моей тревожно
Мелькаешь, словно маячок.
С тобой забытья невозможно,
Порой ты дышишь горячо...

Всё ближе фронт, всё громче взрывы –
Начало третьей мировой?
Мои душевные порывы
Теперь со сводкой фронтовой.

Слова, как в половодье льдины,
Встают ребром на быстрине...
На белых крыльях лебединых
Ты прилетаешь вновь ко мне.

***

Вперёд! За Родину, в атаку!
Рванулись мы в кровавый бой.
Стучат катки, грохочут траки
И слышен нервный перебой –
В моторе, в сердце ли, – не знаю...
Не разделить с машиной нас.
И мысль тревожная, сквозная
Гудит: спокойно жми на газ!

***

Пытаешь ты меня игривым словом,
Я удивлён, я от забав отвык...
В твоих движениях твёрдая основа
И мне приятен гибкий твой язык.

Он многозвучен, в нём таятся страсти,
Волнует он меня наверняка.
Хочу потрогать я твоё запястье,
В халате белом ты мне так близка!

Твоё ль прикосновение или космос
Мне посылают красные лучи?
Всё мягче и нежней твой льётся голос,
И в нём свирель купальская звучит.

В каких веках мы затерялись вместе?
И эта встреча, словно летний сон,
Уносит вдаль, где путь наш неизвестен,
Уходим мы под колокольный звон.

И он звенит, и наполняет силой
Всех нас идущих к солнечным мирам,
И в унисон твоя душа спросила:
– Что предстоит понять придётся нам?

И я сказал: – Любить всегда мы будем
И дальний путь, и горьковатый дым,
Коль жаром дышат царственные груди
И веют упоением молодым...

***

Васильки зацветают во ржи
И в молитве сливаются с небом,
Где под облаком ястреб кружит
И красуется солнышка гребень.

На траве серебрится роса,
Растворяется в дымке селений,
Там, где предков моих образа
Светят в избах и в дни потрясений.

Не отсюда ль пошли имена:
Василина, Василла, Васёна?
Праздник жизни самой дотемна
Славит перепел песней влюблённой.

Васильки, – что за чудо цветы! –
Шепчут мне про небесные знаки,
Что слетают порой с высоты,
Разгадать их пытается всякий,

Разгадать и понять: почему
Быстро жизнь, как цветенье, проходит,
Что в дорожную нашу суму
Не запрятать прожитые годы.

И срывая во ржи васильки,
Что сливаются с гаснущим небом,
Я пойму, что они мне близки,
Что давно я на родине не был.

***

Шли по стерне мы. Набежали тучи,
Вот молния сверкнула, грянул гром.
Твой голос стал неслышен. Лишь могучий
Кружился вихрь и нёсся напролом

Вдаль за деревню, по цветам и травам,
Ты вся дрожала, как осенний лист...
И потеряв в ночи рассудок здравый,
Пел песни пьяный в доску гармонист.

В ближайшей риге мы заночевали
И, обнимаясь страстно, горячо,
Минут, часов совсем не замечали,
Очнулись с первым солнечным лучом.

Блуждала на лице твоём улыбка,
Я перед нею устоять не смог,
И жизнь не показалась мне ошибкой
На перепутьях судеб и дорог.

Уехал я из дедовской деревни,
Но голос твой летит издалека,

Напоминая об истоках древних,
О том, что ты мне, как земля, близка.

Развею грусть ночного сеновала,
Вернусь я в юность светлую к тебе.
Те песни, что протяжно ты певала,
Я слышал на току при молотьебе.

***

Играет бурная стихия,
Вскрывая магму бытия.
Толчки подземные, глухие
Идут. И рвётся жизнь моя.

Она кружит в неясных звуках,
В твоей улыбке, в жесте рук.
С тобою краткая разлука,
Как эпицентр сердечных мук.

Волнение катится волною
От всех горячих наших встреч,
И я прошу: побудь со мною,
Мне Землю помоги сберечь.

Но твой корабль готов к отлёту,
Твоя планета ждёт тебя,
И весь клубок надежд размотан,
И горны на холме трубят.

Что ж, улетай! Я не заплачу,
Не плачь и ты. Пусть будет так.
Наш день грядущий много значит,
Коль на ветру трепещет стяг...

***

Она отдалась без упрёка...
К. Бальмонт

Ты мне отдалась без упрёка,
Без нежных и ласковых слов,
С надеждой и верой глубокой,
Что мир к нам не будет суров,

Что взрослые чувства надёжны,
Как в сумерках песнь глухаря,
Лишь нужно идти осторожно,
Пока еле брезжит заря,
Пока не развеялись тучи
И чащи от елей темны,
И песенный стук многозвучен,
В нём вешние всхлипы слышны...
...За окнами вьюга пылила,
Срывая покров бытия,
Ты только шептала: «Мой милый,
Теперь я навеки твоя!»
Лишь раз ты обмолвилась: поздно,
Мол, юность давно позади.
Как в небе туманились звёзды,
Как сердце металось в груди!

ВЕТЛА

О чём ты гудишь у дороги,
Тележную осью скрипишь?
Ты сердце бездомной тревогой,
Неясной надеждой томишь.
Прносятся снежные ветры
Метелью по отчей земле,
В пространство летят километры,
Затеряны сёла во мгле.
Покрыта печалью равнина,
Мелькнул огонёк и пропал.
Твой голос, протяжный и длинный,
В меня ещё с детства запал.
Пусть ствол расщеплён, – твои корни
Подобны большим якорям.
Стоишь ты, как Русь, не покорна
Ни бурям, ни снежным ветрам.

***

В синих даях моя Атлантида...
Раздвигая туманную гладь,
Ты уходишь от мора и СПИДа,
Наркомании и геноцида,
Чтоб звездой в новых душах сиять.

Но кому удержать тебя в силах?
Эту прядь белоствольных берёз
Этот крест на забытых могилах
Ты для всех навсегда сохранила
И меня ты волнуешь до слёз.

Я прощаться с тобой не умею
И порой, забываясь в бреду,
Попросить лишь такое посмею:
Не оставь ты меня снеговою,
Ты уйдёшь – и я тоже уйду.

***

Ветвь калины, вздох равнины
Колкий снег и хрупкий лёд,
И напев ветров старинный
Голос времени зовёт.

Тени призрачных селений,
Запах пота, храп коней,
Звуки прожитых мгновений
Раздаются всё сильнее.

Им внимаю неустанно,
В них вся жизнь моя и грусть,
Из морозного тумана
Я к тебе, мой край, вернусь.

Унесусь в твои пределы,
Растворюсь в твоей глуши
И укроюсь вьюгой белой,
Чтобы путь свой завершить.

НИКОЛАЙ НИКИТИН родился в 1955 году. Окончил Горьковский медицинский институт. Заслуженный врач РФ, хирург, доктор медицинских наук, профессор, лауреат премии Кировской области в области здравоохранения. Член Союза писателей России. Автор семи книг стихов и прозы, в том числе двух книжек стихов для детей. Публиковался в периодической печати, коллективных сборниках, литературных журналах, альманахах. Лауреат премии имени поэта-фронтовика О. Любовикова, лауреат литературного конкурса «Звёздное перо – 2022» имени Г. Кольцова. Живёт в Кирове. Занял 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н.Плещеева в номинации «Поэзия» (2023 г.).

Разве можно забыть?..

Солоноватый привкус слёз
я помню с детства:
нам кто-то гроб домой привёз,
а в нём – отец мой.
Я испугался, закричал:
– Мне страшно, папа!
Январский день меня ласкал
сиротства лапой.
Нет, не ломала мама рук,
не голосила:
Два сына, дочь, долгов на круг...
Где черпать силы?
Но, видно, женщиной была
она двужильной.
Два материнские крыла –
мой Бог всесильный –
подняться твёрдо на крыло
возможность дали.
Как неизбывно их тепло!
В слезах печали
я не хочу увидеть вновь
сиротства яму.
При этой мысли стынет кровь:
– Мне страшно, мама!

Три часа счастья

Ну-ка шибче раззудись, моё плечо!
Раззудись по-молодецки горячо,
прогони безделье праздное с души
да, на что способен я, ты покажи.
До чего ж хорош у матушки топор:
и проворен, и достаточно остёр –
так гуляет по берёзе и сосне,
только гул стоит в распаренной спине.
И с какой бы не ударил я руки,
разлетаются в поленья чурбаки.
Ох, давненько я не баловался так!
Раззадорило – трещит по швам пиджак.
Брошу к чёрту городскую суету,
разве встретишь там такую красоту.
Перееду – буду век здесь коротать.
Молодушку подберу себе под стать –
нарожаем с ней десяток сыновей
да полдюжины красавиц-дочерей.
Станут батькой величать они меня,
уму-разуму учить их буду я –
посажу большой оравушкой за стол,
пусть послушают, как я дрова колол,
как решил тогда из города бежать,
как мы с мамкой стали жить да поживать,
как оравушку такую завели –
непростое своё счастье обрели.
И добавлю в том рассказе напослед:
– Вот вам, детушки, отцовский мой завет,
его помните и будьте им крепки:
сторона мила, где резаны пупки.
...Ах, какой вокруг смолистый аромат!
Разгулялся с топором я – рад не рад.
Раскраснелся, только спички поджигай:
– Эй, кряжистые, давай-ка, подлетай!
И дымится на морозце голова:
– Не кончайтесь, умоляю вас, дрова.
Я давненько таким не был молодцом.
Не кончайтесь ни сегодня, ни потом.
Не послушались. Закончились. Ну что ж...
Утихает помаленьку в сердце дрожь:
– Ну, спасибо тебе, матушкин топор,
откровенный состоялся разговор.
Разголюсь теперь по пояс у крыльца,

отряхну седую изморозь с лица,
зачерпну ведро колодезной воды,
мама охнет: – Как бы не было беды! –
но польёт, как было раньше, из ковша –
с удовольствием умоюсь не спеша.
Домотканым полотенцем разотрусь,
войду в избу – квасу крепкого напьюсь.
Пододвинет мама старый табурет:
– Ешь, сынок, не то остынет твой обед.
Сядет рядом, подопрёт лицо рукой:
– Батька батькой, – покачает головой.
Дрогнет ложка. Промолчу. К чему слова.
Станет слышно, как трещат в печи дрова.

На погосте

Если бы потомок древних скифов,
мой, по маме, мудрый дед Никифор,
не сосватал бабушку Прасковью –
не стоял бы я у изголовий
их могилки с вросшими крестами
в центре поселкового погоста.
Погребённых судеб тихий остров,
охраняем только небесами...
Много разных тайн – больших и малых –
от людей младых и очень старых
он надёжно прячет под землёю...
И мои когда-нибудь сокроет.
Большинство ушедших не забыты,
их могилки тщательно укрыты
искренней заботой и любовью
с поминальной снедью в изголовьях.
Есть другие – их не посещают.
Брошены. Они обычно с краю –
чаще тех, кто не продолжен в детях.
Их никак нельзя не заметить.
С болью я на них смотрю, не скрою.
...Солнце с неба всепрощеньем брызжет!
Слава Богу, дед Никифор выжил,
три войны оставив за спиной,
мама не погибла в сорок пятом.
Я стою безвинно виноватый,
перед теми, кто не смог родиться.
Мне за них никак не отмолиться.

***

Июльские блистающие росы,
люпинов фиолетовая россыпь
да одинокий тополь-беспризорник
теперь мои подпитывают корни.
Здесь дом стоял.
В нём жил мой славный дед.
Тому минуло сорок с лишним лет.
А помнится, как будто бы вчера
мы с дедом коротали вечера.
Был мудр старик, суров и молчалив,
а я мальчишка – боек и болтлив.
И он учил меня: – Не балаболь,
один совет мой выслушать изволь, –
слова бесценны, ими не сори,
не языком, а чувствами гори.
...С тем и живу я сорок с лишним лет.
Дед на погосте. Дома больше нет.
Но если память чувствами жива,
старик был прав, ей не нужны слова.

***

Выйду с трассы на поле,
полной грудью вдохну,
с медоносных застолий
пчёл случайно спугну.
Загудят недовольно:
лихо, мол, не буди.
Нет чтоб хлебом да солью,
но гудят: «Уходи».
А куда мне податься?
Я приехал домой
и готов обниматься
с каждой встречной пчелой.
Здесь в восьми километрах
от большого села,
обдуваема ветром,
деревенька жила.
А теперь только поле
да духмяный размах.
Человеческой боли
сколько в этих цветах?
Ухожу. Не взывайте.
Деревеньки былой

я единственный житель,
кто сегодня живой.
Приходил поклониться.
Разве можно забыть?
Перелётною птицей
жизнь заставила быть.
Поле-полюшко, поле...
Вкус пыльцы на губах,
гул пчелиных застолий
да соринки в глазах.

Виртуальный век

Девальвация чувств и эмоций –
двадцать первого века примета.
Жив журавль над заросшим колодцем,
значит, песня его не допета.
Значит, кто-то придёт сюда зрячий,
бросит в землю нетленные зёрна,
их земля с благодарностью спрячет
под подушку отвального дёрна.
Этот кто-то, далёкий от жизни
в паугине сетей интернета,
из колодца водицею взбрызнет
поле в центре уставшей планеты.
Урожая дождётся. Накормит
всех, пришедших на трапезу с миром:
в эйфории живущих и в скорби,
гениальных и умственно сирых.
Большинство из них тут же прозреет,
обретя первозданные чувства,
и поймёт: шар земной захиреет
без такого простого искусства,
как умение возделывать землю,
хлеб выращивать в поле реальном.
А тому, кто такому не внемлет,
предложить ресторан виртуальный
с безупречной, изысканной кухней
и не здесь, а под куполом неба.
Через сутки он жалобно ухнет
и попросит с той трапезы хлеба.
Жив журавль над заросшим колодцем –
значит, всякий, кто жаждет, напьётся.
Девальвация чувств и эмоций
пусть его никогда не коснётся.

***

Январь. Крещение. Иордань.
А мне по сердцу наше – «прорубь»
и дух целебный русских бань,
он также свят, как белый голубь –
Богоявления предвестник.
Творю обрядовую песню:
как полагается в Крещение,
я, осенив себя знаменем,
в пруд погружаюсь с головой.
Всё повторяю троекратно
и тут же в баньку, в дух лесной
берёзы с пихтой. Как приятно
забросить тело на полок,
плеснуть на камни кипятком
с добавкой кваса или пива,
взять в руки веник и игриво
себя распарить до костей
так, чтобы хвори всех мастей
из тела вышли и ушли.
От Триединого вдали
в день православного Крещения,
за вольность я прошу прощенья.
Вода и в бане – агисма*:
полгода буду жить без астмы –
сегодня смыты все грехи.
И это явь, а не химера.
Поют к закату петухи,
а в душу проникает вера.

***

Станция Юма. Куваев Олег
тут же невольно на память приходит.
Как необычен сегодняшний снег:
он не метёт, он таинственно бродит.
Мальчик из Юмы – наивный мечтатель –
тоже бродил по окрестным местам:
вот он – индеец, а вот – испытатель,
тут из окопа строчит по врагам.

---

* Агисма (церк.) – святая вода

Здесь ему снились все радуги мира,
Люська-принцесса, чукотский туман,
горы Тянь-Шаня и пики Памира,
тундра, олени, седой Магадан.
За горизонт он ушёл слишком рано –
тихо, достойно – иначе не мог.
Только костры посреди океана
в память о нём кто-то всё же зажжёт.
А чудачки, что живут на Востоке,
каждый – философ, по-своему крут,
без фарисейства и прочей мороки
свято его «Территорию» чтут.
Богу хвала! Оценили по чести
всё, что он сделал и что написал.
Слово его, заявляю без лести,
с точностью снайпера бьёт наповал.
Если его я когда-нибудь встречу
в жизни иной, что в заоблачной мгле,
тихо спрошу, слегка тронув за плечи:
– Что было дорого вам на Земле?
И на вопрос он ответит, подумав:
– Многое было, но сердцу милей,
чем захолустная, тихая Юма,
нет ничего. Мне отсюда видней.

Бессмертный полк

Все, кто погиб на той войне
не ради славы –
погиб за нас, за нашу честь,
за честь державы,
навек связаны судьбой
одной дорогой –
дорогой Млечного пути
в объятья Бога.
Шагнуть в Бессмертие дано
им было право
мольбой поруганной земли,
а не уставом.
Чисты их души, как печаль
любовной муки,
как материнская слеза
в момент разлуки.

Десятки лет в победный май
нисходят с неба
и деды наши, и отцы –
то быль, не небыль.
Пусть раз в году они в строю
шагают с нами,
но как же свято в их руках
Победы знамя!
Идут по Млечному пути
солдаты славы –
Бессмертный полк,
где каждый – щит
и меч державы.

***

*Сотни воителей стоит
один врачеватель искусный.
Гомер*

Призовите меня на войну...
Призовите. Я справлюсь, поверьте,
и, как предки мои в старину,
под крестом обрету я бессмертье.
Правда, к этому я не стремлюсь,
это выйдет, скорее, случайно.
Снимет шапку скорбящая Русь
и откроет бессмертия тайну.
К удивлению, тайна проста
и не давит на сердце, как камень.
Драгоценна она и чиста,
и нетленна, а имя ей – память.
Без неё вряд ли знали бы мы
князя Невского, князя Донского...
Мягким светом их лики из тьмы
освещают все наши основы:
честь и совесть, любовь, доброту,
веру в Бога и веру в Россию,
и духовную ту чистоту,
что рождает восторга стихию.
Я за это готов воевать,
призовите, года – не помеха.
Призови меня, Родина-мать!
Но в ответ только грустное эхо...
Не нужны старики на войне,

разве могут здесь быть непонятки,
но, поверьте, нужней я вдвойне
как хирург на Донбассе, не в Вятке.
Призовите меня на войну...

***

Закатное небо висит лоскутами,
как минно-взрывная кровавая рана...
Ползти через боль! Но стальными тискаами
впивается жгут в ткани выше колена:
– Ослабьте, ослабьте!
– Нельзя, слишком рано.
Терпенье, служивый, нога – не полено,
ещё пригодится. А кровь – не водица,
не так её много в твоём организме, –
глотаёт слезу санинструктор-девица.
– Сейчас отдохнём. Ты не кисни, служивый.
Ещё повоюем во благо Отчизне.
...Они доползут и останутся живы,
не раз ослабляя тот жгут самодельный.
Донецкие степи запомнят девчонку –
сержанта медслужбы – с пронзительно-цельным
характером в пику лоскутному небу
и голосом с привкусом вятской сторонки.
...Запомнить бы это и тем, кто там не был.

ЛЮДМИЛА ЯСЬКОВА родилась в посёлке Адищево Костромской области, живёт в г. Добруш Гомельской области (республика Беларусь). Поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей Беларуси. Пишет на русском и белорусском языках. Автор 9 поэтических сборников, семь из которых – для детей. Участник и победитель многих областных и международных фестивалей и конкурсов. Победитель республиканского конкурса песенного текста «Вытоки. Стихи о главном». Обладатель литературных премий «Верен слову», «Золотое перо Руси» и памятной медали им. К.Туровского. Заняла 3 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н.Плещеева в номинации «Поэзия» (2023 г.).

Судьба

Когда в челне судьбы я в свет плыла,
Две матери мне дали два крыла:
Одна на Божий свет произвела,
Другая в жизнь широкую ввела.

Две матери родные, две сестры.
Любовь сердец – горящие костры.
Святых небес, мудрейшие глаза.
Молитв моих родные образа.

Две матери. Их честь в моей крови!
Они – мой стержень: в горе и любви.
В них проросла я правдой и добром,
Как всходит хлеб под лунным серебром.

Две матери: Россия, Беларусь.
Я – ваша дочь, и вами я горжусь!
Пока дышу, живу на свете я
Молиться не устану вас любя!

Ах ты, даль моя...

Ах ты, даль моя, глубинка,
Светлый край моих дедов!
Я – лугов твоих былинка,
Зрелый плод твоих садов,

Поля русского частица,
Семя собранных хлебов,
Родниковая водица
Среди сосен и дубов.

Я тобой была зачата
От берёзовых ростков,
Оттого несу я свято
Звон твоих колоколов!

Заневестились речушка

Заневестились речушка
Под небесною фатой:
Примеряет у опушки
Солнца венчик золотой.

И с утра декабрь хлопочет,
Словно знатный господин...
Нарядить невесту хочет
В белоснежный палантин.

И к венчанию округу
Он украсит в жемчуга,
Поведёт реку-подругу
Через арки-берега.

Звёзды, месяц в одночасье
Выйдут к ним на торжество.
Пожелать любви и счастья,
Разделяя волшебство.

Добруш

Этот город прекрасен, как дивная сказка!
Ты не веришь? На Ипатье взгляни поутру!
В лёгкой дымке заря ярко-алою краской
Расписала шелка её вод на ветру.

И багрянца касаясь на глади зеркальной
Перламутром застыла небесная синь...
Приходи, полюбуйся, красой уникальной,
Первозданное чудо лишь взором окинь!

Лес разлил по воде серебро с изумрудом.
Сколько прелести в этих оттенках земных,
И в душистых цветах разнотравий повсюду
На раскрытых ладонях лугов заливных?!

Славят Добруш с небес сладкогласные птицы.
Разве ты не слышал? От забот оторвись!
Это жизнь! И природа листает страницы
Своей книги, и ты в ней добром проявись!

И люби всей душой, словно добрую сказку,
Этот город, что с детства родным ты зовёшь!
Он, как люди, растёт от заботы и ласки,
Береги ту святыню, в которой живёшь!

Как вкусен кофе

Как вкусен кофе, поданный тобой
На тонком блюде бледного рассвета!
За окнами шептал морской прибой,
С его кантатой просыпалось лето.
Твой нежный, бархатистый баритон...
Касанье губ... И свежесть ароматов
Каскадом чувств развеяли мой сон
И уносили ввысь с тобой куда-то...
Где алой краской расписал рассвет
Дорогу солнцу в серебристой сини...
Там две души познали счастья свет,
Ты был мне богом, я – твоей богиней...
За окнами шептал морской прибой,
Кантатами любви звучало лето...
Как вкусен кофе, сваренный тобой!
И я благодарю тебя за это!

Реквием

*Посвящается д. Вылево,
захороненной после аварии на Чернобыле*

Клён посажен маминой рукою,
Кажется, что смотрит виновато,
Словно не сберёт под синевую
От напасти дедовскую хату.

Нет её уж больше на пригорке.
Не согреет рук замёрзших печка.
И от мыслей этих мне так горько,
Что пронзает боль-тоска сердечко.

Заросли сады полынь-травою,
Нет деревни, только ветер вольно
Свой псалтырь зачитывал до вою.
Оттого, видать, и сердцу больно.

– Ах! – И клён в моих объятьях снова.
Слышу пульс, как будто в жилах птица
Бьётся под его корой кленовой
Сердцем мамы, в душу мне стучится.

Хлеб

Смотрю сквозь боль, как тот кусочек хлеба
Небрежно брошен детскою рукою
И вспомнил тех, кто, умоляя небо,
Просил с надеждой ломтик, хоть какой!

Запомнил я натруженные руки...
И маму, что в ущерб себе самой,
Голодная, одолевая муки,
Едва несла свой хлеб для нас домой...

И бережно делия его с другими
В глазах вдруг появлялся огонёк...
Для нас те крохи были дорогими–
Иным спасали жизнь хоть на денёк...

Не спорю я, что мир другой сегодня
И вдоволь хлеба... Но понять сумей,
Мой юный друг, что хлеб растить непросто
И никогда бросаться им не смей!

Любовь

Благоуханьем чайных роз
наполнен вечер.
Мерцают звёзды за окном,
как в доме свечи.

На ложе лунным серебром
замрёт мгновенье.
Дыханье страсти... Взорван стон
в изнеможенье.

Испита ночь бокалом чувств
до опьянения.
Измятых простынь естество...
И откровенья

Двух тел и губ – единый плен –
печать признанья
Любви, под сенью бытия.
Сердец слиянье.

Песня осени

О, как песня осени печальна!
Барабанной дробью дождь с утра...
Лист опавший кружится прощально,
Провожая лето со двора.

В серой стыни – жухлой рябью травы...
Речка хмурой кажется от туч.
На побережье вербы и дубравы
Обронили медь и золото с круч.

На дорогах грязной кляксой лужи...
Сумрака нависшая вуаль...
Грустным криком журавли до стужи
Рассекают облачную даль.

За Победу

В том письме расписалась война
Алой кровью дяди и деда,
Мне архивная справка дана,
Что погибли они за Победу.

Между строк будто видела я
Бой кровавый под Сталинградом.
Под бомбёжкой горела земля
И казалась мне сущим адом!

На войне не бывает без бед,
У неё слишком жёсткий норов!
Там в воронке остался мой дед –
Русский воин Иван Суворов.

Люди помнили сорок второй
И приказ тот: «Ни шагу назад»!
Там стоял русский воин горой
В битве насмерть за наш Сталинград!

Где б ни сунулся мерзкий фриц,
Хоть и трудно пришлось солдатам,
Гнал их прочь у латвийских границ
Сын Ивана, Борис – в сорок пятом.

Жаль парнишку: не прожил свой срок,
Пал от пуль под январским небом!
Целовал его ветер в висок,
Укрывала метелица снегом

В девятнадцать. И сколько таких?
Грудью встали за честь Отчизны,
За свободу семей дорогих,
Не жалея ни сил, ни жизни!

Чтобы миром могли дорожить,
Не забыв огневые вехи,
И того, кому жить бы да жить,
Кто героем ушёл навеки!

Добро

Не скупитесь дарить людям доброе слово!
Тёплым словом своим чью-то душу согрей!
Ведь любовь и добро – нашей жизни основа,
Это ключ от замка самых прочных дверей!

Кладезь истин открыли нам притчи и сказки,
Свет и мудрость они в наши души несли
Первой радугой слов, чтоб их яркие краски,
Семенами добра в нас с тобой проросли.

Так давайте украсим всю землю садами,
Чтоб ростки доброты поднимались, цвели,
Корни зла заглушив, что седыми годами
Только к горю и войнам планету вели.

Сейте, люди, добро! Отпускайте, как птицу,
В каждый дом пусть она эту радость несёт!
И делите с друзьями, как хлеб по крупнице
Только наше добро мир от лиха спасёт!

II. ПРОЗА

ВЛАДИМИР САПОЖНИКОВ родился в 1955 году на Смоленщине в семье сельских учителей. В настоящее время заведует кафедрой педиатрии Тульского государственного университета, профессор, доктор медицинских наук. Лауреат литературной премии имени Л.Н.Толстого, дипломант Всероссийской литературной премии им. А.Толстого, в 2019 году стал лауреатом Всероссийской литературной премии имени М.А.Булгакова. С 1999 года – член Союза писателей России, автор 31 поэтической и прозаической книги, публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал 21 век», «Приокские зори», «Общеписательской литературной газете», газете «Российский писатель», во многих периодических изданиях России, Белоруссии, Киргизии. Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Проза» (2023 г.).

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

рассказ

Иван Сергеевич одиноко лежал на кровати в своей трёхкомнатной «сталинке», в центре Славянска, почти не прислушиваясь к звукам взрывов, доносившихся с улицы. В свои девяносто ему было тяжело спускаться с третьего этажа в подвал во время бомбёжек города украинскими войсками. К тому же последние две недели опять открылись застарелые трофические язвы на коже культи ампутированной голени – и надевать протез стало очень больно на кровоточащий остаток левой ноги.

Иван Сергеевич Кузьмин стал безногим инвалидом в сорок пятом, наступив на противопехотную мину в бою во время освобождения от гитлеровцев Восточной Пруссии. С поля боя его – тяжело раненного вытащил на себе фронтовой товарищ Ярослав Пристай, с которым они вместе прошли в разведроту долгий боевой путь от Подмосковья, начиная с сорок первого.

...Разрыв снаряда раздался где-то по соседству от дома Кузьмина, зазвенели стекла в окнах квартиры, с потолка посыпалась пудрой штукатурка.

«Здорово долбят, гады... Как в Великую Отечественную фашисты не щадили мирных жителей – так и киевские каратели лупят из «Градов» по жилым кварталам, – подумалось Ивану Сергеевичу. – Хорошо, что ещё внучку вовремя отправил прятаться в подвал...»

Семнадцатилетняя внучка Оля – это последнее, что удерживало старика на этом свете. Так случилось, что у них с супругой после войны долго не было детей. Кузьмины уже отчаялись когда-либо обзавестись потомством, и тут на девятнадцатом году совместной жизни жена Маша наконец-то забеременела! Как они радовались появлению на свет долгожданного сына Васи!

Мальчик рос крепким, умным, самостоятельным. После школы поступил в Горный институт, после окончания которого распределился на шахту, где к тому времени Иван Сергеевич работал директором.

Отец для начала отправил сына работать в забой горным мастером, чтобы прошёл все этапы освоения профессии горного инженера... И Василий его только радовал – отлично трудился, женился на хорошей девушке, появилась внучка Оля...

И тут произошло несчастье – авария на шахте... Кузьмин хорошо помнил тот чёрный для него и шахты день, когда Вася во главе бригады спасателей вызвался спуститься в аварийный забой... От взрыва скопившегося на глубине метана погибли и все спасатели, и те, кого они хотели спасти...

Жена Маша после смерти сына слегла – скакнуло артериальное давление, случился инсульт – её парализовало, и через полгода любимой супруги не стало... Ещё через год от инфаркта ушла из жизни и безутешная вдова Василия.

Раздавленный горем Иван Сергеевич остался вдвоём с малолетней внучкой Олей. Необходимость ухаживать за девочкой дала ему силы не сломаться, выжить в этот тяжёлый момент...

Так они и жили с Олей все эти годы вдвоём на его персональную пенсию, которой было вполне достаточно в советские времена. В «незалежной», к которой отнёсся Донбасс после распада СССР, стало потруднее, но Кузьмин выкручивался, подрабатывал вахтёром, и им с внучкой хватало на жизнь.

Дом вздрогнул от очередного близкого взрыва... Иван Сергеевич протёр глаза от попавшей осыпавшейся штукатурки с потолка.

«Что творят, фашисты... Никого не щадят... А с молодёжью что делают, которую насильно загоняют в украинскую армию... Соседка по подъезду рассказывала, что дети пошли купаться на озеро – начали нырять – и на глубине увидели стоящие вертикально трупы молодых солдат с привязанными к ногам грузами, со связанными руками... «Укропы» сбрасывали новобранцев, которые отказались стрелять в мирных жителей, ночью в таком виде с вертолета в озеро... Негодяи! До такого зверства даже фашисты во время войны не скатывались!.. Вообще непонятно – откуда у этого «Правого сектора» такая ненависть к русским?.. В Великую Отечественную на фронте рядом сражались и русские и украинцы – и все были дружны, без разницы! Тот же его фронтовой друг, спасший ему жизнь – вытащил раненного с поля боя под обстрелом шесть километров, не бросил – Ярослав Пристай – он же родом с Западной Украины, с города Долина на Ивано-Франковщине... Более преданного, честного человека, друга у меня не было в жизни... – размышлял старик, одиноко лёжа в своей спальне. – А, если «потрошенковцы» (так Кузьмин называл украинских карателей в честь приведённого к власти США «президента» Порошенко) всё-таки возьмут их город – что будет с внучкой? Девочка только закончила школу, подала документы для поступления в вуз в Луганске – а тут разразилась эта кровавая бойня населения Новороссии... На всякий случай у меня кое-что припасено...»

КОСПРОМА

Кузьмин с трудом, с помощью ещё не утративших до конца свою силу рук, отжал своё тяжёлое туловище от поверхности кровати, сел, свесив вниз здоровую правую ногу и обрубок левой ноги. Отдышался, подождал, пока пройдёт головокружение. Потом подтянул к себе массивный, ещё советского производства протез, который так устал таскать за свою послевоенную жизнь. Наощупь отодвинул сделанную им давно в средней части протеза незаметную эбонитовую задвижку, закрывающую тайник, где хранился его любимый ещё с фронта наган.

Да, он – коммунист, орденосеиц, Герой Социалистического Труда – не сдал своё личное фронтовое оружие, вернувшись с войны. Нарушил все тогдашние законы. Ну, не смог он расстаться с надёжным другом наганом, который на фронте был незаменим в ближнем бою и не раз выручал его!

Иван Сергеевич привычно откинул барабан нагана до щелчка, залюбовался блеснувшими медными гильзами боевых патронов. Достал из схрона на протезе небольшую маслѐнку, любяще, привычно смазал револьвер...

Услышав, как заскрипела входная дверь в квартиру, быстренько спрятал оружие обратно в тайник в протезе, улыбнулся вернувшейся из бомбоубежища внучке:

– Ну, как ты, милая? Не сильно перепугалась этих взрывов?

– Ничего, дедуля! Пережили перестройку – переживѐм и перестрелку! – пошутила заглянувшая в комнату голубоглазая, русоволосая, стройная девушка. – Сейчас я разогрею суп – надо, дедушка, покормить тебя!

Оля кормила Ивана Сергеевича в его спальне, когда из прихожей квартиры донѐлся грохот выламываемой запертой двери, недовольные громкие незнакомые голоса. Через несколько секунд в комнату, где с тарелкой в руке на кровати сидел старик, и рядом стояла Оля, вошли двое молодых, с заросшими щетинами на грязных лицах мужчин в камуфляжах с жѐлтыми повязками со свастикой на рукавах, с автоматами Калашникова наперевес.

Старший из вошедших – чернявый, крепко сбитый, с наглой улыбкой наставил свой автомат на Кузьмина:

– День добрый, панове! Што-то нѐ бачу радости от встречи с «Правым сектором»!... Кто такие будете? Микола, пошукай-ка вон в том столе документы, да и вообще!

Более молодой каратель бесцеремонно вывернул на пол содержимое ящичков письменного стола. Пошуровал высыпанные бумаги грязным ботинком. Среди прочего разлетелись в стороны и коробочки с боевыми и трудовыми наградами старика.

Микола поднял с пола ордена, золотисто блеснувшую звезду Героя Социалистического Труда:

– Смотри-ка, сотник, какие цацки у этого безногого деда! Да он же с Бандерой, наверное, воевал в ту войну, москаль проклятый! А цацки, видать, неплохих денег стоят!

Сотник почти вырвал у Миколы награды, сунул их себе в боковой карман брюк:

– Это конфискуем для нужд «Правого сектора»... Значит, старик при Советах дослужился до Героя Соцтруда... А это – кто!? – каратель перевёл дуло своего автомата на Олю, щёлкнул затвором.

Кузьмин поставил тарелку на прикроватную тумбочку:

– Ты автоматом-то не цель в девчонку! Это внучка моя, ухаживает за мной, только школу закончила, ребёнок ещё!

– Ха, ха, ребёнок! Наверное, пособница москалей! Знаем мы таких ребёнков! Вот для этого и будем зачищать ваш городишко от предателей неньки Украины! – зло произнёс старший, правда, отвёл автомат в сторону от Оли. – Да, хата у тебя, москаль, неплохая, просторная... Так что мы, Микола, пока здесь тормознёмся... Осмотри-ка другие комнаты, может, где ещё чего ценного найдёшь... А ты, дивчина, пошли со мной на кухню – приготовишь нам пожарь с дороги!

«Укропы» вместе с растерянной Олей вышли из спальни Кузьмина. Старик обессилено прилёг, лихорадочно прокручивая в голове создавшуюся ситуацию. По манере поведения украинские вояки напомнили ему гитлеровских прислужников во время той далёкой войны – полицаев. Да и свастика на руках такая же...

«Значит, взяли всё-таки город... Видно, ополченцы отошли... Лишь бы с внучкой ничего не случилось плохого... От этих мерзавцев всего можно ждать!» – тревожно размышлял Иван Сергеевич.

В приоткрытую дверь спальни старик услышал долетевший довольный голос Микола, рывшегося в зале:

– Сотник, побачь, что я отыскал! Цельный склад горилки в баре у коммунаки припрятан!

– Тащи на кухню! Отметим нашу победу над москалями! – отозвался старший.

«Дорвались до моего бара... Чёрт с ними, пусть ужрутся ..., – понял старик. – Только бы внучку не трогали...»

Спустя некоторое время в спальню к Кузьмину заглянула Оля. Выглядела она встревожено, но старалась не подавать вида.

– Как ты, внучка!? – взволнованно поинтересовался старик. – Не обижают каратели?

– Не волнуйся, дедуль... Я им разогрела их пищевые американские пайки, но они пользуют твои коллекционные напитки... Дедуль, я тебе котлетку с картошечкой принесла – доешь, что не успел из-за них... – с этими словами Оля присела на край кровати Ивана Сергеевича, подсунула ему повыше под голову подушку, протянула миску с едой.

Кузьмин начал кушать, не сводя любящего взгляда со своей милой внучки. Старик протянул опустевшую тарелку, вилку Оле, когда в комнату, пошатываясь, ввалился Микола в расстегнутой на груди униформе:

– А, вот вы где прячетесь, москалюки! – пьяно прогузнул каратель. Взгляд его мутно блестящих глаз упёрся в неработающий телевизор, стоявший напротив кровати старика. – А телек чего не бачите? Не хотите смотреть украинское телевидение?

КОСПРОМА

– Телевизор давно ничего не показывает, как началась война, – попытался пояснить Кузьмин.

– Но мы же вас освободили от террористов... Должно и телевидение киевское врубиться! – не унимался каратель. Он подошёл к телевизору, включил его. Экран замигал, затрясся неровными полосками – и к удивлению хозяев квартиры появилось изображение и звук – начался показ новостей какого-то центрального киевского канала. Дородная, улыбчивая телеведущая комментировала видеосюжет, как жители освобождённых от российских сепаратистов районов Донбасса радостно, с хлебом-солью встречают освободителей – бойцов «Правого сектора» в униформе...

– Вот как нас приветствуют патриоты Украины! Не то что вы – коммуняки-москаля... Ладно, Оля, пойдём до сотника, он просил! – Микола захватил внучку за руку и почти потащил её за собой из спальни.

Старик приподнялся, и, не выдержав, почти крикнул:

– Парень, если обидите мою внучку – вы не жильцы! Учтите! Из-под земли достану!

Каратель обернулся, улыбнувшись развязной кривой улыбкой:

– Да, дед, тебе давно пора под землю! Ты своё отвоевал семьдесят рокив тому назад! Вояка – коммуняка! На одной ноге много не навоюешь, старая рухлядь! Так что лежи тихо и не скворчи! Кончилась ваша москальская власть!

От волнения у старика свинцово застучало в висках, закружилась, поплыла голова – и он бессильно рухнул навзничь на подушку.

«Вот, гестаповцы, всерьёз меня уже не воспринимают, списали! А не поспешили ли!? Если понадобится – я соберусь для своего последнего боя! – с горечью думал Кузьмин. – Эх, встретились бы они мне этак годков семьдесят тому назад – вот тогда бы увидели – чья здесь правда! Наймиты американские, мать вашу... Христопродавцы!»

По работающему телевизору начали показывать концерт какого-то рано обрюзгшего, гнусавого, как бы постоянно сморкающегося музыканта из России перед украинскими картелями из оккупированного ими донбасского города. Иван Сергеевич без очков плохо различал надписи, появляющиеся внизу экрана телевизора, прочитал, что это выступает какой-то Макаевич или Минаревич... Артистишка вяло брэнчал на гитаре песенку с плохо различимым смыслом...

«Предатели они везде и во все времена на одно лицо... – невольно подумал Кузьмин. – На войне – той, Великой Отечественной войне – я встречал такие же гнусные рожи, как у этого продажного артиста из России, у захваченных в плен полицаев или бандеровцев... Время разное – а сущность одна... В бою они с предателями разбирались просто – пуля в лоб, чтоб не воняли больше на нашей земле – и весь разговор!»

Со стороны соседней комнаты через неплотно закрытую дверь послышался шум, возбуждённые голоса карателей:

– Не хочешь уважить украинских хлопцев, москаляка!.. Так мы заставим!

– Не надо! Не делайте этого! Дедушка!!! – различил старик отчаянный зов Оли.

«Что творят они с ней, фашисты! – всё перевернулось в душе Ивана Сергеевича. Страх за внучку, лютая ненависть к врагам мобилизовали его старое, дряхлое, больное тело.

Через боль он отжался от поверхности кровати, засунул онемевшую культю левой ноги в протез... Острая резь от раздражения незаживших трофических язв пронизала всю ногу, дошла до сердца. Старик чуть было не закричал от этого дикого страдания, но как семьдесят лет тому назад, на фронте только закусил побелевшие губы, застегнул, преодолевая себя, все замки, ремень протеза. Отступать было нельзя! Старик понял, что наступил час последнего, решающего боя в его долгой жизни.

Задрожавшей рукой вытащил из тайника наган, взвёл курок. Посидел буквально мгновение на краю кровати, пока не исчезла дрожь в руках, ушло головокружение...

– Дедуля! Помоги!!! – опять донёсся сквозь шум борьбы из соседней комнаты слабеющий голос внучки.

Сцепив зубы, рывком старый фронтовик всё-таки встал на ноги, и тяжело, покачиваясь от стреляющей фантомной боли в культе, направился на помощь Оле. В соседней комнате Иван Сергеевич застал следующую картину: пьяные сотник и Микола вдвоём на раздвинутом диване срывали остатки одежды с отчаянно сопротивляющейся насилию внучки.

Старик направил дуло револьвера в сторону обезумевших насильников:

– Оставьте её в покое, изверги! Иначе перестреляю вас, фашисты!

Микола обернулся первым в сторону старика, в его налитых кровью глазах промелькнул страх:

– Дид, не надо! – и молодой каратель со спущенными штанами отодвинулся в сторону от распростёртой на диване обнаженной девушки.

Сотник тоже посмотрел в сторону Кузьмина и угрюмо ухмыльнулся:

– Да, его пушке сто лет, она не выстрелит! А вот моя не подведёт! – каратель потянулся рукой к пристёгнутой на поясе кобуре с пистолетом...

Первый выстрел из нагана старика продырявил лоб сотника. Из образовавшейся чёрной дыры немного выше глаз хлынула тёмная густая кровь в смеси с чем-то ещё... Насильник захрипел и отвалился в сторону от Оли.

В руках Миколы блеснуло лезвие откуда-то появившегося ножа, он приставил его к шее внучки, закричал:

– Зарежу девку, только шевельнись, москаль!

Звук второго выстрела гулко отразился от высокого потолка, стен «сталинки»... Чёрная кровавая дыра возникла посредине лба молодого карателя, нож выпал из его ослабевшей руки...

Силы покинули и старика. Боль, исходящая из больной культы, пронзила его беспощадно. Иван Сергеевич зашатался, готовый упасть... Оля успела подхватить его, подставив своё хрупкое плечо:

– Дедушка! Держись! Пойдём в постель!

КОСПРОМА

С трудом внушка довела Кузьмина до кровати, освободила окровавленную культю от тисков тяжеленного протеза, уложила старика.

– Как ты, дедушка? – заботливо спросила Оля, видя, как слабея, опускаются веки его глаз.

– Спасибо, внушка...

– Как ты метко попал им обоим прямо в голову! И даже меня не зацепил, спас... Они же хотели меня изнасиловать, нелюди...

– Как я мог промазать – на фронте в разведроту был снайпером, – прошептал слабеющий старик. – Ты не задерживайся здесь – соседи похоронят... Уходи в сторону Донецка к ополченцам... Здесь тебе оставаться очень опасно... А я свой последний бой выиграл....

Старик выдохнул последний раз и обмяк...

– Дедушка, дедушка, не умирай! – Оля пыталась остановить уход фронтовика в мир иной... Но, видно, его час пробил...

По безлюдным улицам разбитого, захваченного украинскими военными Славянска осторожно, перебежками, по направлению на восток продвигалась одинокая девичья фигурка. В руке Оля судорожно зажимала дедов наган. В этот вечер только неожиданно налетевший шквальный ветер, поднимавший столбы пыли или праха от разбомбленных зданий, свободно гулял по закоулкам некогда цветущего рабочего города Новороссии...

ИЛЬЯ ТАРАНОВ - член Союза писателей России, заместитель председателя Ульяновского отделения СПР, исполнительный директор Ульяновского Фонда поддержки детского чтения, в 2018-2020 гг. – председатель Ульяновского отделения СПР. Издал сборники стихотворений и рассказов «Белая птица», «Я пришёл наблюдать за снегом», роман «Стена», исторические повести «Как Стенька Разин по Волге ходил...», «Как Богдан Хитрово Симбирск строил», роман-сказку «Маэлла и Башня господина «В», две фантастические повести для детей из серии «Космические приключения Бубоньки», сказки в стихах «Кулички», «Бибибиль», «Разгуляйка». Печатался в журналах «Симбирск», «Берега», «Сызранская излучина», «Литературный Ульяновск», «Беседка Гончарова». Победитель Международного конкурса «Будь человеком» в 2020 г., финалист II Международного конкурса «Огни золотые» в номинации «проза», участник книжного фестиваля «Красная площадь» в 2018 г., в 2003 г. удостоен диплома «Лучшая книга для детей и юношества» на всероссийской выставке «Симбирская книга». Автор литературно-исторического проекта «Симбирское Ульяновское литературное кольцо». Занял 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Проза» (2022 г.).

ПОЗЫВНОЙ «СТРЕЛЕЦ»

повесть

В первых числах марта две тысячи двадцать второго года на окраине Гостомеля, посёлка городского типа в Бучанском районе Киевской области Украины, взорвавшийся миномётный снаряд выбил стёкла в частном кирпичном доме. Дремавший в кресле чернявый мужчина средних лет гренадёрского роста в армейской каске с автоматом на коленях молниеносно вскочил и, пригибаясь, бросился из помещения.

Снаряд взорвался со стороны кухни, где в это время второй боец промывал в душшлаге грибы, хлопотал с обедом для расположившегося в доме парашютно-десантного взвода. Взрывной волной десантника отбросило на пол, и он оглохший выползал наружу, приминая под собой разбросанные по полу магазинные шампиньоны, будто неразорвавшиеся миниатюрные мины.

– Бурят! Живой? – гренадёр выволок контуженного на парадное крыльцо коттеджа. Туда же выскочили с автоматами ещё несколько бойцов.

Бурят зашевелился, открыл глаза:

– Всё нормально, Стрелец! Котелок только гудит, словно непрогретый дизель.

КОСПРОМА

Подоспевший на помощь Матрос – парень с рязанской улыбкой из отделения Стрельца – дружески толкнул Бурята:

– Так чего тут разлёгся как падишах? Жми на кухню!

Стрелец отстранился от бойца, осматриваясь:

– Где Кречет?

– Здесь я, пацаны! Танк целый! В него хохлы метили, – слышался голос из-за повалившегося на БМД железного забора.

– Знали, видно, про два ящика с азотом, дьяволы украинские! – то ли пошутил, то ли предположил Матрос. – Разнесли бы и танк, и хату в клочья! И на чём бы мы поехали в магазин?

Боевую машину, наполовину заваленную трубами и профнастилом, испещрённым дырками от польского миномётного снаряда, десантники называли и танком, и бэтэром, и машиной, и бронёй. Всё зависело от ситуации, от военного опыта бойца, от военного звания и ещё чёрт знает от чего. БМД-2 представляла собой военную гусеничную плавающую машину с небольшой башней, на которой были установлены тридцатимиллиметровая пушка и два пулемёта. Как говорил Матрос – бэтээр хоть и не подводная лодка, но гребёт как танк.

– Машину замаскировать под деревьями! – приказал командир взвода с позывным Кречет. Пока Бурят – механик-водитель – запускал танк, Стрелец всматривался в небо; оно было беззвучным и серым, без тонов и полутонов, пахло гарью и пустотой. Булгатня улеглась, взвод вернулся в дом, подручными материалами заделали разбитые окна, а Бурят собрал разбросанные грибы и продолжил кухарить, трясая головой будто солонкой. Всем зверски хотелось есть, особенно здоровому Стрельцу, причём здоровому в разных смыслах: уже в доме Матрос разглядел на каске товарища свежую борозду, оставленную осколком разорвавшейся мины. Егор Жаров – позывной Стрелец – был командиром отделения ПТУР парашютно-десантного батальона дивизии ВДВ Вооружённых сил России. Он с интересом рассматривал свою каску.

– Предельно в точку! Наш командир так сладко храпел, что проспал свою смерть! – улыбнулся Матрос.

– Егор в рубашке родился! – вставил Лёха, наводчик стрелцовского отделения.

– В тельняшке! – усмехнулся Стрелец. – В Чечне тоже прошла по касательной!

Из всех ребят отделения Стрелец был самым опытным, прошёл несколько горячих точек, уже немолодой, чуть за сорок, контрактник ВДВ. Бессонные ночи последних дней давали о себе знать, и Стрелец, присевший снова с автоматом в кресло, тут же погрузился в тревожную дрему. Рядом на стекле журнального столика лежала книга – роман «Шантарам» Грегори Робертса – которую он наугад взял три дня назад с книжной полки и начал читать, пока ребята рассуждали о непонятной им военной тактике командиров. Историей о сбежавшем из тюрьмы австралийском грабителе Стрелец увлёкся, сравнивая жизнь главного героя со своими зигзагами судьбы. Стрельца

удивляло большое количество книг на русском языке в домах украинцев. Его беспокоило некое inferнальное понимание происходящего: воюем против дружеского народа – таких же славян, как мы сами. Это не в Аргунском ущелье прислушиваться к отрывистому вокалу кавказского языка. Украинская мова заходила в подсознание без перевода. Поговорить на эту тему ему хотелось, но не с боевыми товарищами, а с гражданскими, лучше всего с Настей, своей любимой подругой, лившей долгие слёзы, когда Егору удавалось пооткровенничать с ней по мобильнику. А ведь права она была, когда в феврале убеждала, что наши войска вот-вот зайдут на Украину: «Вот и подруга Наташка из Донецка мне звонила. Наши отцы служили в одной войсковой части. У них все с нетерпением ждут российскую армию вот уже восемь лет».

Пути Господни неисповедимы, и эта библейская истина, ставшая крылатым выражением, не раз доказывала Жарову невозможность предвидеть повороты судьбы. Ещё в двадцать первом году после тактических военных учений в Казахстане и Крыму Жаров почувствовал усталость, прошёл военно-врачебную комиссию и планировал уволиться из ВДВ. Он рисовал в воображении новую жизнь, а главное – психологически был к ней готов. На тот момент Егор Жаров с позывным Стрелец был командиром боевой машины, опыта хоть отбавляй; и когда командир батальона огласил приказ об очередных внеплановых учениях в Белоруссии по приведению подразделений в высшую степень боевой готовности и пообещал отпуск сразу после возвращения в часть, у Стрельца сработал рефлекс беспрекословно выполнять приказы командиров. Это воинский долг, сформированный присягой, воинским уставом, волей и выдержкой. Тут даже не реакция, выработанная годами службы, а образ мышления. Это надо прочувствовать на своей шкуре, врати в свой батальон, роту, взвод, в своих пацанов, таких как Матрос, Бурят, Лёха. Ощериться, как зверь, при виде врага и близости смерти!

В середине февраля три бригады ВДВ вылетели на Илах с аэродрома Восточный в Белоруссию. Жаров был в бодром настроении – как-никак последнее учение перед увольнением, Бог дал время пообщаться с товарищами и снова побывать в братской стране. Матрос толкнул Стрельца в плечо: «Стрелец, что за водоём?» Жаров наклонился к иллюминатору: «Днепр, под нами Могилёв». Жарову всегда было неуютно в самолётах. Ему бы трон вместо самолётного кресла, в котором он то выдвигал ноги в проход, то подкрючивал под сиденье.

На аэродроме их ждали комфортабельные Икарusy, будто для экскурсии, но часа через полтора дороги они перегрузились на военные Камазы и прибыли в Хойники, небольшой белорусский городок недалеко от Украины. Разбили лагерь в лесу: поставили солдатские и штабные палатки, натянули маскировочные сетки, заготовили дрова, растопили полевые печки, оборудовали полевые кухни и мобильный госпиталь. Погода в южной части Белоруссии была комфортной для февраля: температура минус два-три градуса. Лежал неглубокий снег, ветер слегка теребил тёмно-зелёный полог палаток. Лёха и Матрос ставили печку: гремели съёмными ножками,

КОСПРОМА

дымоходами, выдвигали зольник. Некондиционные дрова с корочкой льда засунули под печку сушить. В пасти нержавеющей чудяща вспыхнул огонь. Бурят удовлетворённо открыл-закрыл круглую дверцу:

– Живём, пацаны!

Матрос добавил: «Предельно в точку! Теперь не будем жить как свиньи в берлоге». Стрелец усмехнулся:

– Теперь не накажут кого попало.

Жаров часто думал в последние годы о так называемых тяготах армейской службы. В его подсознании эти тяготы не являлись психологическим дискомфортом от армейского быта и физической усталости. Как ни странно, это была зависть к гражданским, прозябающим в мелочных интригах и тусовках, в показушных смыслах свободной жизни. Эти эмоциональные всполохи быстро проходили, но повторялись во время длительных отпусков. Летом прошлого года это раздражённое состояние как рукой сняло, когда он познакомился в ночном клубе с потрясающей девушкой. Жаров иногда натёкался на таких в соцсетях, разглядывая их атмосферное селфи. Вот их блуждание в виртуальных мирах и было той тяготой армейской жизни, которая подчас тревожила Жарова.

В июле он отправился с давним другом Пашей в ночное кафе в надежде встретить блуждающую в грёзах блондинку – а что греха таить – Жаров уж два года был в разводе с женой. Паше, напротив, хотелось пообщаться с другом, расспросить о службе, вспомнить свои подвиги в Сирии. Паша был одного роста с Егором, массивнее, как и положено спортсмену боевого самбо, раньше служил в разведбате, а теперь в учебном центре, куда хотел перевестись в будущем Жаров. Он рассказал Паше о недавних учениях в Крыму. Паша провёл аналогию с учениями в Казахстане перед сирийской операцией. В первые часы российского вмешательства в конфликт – гражданскую войну в Сирии – НАТО было в полном шоке. Барак Обама высказался, что Сирия станет «трясиной» для российского президента Владимира Путина – очередным Вьетнамом! Но Россия сохранила целостность восточной страны и спасла Башара Асада. Паша заметил, что наши потери были минимальными.

Жаров слушал вполуха. В дальнем углу зала оживлённо беседовали две подружки – брюнетка и милая блондинка лет тридцати. Он пригласил блондинку на медленный танец и целиком отдался её весёлому обаянию. Если бы в тот момент ему дали разобрать и собрать автомат, он бы не вспомнил последовательность. «Приятная музыка», – начал Жаров тактический манёвр. Мужчины продумывают свои шаги, а женщины – походку! Настя, которую он осторожно придерживал за талию крепкими ручищами, милым взглядом поражала могучего льва, причём так беззаботно, что Жарову стало в один момент комфортно, как после раскрытия парашюта. Весь вечер она поддоброму прикалывалась над новым знакомым, явно желая ограничиться лёгким флиртом. Жаров вспомнил анекдот: «Товарищ капитан, ефрейтор Петров выпрыгнул из самолёта без парашюта! – Как? Опять?!» Анекдот

рассмешил Настю: «Никак не могу понять – лучшие годы моей жизни закончились или ещё не начинались?»

Жаров с головой окунулся в тихий омут любви, постепенно влюбляя в себя Настю. Позже она ему открылась, что сторонилась военных людей. Сама из семьи военнослужащего: отец – полковник российской армии, и она видела сложность отношений в семье из-за его частых отлучек по службе.

Именно ей каждый день Жаров звонил из Белоруссии. Своим взволнованным голосом она наполняла его сердце теплом и тревогой: «А ты точно на учениях? У нас ходят слухи про войну с Украиной».

В непризнанной Донецкой Народной Республике весь январь и февраль царил паника, о которой непосвящённые люди мало что знали. Ну, говорят в новостях об очередных обстрелах украинской артиллерией Донецка, ну, погибают мирные жители, но ведь это где-то у чёрта на куличках! Жаров привык не к войне – Чечня осталась в далёком прошлом, он привык к ожиданию войны. От слухов не спрятаться, разговоры разговаривали, как шутили бойцы, но серьёзные боевые задачи не ставились. Матрос всегда шутил по этому поводу:

– Полковники не бегают, так как в мирное время вызывают смех, а в военное – панику.

– Не паникуй, милая! – отвечал Жаров Насте.

... В Кировском районе Донецка в доме на углу улиц Яковлева и Саврасова молодая женщина, прижимая плечом к уху телефон, заливала кефиром крошенный в тарелку хлеб:

– Спасибо, Настенька, сейчас покормлю Брынзу и побегу работу работать, по пути в аптеку, в магазин, мои просили пластырей, бинтиков, таблеточек от живота, чайку, сахарку, сигарет. В общем, всякого всего, чего добуду. Носочков баба Вера с подружками-соседками навязали ворох. Смеются – мы спицами воюем!.. У моей Маришки из бухгалтерии муж сегодня заскочит к нам и отвезёт посылочку хлопчикам на блокпост. Они планировали приехать домой на денёк-другой, да говорят, украинские войска зашевелились. Мы все тут молим Бога, чтоб ваша армия поскорее пришла. Слухов много!.. Как твой Жаров? На учениях?! Ну, пока, дорогая! – она убрала телефон и наклонилась к пушистой кошке. – Брынзулька, ну потерпи, глупая, отдавлю твою лапку.

Молодая женщина подхватила пакет и сумку, выскочила в подъезд, хлопая дверью. Этажом ниже сухонькая бабушка с добродушными смешливыми глазами высунулась из своей квартиры:

– Ой, Наташенька, доброе утречко! Ты про меня небось не забыла?

– Здра-асти, баба Вера! – театрально растягивая слова, улыбнулась женщина. – Сегодня ваше рукоделие поедет на фронт! – она раскрыла пакет, в котором аккуратно лежали три пары шерстяных носков. – Буду поздно, подруге надо помочь с детишками. Своих-то я отправила с мамой в Россию – в Подмоскovie сейчас они. Занесу вам и хлебушек, и таблетки, и расскажу всё подробнее. Вчера опять обстреляли город. Возле рынка убило трёх человек.

КОСПРОМА

Вот ключики от квартиры. Брынзульку мою не забудьте навещать, если вдруг не вернусь.

– Не приведи Господь, Наташенька! – баба Вера неуклюже протянула вперёд руки и обняла женщину. – С Богом, милая!

По сути, на территории Украины шла затяжная гражданская война, но украинские СМИ преподносили это с точностью до наоборот. Якобы ополченцы ДНР и русские оккупанты сами обстреливают эти территории, а потом хоронят убитых и ставят им гранитные памятники. А Настя перелопачивала эту инфу, пыталась даже писать комментарии в фейсбуке на этот бред украинских фрэдов. По профессии юрист, она и писала с юридическим оттенком без злобы, но натыкалась на такие айсберги очумелого негатива, что просто блокировала контакт, а потом долго не могла уснуть.

Жаров чувствовал возрастающее напряжение в военном лагере. Командиры батальонов становились всё суровее, а учения всё не начинались. На вопросы своих бойцов он кратко отвечал словами комбата: «Будут приказы, будем выполнять. Сначала сложим цифры в буквы!». Жаров после разговора с Настей стал вспоминать две тысячи четырнадцатый год. На большом десантном корабле он в составе бригады прибыл из Новороссийска в Крым. Ночью десантировались и колонной совершили марш-бросок вглубь полуострова в район села Перевальное. Наши морпехи пришли раньше и были на позициях, там же стояли российские танки. Украинская войсковая часть располагалась выше села у подножья Чатыр-Дага. Жаровская бригада подошла на усиление и расставила технику выше танковых позиций.

«Поливать горы в случае атаки с севера! Стоять насмерть!» – приказал комбат. Оштукатуренные кирпичные заборы с колючей проволокой по периметру, белые кирпичные двухэтажные строения, церквушка с зелёным куполом, казармы, КПП, наблюдательные вышки – всё было будто знакомым и родным. Кроме гарнизона на территории городка стояла украинская десантная бригада, совершившая полевой выход с материковой Украины. Красивые горные пейзажи на горизонте – и те выглядели зловеще. Мандраж был, как ни бравировал Матрос: «Предельно в точку! Крым, пацаны, считай наш!»

Нормальный страх, разгоняющий по телу адреналин, но не малодушие. В какой-то миг Жарову показалось, что небесной силой отключили все звуки, чтобы вслушаться в учащённое дыхание военных людей в камуфляже. Уже потом Жаров узнал, что была команда на штурм гарнизона, но именно комбат оттягивал выполнение. Как донесло солдатское радио, командиры украинской бригады и российской хорошо знали друг друга по военному училищу и были однокашниками. Впрочем, стояние у Чатыр-Дага длилось недолго, прошли переговоры и украинский гарнизон сдался. Им дали коридор, они очистили казармы, загрузились на технику и уехали на материк. Крым стал российским, каким и был сотни лет...

Могли астрологи предположить, что двадцать первое февраля две тысячи двадцать второго года будет переломным в движении России по своей привычной орбите? В какие звёздные квадраты вошёл воинственный Марс,

притянутый зловещим Сатурном, утверждать никто не возьмётся. В этот день с космической скоростью стали разлетаться шокирующие новости. Глава Донецкой Народной Республики Денис Пушилин попросил президента России Владимира Путина признать ДНР как независимое государство. Следом Леонид Пасечник – глава Луганской Народной Республики – сделал аналогичное заявление.

Вечерняя Москва жила своей обычной деловой шумной жизнью. В гулком метрополитене не стихал поток пассажиров, пробки из дешёвых и дорогих иномарок наполняли проспекты и улицы увертюрами сигналов, молодёжь спешила на зимние катки, в макдональдсы и бургерные, состоятельные москвичи собирались в рестораны с европейской и восточной кухней на Тверском бульваре.

В Кремле Глава Российского государства Владимир Владимирович Путин собрал Совет Безопасности РФ. Он бодрой походкой по-военному зашёл в белоснежный просторный зал с высокими колоннами. Президент был в безупречно сидящем чёрном строгом костюме. Путин выступал коротко, ёмко, без сентенций и наигранности, суть сводилась к следующему: после госпереворота на Украине в две тысячи четырнадцатом году часть населения этой страны не приняла этот антиконституционный и кровавый переворот, в ходе которого погибло много ни в чём не повинных людей. Ход последних событий показывает, что нынешние власти Украины не собираются исполнять минские соглашения...

Настя вечером заехала к отцу рассказать о Жарове, послушать мнение полковника в отставке о последних неординарных новостях. У него всегда было суровое выражение лица, по которому понять его душевное состояние постороннему было сложно. Настя ожидала увидеть встревоженного человека, но с удивлением обнаружила отца в приподнятом настроении. Он говорил вразрез с её мыслями:

– Пойми, Россия обречена на войну потому, что если она огромная, сильная и богатая, то и вести себя должна соответственно! Чревато слыть бесхитростным Иваном из-под Рязани, получившим крупное наследство. Ловкие дядьки оберут до нитки... Вот Шойгу сейчас сообщил, что со стороны Украины на границах с Донбассом сосредоточены почти шестьдесят тысяч военнослужащих. Джавелинов на Украине уже больше, чем в некоторых странах НАТО.

– Так что, папа, будет война? Жаров сейчас на учениях в Белоруссии!

– Да, Настенька, пахнет жареным. Признание республик Донбасса автоматически не выключает западную адскую машину, работающую на разрушение России. И если этот зверский механизм невозможно отключить, то необходимо его уничтожить! Наш главнокомандующий, надеюсь, такой приказ подпишет!

День защитника Отечества для бригады ВДВ выдался хлопотным и пасмурным. Приводили в порядок амуницию, получали оружие. Отделение Жарова получило Корнет, ракеты, гранаты, сухпайки. Жаров стал мудрить с дополнительными карманами, куда запихивал распотрошённые пайки. По

КОСПРОМА

приказу командира роты бойцы пришивали на рукава георгиевские ленты, приматывали полосы серого скотча, квадратами приклеивали его на каски. Все понимали, что будет заброска. Вечером в штабе у начальника части с комбатами прошло совещание. Позже командир штурмовой роты собрал своих бойцов и поставил задачу:

– Летим на аэродром Васильки. Это Украина! Нам приданы сапёры. Высаживаемся, совершаем марш-бросок два километра, делаем брешь в заборе, захватываем аэродром.

После паузы раздался неразборчивый гул голосов.

– Наконец-то нам дали приказ наступать, – театрально произнёс Матрос. Жаров, переваривая приказ, мысленно схватился за голову и высказал свои сомнения:

– Товарищ майор, хочу уточнить боевую задачу. Как вы представляете марш-бросок моего отделения с птурами и ракетами без бэтээра? На мне броник, рюкзак с сухпайками, восемь магазинов, гранаты, спальник и автомат. А у кого-то за спиной РПГ. Остальные ракеты кто будет тащить? – Жаров реально оценивал обстановку, за это его ценили командиры и уважали бойцы. Арифметика в данной ситуации простая: боевые машины, как было известно, перекинуты ещё первого февраля к границе Белоруссии, ближе к району Чернобыля.

– Предельно в точку! – улыбался Матрос. – Вопросов нет, когда ответ налицо: два километра бежать с тяжёлой установкой Корнет, которую тащат два бойца отделения – оператор и наводчик. По одной ракете тащит командир и механик, а кто берёт ещё четыре ракеты по тридцать кило каждая?

– Помогут снайпера! – отрезал ротный. Он всегда говорил просто и убедительно. Все, кто любил ротного – а любили его все – глянули в сторону снайперов. Жаров удовлетворённо кивнул:

– Разрешите приступить к обучению новобранцев?

Ротный в долгу не остался:

– Главное, не убегай от снайпера – умрёшь потным и уставшим.

Вечером в штабной палатке собралось командование батальона. Заместитель комбата говорил:

– На Западе считают, что место России в странах третьего мира. За наше место под солнцем нужно драться!

Комбат заметно нервничал:

– У меня давно нет иллюзий по поводу англосакской банды и НАТО в частности. Наш Главком дал приказ действовать в интересах страны – всё, цирк окончен! Главное – сложите цифры в буквы и рации проверьте, чтобы безмолвием не подмочить нашу репутацию. А драться мы умеем даже голыми руками. Ребята! Завтра идём защищать своих!

Утренний подъём двадцать четвёртого февраля объявили в половине пятого. Жаров ночью много ворочался, определённое беспокойство перед выполнением боевой задачи давало знать, уснул ближе к полуночи и поднялся с усилием. Хмурое зябкое утро встретило батальон на построении порывистым ветром. Молча погрузились в военные Камазы с тентованным

кузовом, доехали до трассы. Вдоль дороги замерли десантно-транспортные вертолёты Ми-8. Жаров любил эти железные живучие вертушки. Построились попертолётно, комбат огласил приказ:

– Ребята, наш Главнокомандующий объявил Специальную Военную Операцию против нацистского режима братской Украины. Задача нашего батальона – выдвинуться в район Гостомеля под Киевом и захватить аэропорт Антонова, ждать прихода пятой армии. Максимально беречь себя и гражданское население.

Новая задача успокоила Жарова. Высадка десанта должна произойти прямо на аэродроме, безопасность приземления вертолётов обеспечивает отдельный разведполк, а марш-бросок совершать не придётся. Напряжённое хмурое лицо комбата не давало повода для шуток и обсуждений приказа. Вылет назначили на восемь, но поднялись в небо только в одиннадцать. Летели над Днепром совсем низко, опасаясь обстрела. Когда оказывались над лесом, пересекая речные изгибы, вертолёт выпускал тепловые ловушки. Жаров не знал, где и когда пересекли украинскую границу; лица ребят были сосредоточенными, большинство сидело неподвижно с закрытыми глазами. Гул двух газотурбинных двигателей и шум винтов заполняли всё пространство, казалось, что само серое полотно Днепра движется и гудит как гигантская конвейерная лента. Жаров боялся обстрела ракетами, по его телу бегали нервные импульсы, подготавливая организм к действиям, сосредотачивая мысли на боевой тактике, включая реакции самосохранения и концентрации. Однако была некая уверенность, что всё произойдет без боя, как в Крыму.

Группа вертолётов пролетела над Гостомелем и через несколько километров лесопосадок и полей открылось серое поле аэродрома с длинной взлётно-посадочной полосой, рулёмкой, бетонкой для стоянки гражданских самолётов, множеством ангаров, строений и несколькими очагами густого чёрного дыма: видимо, уже шли бои и разрывались снаряды. Вертушки выстроились в карусель: зависали над полем, резко приземлялись и, высадив десант, улетали.

Вторая парашютно-десантная рота, в составе которой было отделение Жарова, высадилась на краю аэродрома, где стояло двухэтажное техническое здание, похожее на пожарное депо. В взвихряющихся струях воздуха Жаров спрыгнул первым, пригнулся, пробежал пару шагов, осматривая местность через прицел автомата: вокруг невысокие ели и редкие кустарники, в ближайшей видимости ни военных, ни гражданских он не обнаружил. Вдали слышалась стрельба и взрывы.

«Кречет, я Стрелец, противника не наблюдаю». «Кречет, я Амур, правая отсечка пятьсот метров по взлётке, захватить здание». Рация постоянно работала, её треск вливался в общий гул боя. «Ребята, кто меня слышит! Скажите всем, гражданских не трогать. Отсечка... дальность километр. Эрпэгэ – работать!»

Жаров чувствовал накал боя в районе КПП и контрольно-диспетчерского пункта. Там работала четвёртая рота и отдельный разведполк,

КОСПРОМА

который входил в состав объединённой тактической группы. Бригада спецназа захватывала военные казармы украинской нацгвардии. Вторая рота продвигалась к зданию, когда появились украинские Ми-24 и обстреляли десантников. «Ребята, птички не наши!» – скрипела рация. Десантники открыли ответный огонь, в одночасье небо стало враждебным, низко промчался украинский МиГ-29, а следом две Сушки сбросили бомбы. Жаров выпустил по ним всю обойму, и другие бойцы отчаянно полоскали очередями хмурое небо. В этой адовой кутерьме, как ни странно, обошлось одним лёгким трёхсотым. Вскоре появились российские Су-35, и всех «птичек» сдуло к западу. Комбат дал команду второй роте окапываться и ставить Корнет на крыше здания. Жаров с Матросом подняли противотанковую установку по пожарной лестнице и замаскировали подручным хламом.

– Труба на позиции, – доложил Жаров.

Украинская нацгвардия, охранявшая аэродром, в спешке отступила. Стратегический план захвата аэропорта успешно был выполнен, о чём комбат доложил в штаб, а батальон занял круговую оборону. Наступила ночь, где-то слышалась перестрелка, но к полночи стихло. Жаров с Матросом лежали на крыше возле Корнета, рядом Лёха с кортом. Странно, но свет в здании включить, как ни пытались, не могли. Ветер немного стих, из-за облачности звёзд видно не было, а воцарившаяся тишина казалась сюрреалистической картиной, никак не вязавшейся в сознании с последними событиями, обрушившимися как ураган. Жаров оглядывал периметр в прибор ночного видения, когда послышалось жужжание и над головой в фиолетовом пространстве возник красный огонёк.

– Дрон, – шепнул Матрос. – Не наш, хохляцкий! Тихо жужжит, зараза, как майский жук. Наш здоровее и гудит как хреновый вентилятор.

– Может, сбить?

– Засветимся!

Разведывательный дрон испарился, Жаров доложил по рации о беспилотном противнике. Блашники – отделение БПЛА – вышли на крышу со своим беспилотником самолётного типа. Пришла смена, Жаров передал дежурство и возвратился с товарищем в здание. Ещё вечером десантники закрыли все чёрные входы на случай внезапной атаки противника. Жаров с фонарём продвигался по коридору, и в этот момент во всём здании включился свет. Из правой комнаты выскочил в проход Диман, молодой парень из отделения блашников. Жаров услышал взрыв в дальней комнате, увидел отброшенного к стене Димана, почувствовал жар взрывной волны и бросился на пол. Ребята на крыше рассекли темноту пулемётной очередью. Наступившая следом тишина гулко зазвенела в ушных перепонках, медленно растворяясь вязким эхом в едком воздухе. Жаров явственно услышал снаружи щелчок, и следом две ручные гранаты влетели в здание. Десантники бросились к окнам и стали наугад стрелять. Ситуация была крайне невыгодной: в освещённом изнутри здании все были как на ладони. Краем глаза он видел, как над Диманом склонился Матрос, и понял, что у них «двухсотый». Из соседних окон химики палили из огнемётов. Ротный

приказал покинуть помещения, а через минуту здание накрыл массированный миномётный обстрел. Огонь вырвался из окон и перекинулся на крышу. Рота получила приказ отступить к КПП и там окопаться. «Чем глубже мы закопаемся, тем меньше нас убьют», – пыхтел Матрос, а Стрелец усмехнулся: «Хватит разговаривать с лопатой. Команду «отбой» пропустим». Поначалу разгорячённым бойцам было жарко, сон не шёл, мысли в возбуждённом мозгу закипали как металл в доменной печи, хотелось разговаривать, не оставаясь один на один с вихрем переживаний, так внезапно обрушившемся на десантников. Жаров достал портативный разогреватель, вскрыл упаковку, извлёк металлический таганок, отогнул ножки, воспламенил таблетку сухого горючего и поставил кружку с водой:

– Чайку попьём, Матрос!

– Предельно в точку, командир! Денёк был жарким. Попали в переплёт... Ты видел лица необстрелянных пацанов? Витька из третьей роты, похоже, лихорадка накрыла.

– Всем страшно, Матрос, даже нам с тобой. Но у нас разные страхи. По тебе вот ничего как бы и не видно, но жилы-то подрагивают. У меня такая же канитель.

– Предельно в точку, Стрелец! Мать бы узнала, где я сейчас – в обморок бы упала... Не уснём до рассвета, а надо...

Утром, сделав вылазку к сгоревшему наполовину зданию, десантники прочесали периметр, сняли с крыши разбитый «Корнет», вынесли убитого товарища, собрали брошенные вещи. Рюкзак Жарова ещё дымился в углу комнаты, и кроме сапог, чудом уцелевших, ничего другого забрать не удалось.

Сколько было «двухсотых» и «трёхсотых», был ли разбор полётов на уровне начальника штаба по ночному инциденту, Егор не знал. «Недооценили мы врага!», – тяжело вздохнул ротный, а Матрос добавил: «Не сложили цифры в буквы, как приказал комбат, вот и погиб Диман!»

Два дня их рота сидела в окопах, постреливая по неприятельским дронам, кружившим над аэродромом словно стрекозы в жаркий летний день на пруду. «Дронов у хохлов, как у дурака махорки», – удивлялся Матрос.

Всушники на территорию аэропорта не прорывались, палили из-за забора и быстро уходили от ответного огня. Жаров позаимствовал «Фагот» – противотанковую установку классом ниже, чем «Корнет» – у ребят из парашютно-десантной роты. Комбат приказал ему отработать элеватор – так они называли непонятное трёхэтажное сооружение-башню метров в ста от аэропорта. По всей видимости, там засел украинский наводчик, благодаря ему всушники неожиданно и прицельно забрасывали российских военных гранатами и миномётными снарядами. Жаров поставил установку недалеко от КПП, Матрос притащил ракету, Лёха навёл лазерный прицел, но в это время из-за забора ударила пулемётная очередь и полетели гранаты. Жаров почувствовал сильный хлёсткий удар в бок, будто с разбега наткнулся на торчащую из земли сваю, но бронезилет защитил. Он отполз за железный столб и оттуда открыл ответный огонь. Когда атака стихла, Егор не стал рисковать и поставил «Фагот» на бугре подальше от забора и быстро

КОСПРОМА

отработал по элеватору тремя ракетами. Сооружение превратилось в разрушенный замок Дракулы. «Предельно в точку, Стрелец!» – хмыкнул Матрос. С этого времени стихийные атаки возле КПП стихли. Занятый аэропорт удерживали порядка двухсот российских военных.

Вскоре стали подтягиваться колонны военной техники: бронетранспортёры, Уралы, Камазы. Отделение Жарова получило новый «Корнет» и боеприпасы. Командиры отработывали боевое слаживание подразделений, обсуждали тактические ошибки при взятии аэропорта. Комбат говорил:

– Противник не идёт в лобовую атаку, действует маленькими группами из-за угла! Такие углы могут быть круглыми – надо складывать цифры в буквы и опережать противника. Когда я участвовал в освобождении Восточной Гуты в Сирии, мы тщательно разведывали позиции боевиков, в том числе беспилотниками, работала наша арта, потом штурмовые группы. Тут такая же картина маслом, ребятки! Противника нельзя недооценивать. Об этом должен знать каждый генерал.

– А они знают, товарищ комбат? – в штабной комнате раздался сдавленный хохот.

Жаров по-доброму посмеивался над замысловатыми фразами комбата, но уважал его за храбрую прямооту и справедливое отношение к подчинённым. Справедливым быть трудно, злым – легко!

В огромном открытом ангаре правее от бетонки внимание десантников привлекал огромный Ан-225 «Мрия», самый большой и грузоподъёмный самолёт за всю историю мировой авиации. Спроектирован и построен гигант был ещё в СССР на Киевском механическом заводе. Полукруглая крыша ангара размером с футбольное поле накрывала гигантскую тушу весом почти триста тонн. Крылья размахом под девяносто метров склонялись к земле как ветви старой яблони с налившимися соком крупными яблоками – на каждом крыле по три турбины. «Это не самолёт, а огромное пузо с окнами», – шутил Матрос. У Жарова крутилась назойливая фраза: «Мрия – малярия, война – аритмия».

Пришедшую военную технику расставили как перед парадом между ангарами и гражданскими самолётами на бетонных площадках, приготавливаясь к марш-броску на Гостомель. Прав был комбат, предупреждая об углах и окружностях. Блашники после хорошей комбатовской взбучки круглосуточно запускали беспилотники, отслеживали подходы к аэропорту, и часто наша десантура эффективно и вовремя встречала противника на подходе. Но кто бы мог предположить, что в кабине самого большого самолёта в мире тихо щебетала молодая парочка – парень и его подруга, и по мобильнику передавала информацию обо всех передвижениях наших десантников украинской разведке.

Отделение Жарова соединилось со своим батальоном, а тактическую группу, в которую оно входило при захвате аэродрома, расформировали, планируя тактику захвата населённого пункта. Несколько десантных рот собрались на построение возле техники на бетонке и долго ждали штабное

начальство. Жаров со своими бойцами находился в многоэтажном здании инженерных служб на территории аэропорта, когда начался шквальный артиллерийский обстрел. Первые снаряды летели в скопление российской бронетехники. В районе ангаров начался ад – взрывы следовали один за другим, смешиваясь со скрежетом металла, падением обломков техники, бетона, конструкций зданий, дыма и гари. Массированный обстрел был неожиданным, перемалывал не только военную технику, но и гражданские самолёты. Механик-водитель Бурят, как и ещё несколько водителей машин. Сказать, что Бурят испугался, пришёл в ужас – ни о чём. Он ощутил страшный вакуум внутри себя, и мозг перестал думать как обычно, а включил дремавшие реакции человеческих сверхспособностей. Он бессознательно рванул на своей машине в ангар к «Мрии», но снаряд попал в кабину самолёта, разнёс её внутренности, а носовая часть фюзеляжа отвалилась, ткнувшись тупым носом в бетон. Вихрь огня прошёл под брюхом самолёта, выжигая резиновые покрышки шасси. Потом уже, вынося трёхсотых и двухсотых, разбираясь с разбитыми машинами, Жаров видел разбомбленную «Мрию» и рядом убитого парня-наводчика, который пытался выбраться из горевшего самолёта. Ребята из разведполка рассказали про найденную девушку, сгоревшую в самолёте. Было ли попадание в «Мрию» случайным, одному Богу известно. Так же, как и вопрос: «А где были рэровцы?»

В голове у Жарова с утра третьего марта опять крутилась песня Высоцкого: «Наконец-то нам дали приказ наступать...» Накануне комбат собрал командиров:

– Всё, ребятки, пока вшами не обзавелись, снимаемся с окопов и идём штурмовать Гостомель.

Как только на следующий день поступила команда «На броню» и колонна бронетехники зашла в пригород, по ней начался миномётный обстрел. Два штурмовых батальона, парашютно-десантный батальон и батальон спецназа зачищали пустующие дома, из некоторых открывали огонь и убегали военные, из других убегали гражданские – наводчики. Шли позиционные бои. Пришлось закрепиться на занятых позициях и два дня ночевать в пригороде. Жаровский взвод расположился в пустующем коттедже. Комбат предупредил:

– Углы не задевать, мебель не царапать, приду, лично сложу цифры в буквы!

Жаров, просматривая на полках книги, наткнулся на какой-то исторический том, где рассказывалось, что на берегах Днепра зарождалась Древняя Русь, история которой неисчерпаема, непостижима в своём христианском предназначении. Жаров нащупал свой нательный крест, поцеловал его и перекрестился.

Томительное ожидание длилось недолго, и батальоны вновь пошли штурмовать Гостомель. Первой выдвинулась пятая рота второго штурмового батальона, следом заходил третий. Двигались по Свято-Покровской улице к

КОСПРОМА

центру городка, расположившегося на берегах неширокой реки Ирпень и её притока Рокач.

Батальоны за мостом заняли позиции. Слева – светлое строение Покровской церкви, справа – парк, дальше гостомельский горсовет с зелёной крышей. Город будто вымер, растворяясь в серости мартовского облачного дня. Трещали радиации: «Противника не наблюдаю», «Пятая рота – вперёд, вторая прикрывает. Гражданских не трогать!» Гусеничные машины БМД-2, урча дизелями и наполняя местность едкими выхлопными газами проползли мимо памятника ликвидаторам аварии в Чернобыле, продуктового рынка и подходили к перекрёстку. Надо ли повторять приказ комбата об углах и окружностях? Кому-то движение российских батальонов по Свято-Покровской улице показалось триумфальным шествием, но только не противнику. Техника ползла, десантники шли под её прикрытием, но внезапный миномётный и автоматный обстрел смыл все иллюзии. Пятая рота нарвалась на засаду. Первый бронетранспортёр рванул вперёд, но, получив прямое попадание, встал как вкопанный, будто врезался в невидимую стену. За перекрёстком вёшники организовали блокпост и поливали огнём наступающих.

Слева из-за прикрытия кирпичных зданий украинский танк Т-72 поджигал одну бронемашину за другой. Вторая рота, шедшая сзади, не пошла в обход справа, в тыл, а поспешила на подмогу в лобовую. К завершению бед начинались сумерки, пятая рота пыталась закрепиться, но позиция противника была тактически выгоднее, и украинские войска просто уничтожали пятую роту. БМД-4 парашютно-десантного батальона шли в сотнях метров сзади. Жаров слышал шум боя, слышал команды по радиации и понимал, что ребята попали в серьёзный замес. Его рота поспешила на помощь, но в районе автосервиса нарвалась на миномётный обстрел и отступила. Первый бэтээр был подбит, бросок вперёд перекрыли взрывы, ротный приказал Стрельцу и всем бойцам отступить и занять позиции за церковью. Батальоны рассредоточились справа и слева от дороги. Наступала ночь. Бойцы первого батальона попытались сделать вылазку и забрать раненых и убитых, но были отсечены противником. Жаров с Лёхой заняли позицию справа от церкви. В воздухе пахло гарью и порохом. В голове у Егора опять навязчиво крутилась непонятно откуда появившаяся фраза: «Мрия – малярия, война – аритмия!»

Бурят не сразу понял, что его БМД попала под обстрел. Когда снаряд подорвал машину, он подумал, что врезался в бетонный блок и поспешно выбрался наружу. Скатившись по броне и укрывшись от пуль за гусеницы, он увидел двух раненых бойцов. Один просил пить, но через минуту умер. Второй поначалу дышал, но, когда Бурят попытался его подтащить ближе к бэтэеру, откинул голову и затих. Оценив обстановку, Бурят отбросил мысль лезть на броню и решил кого-нибудь позвать на помощь. Кроме убитых товарищей он никого не обнаружил, взрывы отдалялись, темнело. Бурят отполз от дороги, добрался до ближайшего здания, забрался внутрь и упал на пол. Мыслей никаких не было, его бил озноб, сердце сильно стучало, он сжался в комок и замер, превращаясь в какой-то бессмысленный кокон,

растворился в тёмном киселе небытия и отключился, погрузившись в тяжёлый сон. Механик-водитель первой машины Толя Сизый, оглушённый и контуженный, не стал выбираться наружу. Стрелок при попытке вылезти из башни был убит, и его тело упало в кресло механика-водителя. Сизый забрался в угол машины и стал ждать своих. Шум боя стих, просвет люка темнел, когда он услышал снаружи украинский говор. На башню забрались двое и стали снимать пулемёт и ленту с патронами. Сизый вжался в железо, пытаясь враспи в перегородку. В люке мелькнул силуэт, кто-то сверху заглянул, что-то сказал про убитого. Сизый услышал характерный щелчок, следом на мёртвого упала граната, раздался взрыв. Бурят, очнувшись утром от толчка, увидел украинских военных. Они выволокли его на улицу, провели мимо подбитых машин и тел убитых товарищей, толкнули, приказав встать на колени. Наша арта разбила украинский танк, но миномётный обстрел продолжался дня два. Лишь на третий день десантники оттеснили Гостомельский гарнизон нацгвардии за Ирпень в посёлок Горенка, на самую окраину Киева, и забрали двухсотых. У многих были пробиты затылки выстрелами через каску – украинцы добивали раненых.

Русскую поговорку о тяжести учения Жаров помнил с детства. Как-то отец вместо того, чтобы пожалеть, отругал его: «Егорка, балбес, сколько раз я тебя учил, как надо держать ножовку! Ладно – палец себе не отпилил! Что слёзы льёшь, как барышня? Оближи палец-то и продолжай пилить. Приноравливайся к каждой дощечке, меняй тактику, учись. Тяжело в учении – легко в бою».

Здесь на Украине он понимал, что опыт опытом, учения – учениями, а в бою всё по-другому. Надо приспосабливаться к местности, к погодным условиям, к тактике противника. Это, видимо, поняли и в штабе. Тактику боя изменили. Штурмовали и зачищали Гостомель небольшими группами по пять-шесть человек с автоматами и гранатомётами, уже без техники, потому что по ней сразу открывался миномётный огонь. Во многих домах сидели наводчики и давали координаты. Тактику принципиально поменяли: одна рассеянная на группы рота шла по центру, другие правым и левым крылом. Техника выдвигалась позже. Городок был захвачен практически без потерь. Когда зачистили последнюю улицу, отделение Жарова со взводом десантников расположилось на окраине посёлка в двухэтажном коттедже. Жаров пошёл искать расположение первого батальона, навестить старых друзей, узнать новости. В четвёртой роте нашёл остатки пятой и послушал рассказ перебинтованного Толи Сизого, который выжил в подбитой бронемашине после брошенной внутрь гранаты: «Я, пацаны, в бэтээре умер дважды. Первый раз, когда взорвалась граната, второй – когда очнулся и подумал, что я в аду». Кто-то ему ответил: «В следующий раз очнёшься в раю, но там горилки тебе никто уж не нальёт».

Закурили, подняли кружки за погибших товарищей. Жаров узнал, что пропал Бурят – не нашли его среди двухсотых. На душе было пусто, на сердце – горькая печаль. Он понуро пошёл в свою роту. За рекой кто-то страшный и чохоточный выхаркивал из железного горла комок раскалённой воюющей

КОСПРОМА

смерти. Она взлетала по невидимой траектории над землёй, выискивая цель, и мгновенно врзалась в неё, круша и убивая, рассыпаясь на куски и осколки, превращаясь в пепел и дым. Жаров замер, будто разглядывал себя в мутном зеркале, не узнавая лица, которое представлялось высеченным из камня идолом, и с удивлением отметил, что этот неизвестный в армейской каске с окаменелой физиономией даже не вздрогнул, когда где-то за домами взорвался вражеский снаряд. А вот в груди застыл комок, заставляя мозг думать о пропавшем Буряте. Жаров растёр огрубевшими ладонями щетинистые скулы, встряхнулся, сжал автомат и пошёл к своим, растворяясь в чёрном киселе мартовской ночи. Начались более-менее спокойные дни без наступлений и артобстрелов. В Буче, соседнем городке, который был в прямой видимости, расположились другие бригады. Говорили о штурме города Ирпень, куда прибыл украинский батальон Азов, но приказа несколько дней не было.

Пятого марта сухопутные войска Украины начали пешую эвакуацию жителей из Ирпеня в Киев. Одиннадцатого марта поступила команда штурмовать блокпост в Ирпене. Выдвинулись с командиром батальона, прошли мост, лесную и парковую зону. Разведка доложила, что вдоль дороги мотки колючей проволоки Егозы и ямы с торчащими на дне заточенными штырями арматуры, как ловушки на крупного зверя. В окопах засели всушники с ящиками коктейля Молотова. К блокпосту примыкал бетонный забор, за которым находился санаторий, переоборудованный под госпиталь. «В лоб атаковать не будем», – решил комбат. Жаровское отделение с бугра отработало ракетами по блокпосту, а третий взвод пробил брешь в заборе и зашёл с тыла. Блокпост был взят без потерь, и дорога на Ирпень открыта. Накануне Жаров плохо спал, ему приснилось какое-то слияние неба и земли в дрожащий синяк. Предрассудками он не страдал, а сон на марш-броске забылся. Но вот в тот момент, когда на горизонте появились жилые постройки, серое небо и блеклая мозаика крыш и домов вздрогнули, слились в грязное пульсирующее пятно, из которого выросла бордово-коричневая рука и схватила Жарова за голову, сжимая её будто тисками, он ощутил сильный удар в затылок, присел, трогая каску руками, почувствовал тёплую кровь на шее. Земля качнулась, он упал, потеряв сознание. Жаров не слышал, как Матрос кричал: «Стрелец! Егор!..» Снаряд разорвался в десятках метров от колонны, осколками слегка ранило несколько бойцов, а вот Жарова крепко зацепило – сквозное отверстие в каске. Когда он очнулся, Матрос и Лёха уже наложили ему бинты и укладывали на носилках в Камаз с ещё двумя ранеными бойцами.

– Живой, братуха! – улыбался Матрос. – Предельно в точку тебя шарашнуло. Заштопают, откормят, отмоют и опять на броню. Держись, друг, и с медсёстрами особо не балуй!

– Покомандуй мне тут, – пытался улыбнуться Жаров.

Раненых отправили в мобильный госпиталь, но в МОСНе его состояние начало ухудшаться, нарушилось зрение, появилась спутанность сознания. Жарова эвакуировали в Белоруссию в нейрохирургическое отделение, и там

сделали трепанацию для декомпрессии мозга. Застрявший осколок извлекать не стали из-за риска угрозы жизни: возможно повреждение нейронов и тогда отключатся дыхательные центры. Осколок удачно располагался между двумя полушариями и не задел нейронные связи. На долечивание и дообследование Жарова отправили в московский военный госпиталь. Ранение вызвало отёк головного мозга, проявлявшийся как потеря бокового зрения и нарушение вестибулярной функции – при ходьбе его покачивало.

Был конец марта, Жаров смотрел в пустой потолок больничной палаты. Он вспомнил гостомельское небо: беззвучное и серое без тонов и полутонов. Дня два назад под утро что-то затарахтело со стороны улицы, Жаров спонтанно попытался нащупать автомат и открыть огонь по вражескому дрону. Он долго лежал в поту отрешённый и безмолвный. Однако его здоровье улучшалось, зрение восстанавливалось, ходить стал увереннее, но вот приступы тоски всё чаще накрывали его, паническое настроение терзало сердце: «Как теперь будет складываться семейная жизнь, как продолжать службу, что с его пацанами на Украине?» Ко всей этой психастении Жаров прокручивал в голове прожитые секунды перед ранением, занимался самобичеванием: «Слышал же нарастающий гул летящего снаряда, слышал команды, но не среагировал, ушёл на мгновения в мыслях в родные края, думал в этот миг о Насте, о своём городе, о родителях и близких».

Скрипнула дверь, и какая-то волна неизмеримой радости наполнила всё его тело. Что-то запредельное почувствовал он в звуках, в запахах, в неуловимом дрожании света, до боли родное и близкое, как запах хлеба в детстве, как родительский окрик на июньской лужайке и свежий волжский ветер на крутом берегу. Он повернул голову и увидел в дверном проёме пламенный взгляд Насти, наполняющийся слезами радости. Неопишуемая безмятежность разлилась по его жилам, внезапная невесомость подняла с кровати и он, покачиваясь как большое дерево, шагнул ей навстречу, обхватил ручищами и закружил над землёй, над безудержным рокотом мира. Больничная палата наполнилась шумом и голосами.

– Егор, познакомься с Наташкой! Моя подруга из Донецка. Помнишь? Она приехала в Подмоскowie к тётке навестить своих детей. Вот её Мишка и Катюха. Они захотели увидеть настоящего героя, и мы приехали к тебе всей гурьбой, как только получили разрешение от врачей.

– Привет, боец! – Жаров протянул руку Мишке.

– А какой твой позывной? – мальчишка смотрел упрямыми недетскими глазами.

– Стрелец!

– У-у! Классно! А у моего папки позывной Филин. Он тоже герой!..

Настя прижалась к Жарову, тяжело вздохнула:

– Так хочется быть слабой женщиной, но то кони вокруг скачут, то избы горят!

Он не оценил юмор, с тревогой переспросил, что за кони и где горит.

– Жаров, тебя надо долечивать. Обещаю, теперь я буду рядом! – и Настя ещё крепче прижалась к Стрельцу.

СТЕПАН РАТНИКОВ родился и вырос в городе Дивногорске Красноярского края. По образованию – филолог-преподаватель, по профессии – журналист и педагог дополнительного образования. Автор 6 книг прозы. Публиковался в журналах «Наш современник», «Нижегород», «День и ночь», «Енисей» и других. Член Союза писателей России с 2014 года. Шестикратный отличник акции «Тотальный диктант». Актёр эпизода, хоккеист-любитель. Живёт в городе Кириши Ленинградской области. Занял 3 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Проза» (2023 г.).

НАДЕЖДА И ВЕРА

рассказ

Июльская командировка из не по-летнему прохладного Зеленограда в аномально жаркий Санкт-Петербург не заняла у Лантратова и суток. Договориться с партнёрами по бизнесу удалось в кратчайшие сроки. Даже поить никого не пришлось, несмотря на духоту: все спешили по другим делам, неоднократно помянув Франклина, дескать, время – деньги. Высокая значимость встречи и необходимый при переговорах холодный расчёт тоже повлияли на трезвость и сговорчивость каждого из присутствовавших за столом.

На обратном пути Лантратову захотелось хотя бы на часок навеститься в Старую Ладугу, где он никогда прежде не бывал, и тем самым осуществить давнишнюю маленькую мечту. А уже после знакомства со столицей Древней Руси добраться, минуя Кириши и Зуево, до Московского шоссе и – по прямой до родного дома. Дома, который за последние полтора года превратился в обитель тоски и раздирающих душу воспоминаний.

Забыть жену Лантратову не удавалось. Пытался – чтоб не изводить себя. Однако сами мысли о возможном беспамятстве пугали его.

Забыть её? А как же обещания любить вечно, что бы ни случилось, даже если смерть разлучит их?

Ох уж это Надино пристрастие к лихачеству на дорогах!.. Считанные сантиметры – и осталась бы тогда жива...

Прогулка по старинному селу приободрила Лантратова. А заодно подарила веру в то, что рано или поздно всё успокоится и наладится. Испив воды из святого источника неподалёку от Собора Иоанна Предтечи, полюбовавшись монументальностью Староладожской крепости, безмолвно помолвившись на территории Никольского монастыря, Лантратов выдвинулся в сторону Новгородской области.

Набожным он стал после смерти супруги: недели две напролёт умолял Творца вернуть любимую женщину в бренный материальный мир, обещая

взамен превратиться в идеального человека, который обязательно посещал бы церковь и все излишки отдавал на нужды прихода, а детей своих не просто бы крестил, но и к духовной культуре активно приобщал, чего с ним самим родители никогда не делали.

Когда депрессия улетучилась, молодой вдовец порывался взяться за Библию, но руки, крепко связанные мирскими привычками, так и не добрались до Священного Писания. Разве что ноги иногда заводили Лантратова в ближайший к дому храм – свечку поставить. А в бизнес-переговорах отныне если не девизом, то, как минимум, рефреном звучало: «Дай Бог!»

Своей фирме, переименованной чуть больше года назад в «Надежду», Лантратов как раз и посвящал почти всё время. В остальном же мог изредка, но быстро загореться какой-то новой идеей или увлечением, да только вскоре это пламя безнадежно угасало, и работа снова поглощала овдовевшего бизнесмена.

Следующую после Старой Ладоги остановку Лантратов сделал в посёлке Глажево, расположенном вблизи лесного массива. Присмотрев сетевой магазин, подумал, что немного углеводов в виде шоколадного батончика и тонизирующего напитка не помешает. Развернулся прямо на трассе, свернул с неё направо и припарковал «Ауди» у панельного дома с видневшейся на крыше вывеской: «Совхоз Осничевский». Выбравшись из салона, расстегнул пару пуговиц на белоснежной, но местами подмокшей рубашке, поправил крестик, с любопытством осмотрелся и остановил взгляд на безмятежном коте, сидевшем у самого входа в магазин.

– Мяучело, ты чьё? – усмехнулся Лантратов. – О, да вас тут целая банда! Позади него оказалось ещё несколько бездомных животных. Подавать голос они не спешили. Но всем своим видом демонстрировали, что кормёжка была бы кстати. Лантратов и сам не посмел бы отказать им в угощении. Коты напоминали ему о Наде: она обожала этих грациозных мурлык.

– Сейчас куплю вам сосисок каких-нибудь, – снова улыбнулся он и, подмигнув самому пушистому, ступил на крыльцо.

В этот момент из магазина буквально выпорхнула худенькая русоволосая зеленоглазая девушка лет двадцати пяти. Она теребила в бледных руках небольшой чек и, не обращая никакого внимания на Лантратова, остановилась у него за спиной. Затем заглянула в пакет, что-то там проверяя. Обернувшийся в её сторону Лантратов застыл на месте – с расширенными зрачками и открытым ртом.

Чудеса! Неужели они и впрямь возможны на этой грешной земле?

– Надя? – будто задыхаясь, произнёс Лантратов и дрожащей рукой прикоснулся к плечу девушки, одетой настолько аляповато, что вряд ли кто из состоятельных мужчин мог ею заинтересоваться.

Та в лёгком испуге оглянулась и, кротко посмотрев в глаза более высокому, чем она, незнакомцу, обескуражено ответила:

– Я Вера.

КОСПРОМА

– Немыслимо, – почти шёпотом протянул он, глядя на неё всё равно что на икону, краски на которой, впрочем, слегка потускнели.

– Вы всех женщин так же лапаете?

– Прости. Нет, разумеется, нет, не всех. Точнее – никого. Нет.

– С вами всё в порядке?

– Да, спасибо. Просто ты... Уф! Это невероятно! – путался в словах Лантратов, отмечая про себя, что и лицо, и фигура, и рост у Веры почти ничем не отличались от Надиных, ещё и родинка на шее есть, только с другой стороны, а вот голос несколько иной: более мягкий, если не усталый. – Ты очень красивая девушка.

Вера отвела взгляд. На её лице возникли стеснение с лёгким недоумением.

– Кстати, я Семён, – представился он. – Стою тут лясы точу, а имя своё не назвал, ухажёр несчастный.

Вера снова ничего не ответила, поглядывая то на кошачий клан, то на дорожную обувь Лантратова.

– И всё-таки это потрясающе! Невообразимо! Похоже, Бог услышал мои молитвы.

– Вы о чём вообще?

– Вот заладила: о ком, о чём... И хватит «выкать». Я ж не дед старый. Мне всего-то чуть за тридцать.

Лантратов, уже забывший о том, что хотел подкрепиться, улыбнулся своей закомплексованной собеседнице, но получилось как-то натужно.

Из магазина совсем некстати вышел противный усатый мужик. Он вдруг закашлялся, словно застукнув парочку за чем-то постыдным, и полез в карман за сигаретами. Достав из пачки одну, прикурил, противно харкнул и пошаркал прочь. Девушка проводила его равнодушным взглядом.

– Вера, как ты смотришь на то, чтобы я увёз тебя отсюда? Навсегда увёз!

– Куда? – испугалась она и непроизвольно посмотрела на Лантратова.

– В сказку. Под названием Зеленоград. Ну же, не отводи взгляд. Мне нравится, когда ты на меня смотришь. Так мило.

– Я не могу.

– Не можешь смотреть? Такой страшный? – глуповато усмехнулся Лантратов.

– Нет, вы симпатичный. Но я не могу. Не могу уехать.

– Вот дела! Не веришь в сказки? Или не любишь их? Или тебе Зеленоград не по нраву?

– Дело не в Зеленограде, а в этом посёлке. В том, что меня тут держит.

– Так сильно любишь Глажево?

– А если и так, то что? Дурочка, да?

– Да при чём тут... Просто что в этой дыре... Что в этом посёлке делать? Гнить посреди десятка унылых пятиэтажек? Голодных уличных котов наглаживать? В совхозе местном, – Лантратов указал большим пальцем на крышу соседней пятиэтажки, – с утра до вечера вкалывать за идею? Да и жив ли он, совхоз-то ваш?

– Живее всех живых.

– Что ж, дай Бог! А у меня в Зеленограде бизнес доходный, коттедж огромный, три машины – одна твоей будет. Нарожает детишек. Я так мечтаю о них! Чтоб минимум два мальчугана и одна девчущка.

– Не могу я. Вам не понять. Я обещала.

– Кому? У тебя кто-то есть? Местный алкоголик какой-нибудь?.. Извини! Извини, я не должен был этого говорить. Язык мой – враг мой. Это всё от бессилия. Я сам не свой сегодня. Особенно сейчас, вот здесь, прямо перед тобой. Ты просто не понимаешь, насколько ты... для меня... Слов не подобрать.

– Нет никакого алкоголика. И трезвенника тоже нет.

– Прямо вот так? Никого? Вымерли у вас тут все мужики, что ли? А, неважно. Раз нет никого, тогда тем более... Поехали?

– Ага, вот так сели и уехали прямо сейчас, – то ли с грустью, то ли с недоверием ответила она.

– Ну, насчёт тебя не знаю. В голову человеку не заглянешь. Сам я готов хоть сейчас с тобой уехать. Не спорю, звучит странновато. Но ты... Ты как знамение. Чистейшее создание, посланное мне свыше.

– Такое чистейшее, что даже волосы толком не вымыты. Ещё и не накрашена. А одета, как... С такой «принцессой» ни на один бал не заявишься.

– Хватит кокетничать. Помоем, накрасим, оденем. А главное – полюбим. Крепко и навсегда! Если надо, я ради тебя в лепёшку расшибусь. Просто дай мне шанс доказать это. Ты же Вера – вот и поверь мне. Пожалуйста! Или я, по-твоему, похож на какую-то мразь, на мошенника, на беспечного донжуана? Не глядя на него, она отрицательно покачала головой.

– Вот и замечательно. Почему ж ты тогда не можешь уехать? – продолжал допытываться Лантратов, повинувшись проснувшемуся в нём непреодолимому желанию заботиться об этой живой копии Надежды, словно возродившейся, как феникс из пепла.

– Потому что мне... – в голосе Веры послышалось отчаяние. – Вам не понять. Да и зачем такому солидному мужчине девушка из посёлка? Ещё и не самая...

– Чтобы любить тебя! – перебил он. – Любить, лелеять, оберегать.

– Как будто других на свете нет.

– Они мне не нужны.

– А я, можно подумать, нужна. Вот так прямо увидели и влюбились. Как в сказке, да? Про Золушку и принца.

– А почему нет? По-твоему, обязательно должен быть повод? Или думаешь, что лучше придумать какую-нибудь легенду? Например, сказать, что ты как две капли воды похожа на... – Лантратов запнулся.

– На кого? Договаривайте, – сказала она и поставила пакет на землю, устав держать его в руке.

– Да какая разница? Допустим, на известную актрису, которая мне нравится. Или на любимую сестрёнку. Или на мамину подругу, которая раньше к нам в гости постоянно приходила.

КОСПРОМА

– И кто же из них Надя?

– Надя? – переспросил Лантратов, состряпав удивлённую физиономию и вместе с тем слегка испугавшись Вериной прозорливости. – Никто. Я сугубо для примера перечислял. Да и зачем это всё? Просто скажи, что мне сделать, чтобы ты со мной уехала, чтобы навеки стала моей любимой женщиной? Хочешь, я приеду через несколько дней или недель и заберу тебя? А пока по телефону пообщаемся, по видеосвязи. На вопросы твои отвечу. На все, какие заинтересуют. Договорились? Запишешь мой номерок? Или свой продиктуешь?

– Вам ничего не нужно делать, не надо ничего доказывать, – Вера вздрогнула. Причём внезапно для обоих. – Вы правы: здесь нечего делать. Хоть у нас тут и красиво, но – действительно нечего. День на день похож. Особенно для меня... Просто поезжайте дальше. Домой. Достойных вас девушек тысячи – легко найдёте подходящую.

– Мне не нужны те, к кому я ничего не испытываю. Мне ты нужна. Ты! Вот что я сейчас чувствую, понимаешь? И такого давно не было. Слишком долго моё сердечко в спячке находилось. Наша встреча – это Божественное провидение. Точно тебе говорю.

– Вы меня совсем не знаете.

– Да чего ты упёрлась-то, как вредная девчонка, которая в детский садик идти не хочет? – вновь завёлся Лантратов и, осознавая неуместность такой реакции, громко выдохнув, сжал кулаки, чтобы попытаться удержать себя в узде. – Может, для меня неважно, какая ты... Лишь бы со мной всегда была. Любят не за что-то. Любят просто так. А я уже точно знаю, что твой образ меня не отпустит.

– Да какой тут образ? Самая обычная девушка из самого обычного посёлка. Ну, или не самого обычного.

– Мне уже начинает казаться, что ты не проверяешь меня, а цену себе набиваешь.

– Уезжайте. Просто забудьте этот разговор... Как будто ничего и не было.

– Опять я ляпнул чепуху. Чтоб у меня язык отсох! Извини болвана, – сказал Лантратов и вновь вспомнил Надежду, которой очень не нравилось, когда он излишне давил на неё, обвинял в свободолюбии и намекал на то, что она сошлась с ним только из-за денег. – Тебе легко говорить, мол, забудьте. Разговор я, может, и забуду когда-нибудь. Но твой образ...

– Повторюсь, вы меня совсем не знаете. А знали бы – не говорили бы, что мне легко.

– Так ты сама не даёшь мне ничего узнать. Хотя для меня это и не так важно. Я бы тебя любой принял. Видит Бог, клянусь всем, что у меня есть!

– Да не могу я! – ответила Вера и посмотрела на серого котика, принявшегося ласково тереться о её ногу. – Может, у вас там, в высшем обществе, и принято что-то подобное, когда кто-то кого-то подбирает, увозит и всё такое, но для меня это дико.

– Если тут безвылазно сидеть – точно одичаешь.

– Откуда вам знать? Вы же не проверяли.

– Согласен, не проверял. Но, пожалуй, проверил бы. Квартирку бы тут снял, если, конечно, есть такие, чтоб без клопов, без алкашей по соседству. С тобой бы получше познакомился и убедил ко мне переехать. Но на это, как бы банально ни звучало, времени нет. Вообще нет! Мой бизнес встанет там без меня. Колом встанет! Наглухо! Даже на сутки проблематично отлучиться. Я и сейчас-то в Питер ездил только потому, что это выгоду сулило. Существенную, замечу, выгоду! Да и то пришлось много всяких вопросов уладить, чтоб вырваться из Подмосковья. Там никто ничего не сделает кроме меня самого. Одни халтурщики кругом. А если бизнес накроется, то и жить не на что станет. Сама пойми, здесь или в любом другом подобном месте, без денег и нужных связей, я не смогу тебя всем обеспечить. А наших будущих детей тем более. Вот была бы ты там, в Зеленограде, – всё бы срослось и время бы нашлось.

Лантратов почесал взопревшую макушку и покосился в сторону жилых домов.

– А давай прямо сейчас тогда к тебе сходим? – предложил он. – Всё мне расскажешь и покажешь. Всё, что я должен знать, как тебе самой кажется.

– Нет, прямо сейчас нельзя. Я должна... Мне надо... Нет. Сейчас – нет.

– Ну вот. Уехать с незнакомцем – это для неё страшно. Что ж, понимаю. Я ведь тоже рискую, делая предложение случайной встречной. Но пригласить меня к себе – тут-то какие проблемы могут быть? Боишься, что накинусь на тебя? Я не из таких, поверь. Да и свидетелей нашего общения вон уже сколько мимо прошло. Дети, здравствуйте!

– Здравьте! – дружно и громко отозвались три шедшие поодаль девчухи, одна из которых несла в руках мяукавшего пушистика, чуть ранее приглянувшегося Лантратову.

– Может, в кафе тогда посидим? – предложил он Вере. – Хотя его тут, судя по всему, нет.

– Верно, нет. А ко мне нельзя. Я уже всё сказала.

– Меня эта игра в молчанку по-партизански утомила уже. Слишком много скрытности. Просто скажи: почему ты тогда не хочешь поехать со мной? – взмолился Лантратов, и в его памяти вновь отчётливо всплыла Надежда, всегда сразу говорившая всё начистоту, напрочь опровергая миф о том, что женщина должна оставаться для мужчины загадкой. – Не прямо сейчас поехать – соглашусь, это перебор, – а хотя бы через пару месяцев. Скажи честно и откровенно. И я покину этот посёлок. Постараюсь не доставать тебя больше.

– Говорю же: я обещала никуда не уезжать отсюда. Ещё в подростковом возрасте обещала, – уточнила Вера, побаиваясь смотреть незнакомцу в глаза.

– Кому обещала-то?

– Маме.

– Но почему? И зачем вообще такое обещать?

КОСПРОМА

– А вам зачем абсолютно лишняя информация? Обещала – и точка. Для меня это не просто слова. Это даже больше чем клятва. Прекратите меня мучить. Уезжайте. Ради всего святого.

– В тебе самой, по-видимому, ничего святого нет. Обещала она!.. А мне-то как быть? У меня ведь теперь из головы не выйдет, что здесь, в каком-то бедняцком посёлке, живёт такая вот... и не хочет быть со мной, а сам я не могу быть с ней. Потому что нищенство – мне его с детства хватило за глаза!

– Я тоже не рада своей бедности. Но и обещание нарушить не имею права. Вы не можете остаться – я не могу уехать к вам. Мы оба не можем. Одноимённые заряды отталкиваются. Уезжайте.

– Ну и оставайся в своей дыре! Физичку ещё тут будет из себя строить.

Он метнулся было к сверкавшей на солнце машине, но встал как вкопанный.

– Вера, ты... это... извини меня. За эмоции, за грубость, за напор, за весь вот этот спектакль, плохо поставленный. Надо было сразу тебе сказать: ты сильно похожа на мою бывшую жену. Почти вылитая Надя. Она... Короче, её больше нет. Совсем нет. А всякие легкомысленные девицы, которые хотят со мною быть, не могут одну простую вещь понять: мне никто, кроме моей Надюши, не нужен. А ты... Ты всё-таки не она. Я глупец, раз посмел хотя бы подумать, что... Нет, так нельзя. Я сволочь. Ещё и тебе душу разбередил почём зря. Извини меня. И... прощай.

Уже сидя в пропахшем ванилью салоне «Ауди», Лантратов не сдержался и очень громко выругался. Не мог понять, зачем Всевышний устроил ему такое тяжёлое испытание. Лантратову и без того хватало забот с больным отцом, которого приходилось часто навещать в элитной столичной клинике и который несколько лет назад, сразу после скоропостижной кончины любимой супруги Зиночки, передал свой доходный бизнес возмужавшему сыну.

Округу сотряс рёв мотора. Теревшиеся возле магазина коты, так и не дождавшись обещанных сосисок, синхронно рванули во двор. Вера оглянулась и виновато посмотрела на сидевшего за рулём горемыку. Иномарка чуть сдала назад и сразу же рванула в обратную сторону, вылетев на трассу и умчавшись в направлении Подсопья.

Не преодолев и пары километров, Лантратов съехал на обочину за узким мостиком через Влюю и нажал на тормоз. Обнял сверкающий на солнце руль, опустил на него голову и от досады постучал лбом. «Ауди» пару раз как-то траурно бибикнул.

Взмокший, несмотря на открытое окошко, Лантратов ещё минут десять прокручивал в уме детали беседы, так и не ставшей судьбоносной. Представлял, как продал всё своё зеленоградское добро и переехал жить в Глажево, как тщетно силился раскрутить там новый бизнес, как вынужден был забрать отца из московской клиники и поставить крест на его реабилитации, как осознал вдруг, что зажатая и словно всё ещё целомудренная Вера никогда не заменит ему раскованную и жизнелюбивую Надежду или же, что в разы страшнее, наоборот, окажется не безобидным грациозным ужиком, а змеюкой

подколотной, которая годами торчала взаперти и ждала, кого бы укусить, а потому не приручишь её, как ни старайся.

– Суррогатной Надюшей решил обзавестись? – спросил Лантратов, осуждающе взглянув на себя в боковое зеркало.

Только после этого он вновь тронулся с места и продолжил долгий путь домой. Дорога, пролежавшая через деревни Киришского района, была вся в трещинах, а местами – в ямах или заплатках, напоминая Лантратову его собственное израненное сердце.

– Чёртово одиночество, как же ты губительно! – укорял он самого себя за внезапный душевный порыв.

Вера постучала в массивную, но облезлую деревянную дверь. Ей открыла соседка. Эта пожилая женщина пару раз в неделю любезно соглашалась посидеть с Веринной мамой часок-другой.

– Тётя Маша, спасибо вам, выручили в который раз. Простите, что задержалась. Непредвиденные обстоятельства.

– Да что ты, Верунчик. Пустяки. Твоя мама меня сколько раз в своё время выручала! Ты ведь сама знаешь, что я в долгу перед Ниной Петровной.

– И всё же... Вот, возьмите несколько яблочек.

– Благодарю. Одно возьму, – добродушно произнесла соседка, сверкнув вставными зубами, и протянула вперёд гладкую ладонь. – Наливные какие! Красота! Ой, а ты плакала, что ли?

– Нет, с чего бы мне...

– Не знаю. Показалось, значит. Старею – слепая становлюсь. Ладно, пойду к себе. Ты обращайся, не стесняйся. Когда я дома – не на даче или ещё где, – помогу обязательно.

– Тётя Маша, что бы я делала без вас.

– Ой, да будет тебе, Верунчик. Приятного вечера!

«Какой уж там приятный», – подумала она в ответ, со скрипом закрывая дверь.

Вера уже много лет жила вдвоём с мамой в однокомнатной клетушке без балкона и видимого ремонта. А до переезда туда из трёхкомнатной квартиры в Киришах – втроём. Сводный брат Андрей был на десяток лет старше Веры и с первых же дней не скрывал ревности к постоянно плакавшему младенцу, которому мать посвящала всё своё время и стала ещё реже, чем раньше, появляться дома, не балуя сына особым вниманием.

Вера родилась недоношенной. Биологическая мать – бывшая детдомовка с непогашенной судимостью – отказалась от ребёнка. Почти пятидесятилетняя Нина Петровна, работавшая тогда в акушерском отделении, влюбилась в новорождённую с первого взгляда. Понимала, насколько тяжело будет выходить девочку, но из чувства жалости расстаться с особенной малышкой не смогла. И вскоре удочерила её.

Сын Нины Петровны, похожий и внешностью, и характером на своего упрямого и горделивого отца, давно ушедшего к другой женщине, бунтовал, несколько раз сбежал из дома, ночуя у знакомых или вовсе мыкаясь по киришским подворотням. Мать слёзно просила у Андрея прощения, умоляла

КОСПРОМА

не злиться и пообещала разменять квартиру, как только тому исполнится восемнадцать.

Так впоследствии и поступила: продала трёшку в Киришах, сама переехала с Верой в Глажево – в облезлую однушку, а на оставшиеся деньги, добавив кое-какие накопления, приобрела сыну жильё в Подпорожье, куда он сам захотел перебраться к загадочной подруге, с которой познакомился по переписке.

Со временем Вера, уже твёрдо стоя на ногах и не страдая от последствий своего неординарного рождения, узнала всё до мелочей. Неустанно твердила маме, что никогда в жизни её не оставит. Целовала ей руки, шею и плакала без видимого повода. Называла ангелом – то хранителем, то спасителем.

Андрей же не только не навещал их, но и не звонил. Презирал мать, которая якобы променяла его на какую-то девку, появившуюся на свет от ущербной алкоголички.

Ближе к семидесяти годам Нина Петровна совсем сдала. Проблемы с позвоночником и суставами становились не просто очевидными, а угрожающими. Она просила дочку, чтоб та сдала её в геронтологический центр и не убивала понапрасну молодость. Вера наотрез отказывалась расставаться с мамой, памятуя о своём давнишнем обещании. Отлучалась лишь на работу.

А на восьмом десятке лет Нина Петровна слегла окончательно. Вера уволилась и с тех пор всю себя посвящала маме. Роптать не смела. Врачи часто приезжали к ним на дом. Вера осыпала их благодарностями за оказываемую помощь, спрашивала, как лучше поступать при обострениях и рецидивах, как правильно ухаживать за лежачей больной, но от себя мать никуда не отпускала, твердя, что справится сама. Врачи же, как ни странно, и не пытались разубеждать её, пару раз ненароком заикнувшись, что мест в больничных палатах всё равно не хватает.

Жить приходилось на материнскую пенсию. Иногда Андрей, будто кем-то пристыженный, переводил несколько тысконок на банковский счёт Нины Петровны – на лекарства. Оформить ей инвалидность поначалу мешали бюрократические заморочки, а потом всё как-то недосуг было.

Уже второй год подряд Вера существовала в режиме дня сурка. Из дома выходила разве что до ближайшего магазина. В исключительных случаях, когда необходимо было съездить в Кириши – за тридцать километров от посёлка, просила посидеть несколько часов с мамой соседку, у чьей дочери Нина Петровна дважды принимала роды.

Вера почти перестала следить за собой, забыв про макияж, педикюр, причёски. Да и особой надобности в них уже не было, учитывая безвылазное прозябание в четырёх стенах. А вот поддерживать физическую форму позволяла постоянная суета по дому и забота о маме: обмывать и обтирать её, чистить ей зубы и стричь ногти, готовить специфическую еду, выносить утку, перестилать бельё, почаще убираться, чтобы давно не знавшая ремонта квартира не выглядела как после бомбёжки и не утонула в грязи.

Вот и в тот вечер, вернувшись из магазина после удивительной встречи с Семёном Лантратовым, Вера первым делом покормила маму. Нина Петровна обратила внимание на странное, чересчур подавленное состояние дочери, но побоялась причинить ей боль лишними расспросами.

Затем Вера взялась наводить порядок – неспешно и даже рассеянно. Потенциальный жених не выходил у неё из головы. Вера в деталях воображала себе, как могла бы жить с ним вдвоём. Не в этой нищете и зловонии, а в роскоши, рядом с Москвой. И дно сурка там наверняка не было бы места.

«Уф! Это невероятно! Ты очень красивая девушка», – никак не могла забыть она восхищённую интонацию Лантратова, а сходство с его женой восприняла как некий цемент, связавший бы Семёна и Веру ещё прочнее.

Лишь ближе к ночи подумала: столько лет жила без всякой мысли кого-то любить – да и кого, кроме мамочки-ангелочка, любить-то, если почти все мужчины вокруг пьют, дебоширят, изменяют и нагло врут; а теперь вдруг Глажево ей поперёк горла стало, и в некое условное Блажево захотелось. Подумала так – и задремала, прикорнув в кресле возле маминой постели.

Проснулась Вера от обрывистого стога. Маме было плохо. Прележни доконали её.

Вера включила загудевший торшер, достала из накренившегося шкафчика мазь, хорошо снимавшую зуд, сходила в ванную, помыла руки, задержала взгляд на своём отражении в зеркале, подумав, что даже без макияжа в ней действительно есть что-то такое, и вернулась в тускло освещённую комнатушку. Сноровисто, но вместе с тем аккуратно перевернула маму на бок, к стенке, и обработала спину. Та была вся в уродливых пятнах, которые поначалу вызывали у дочери-сиделки жуткую брезгливость, но через пару месяцев уже не пугали Веру. Она вернула маму в исходное положение, поцеловала её в щёку, подправила валики у неё под крестцом и ногами, подоткнула подушку и ушла на тесную кухню.

«Он знает, где я живу. Он вернётся. Должен вернуться. В магазине или ещё у кого спросит, как меня найти. Объяснит по внешности, по имени, – мысленно истязала себя Вера и, выронив из рук немытую тарелку, разрыдалась. – Боже, за что ты мучаешь меня?»

– Прости меня, доченька, – еле шевеля сухими губами, зашептала Нина Петровна, услышав за стенкой плач, крайне редкий для их невзрачного жилища, – прости, любимая моя. Я постараюсь уйти побыстрее.

– Беспочвенное наваждение. Зыбкий мираж в душевной пустыне. Забыть! Забыть раз и навсегда! Бог терпел и нам велел, – твердил себе Лантратов, подъезжая к Зеленограду и намереваясь хорошенько выспаться перед важнейшей сделкой, намеченной на два часа пополудни, после чего предстояло наведаться ещё и к отцу. – Надежды больше нет.

III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

ОЛЬГА БОРИСОВА – поэт, переводчик, писатель, публицист, общественный деятель. Член Союза писателей России, организатор международного фестиваля «ЛитКузница», международной литературной конференции «Слово». Автор 13 книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и призёр различных международных фестивалей и конкурсов в Чехии, Болгарии, Германии, Франции, Белоруссии, Литве, Израиле и России. Лауреат нескольких международных премий. Стипендиат министерства культуры РФ. За заслуги в литературе и культуре награждена медалью им. Е. Замятина и медалью «Великая Победа». Награждена Грамотой Святого Праведного Иоанна Кронштадтского «За укрепление дружбы между русским и болгарским народами». Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Переводит с восьми европейских языков. Член ЛИТО «Точки» при Совете по прозе СПР. Живёт в Самаре. Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Художественный перевод» (2023 г.).

Красимир Тенев (Болгария)

ПРАЗНО СЕЛО

«Тегло, запустенье! Дълбока неволя...

Ив. Вазов

Селски път. В калта блещукат
от каручка две следи.
Като тлееща светулка
селото в тъма мъжди...
На площада бавно-бавно
крачи хърбаво магаре,
надживяло своя старец,
изоглавлено отдавна.

Две-три къщи светят още.
Лампи улични горят.
В светли струи къпят нощем
стар, предизборен плакат.
Свири с флейта люта хала...
Разпилява хладен вятър
некролози по земята...
Куче вие на умряло...

Колко сгради са безлюдни!
И комините – без дим.
Тъй с магарето без трудност
живите ще преброим.
Плачат порти разкривени...
От прозорците безкрили
сякаш погледи са впили
призраци на хора в мене.
Няма поща, ни аптеки...
Тишина и пустота...
Към града полека-лека
се изниза младежта.

Хем е тъжно, хем е смешно:
в армия от некролози
генерал е сякаш този
стар плакат на бивш наместник.

Подстрочный перевод

ПУСТОЕ СЕЛО

Мучение, запустение! Глубокая горесть...

Иван Вазов

*Проселочная дорога. В грязи блестят
От повозки два следа.
Словно тлеющие светлячки
деревня светит в темноте ...
На площади медленно, медленно,
Шагает худой осёл,
Пережил своего старика,
Давно без повода.*

*Два - три дома еще светятся.
Уличные фонари горят.
Свет струится, в нём купается ночью
Старый выборной плакат.
Свистит на флейте вьюга ...
Холодный ветер разбрасывает
Некрологи на земле ...
Собака воет, как на похоронах...*

*Сколько здания пустуют!
И дымоходы - без дыма.
Мы с ослом без труда
Живых можем посчитать.
Плачут искривлённые ворота ...
Из сломанных окон
На меня как будто смотрят
призраки людей.*

*Нет почты, нет аптеки ...
Тишина и пустота...
К городу медленно, потихоньку
Ушла молодежь.*

*Как это грустно, но и как смешно:
Среди армии некрологов
Стоит как генерал
старый плакат бывшего мэра.*

ПУСТОЕ СЕЛО

Перевод с болгарского языка

*Мучение, запустение! Глубокая горесть...
Иван Вазов*

Путь в село. В грязи чернеют
От повозки два следа.
Огоньки в избушках тлеют
Светляками... Нам туда.
В центре площадь. Ослик ходит.
Пережил он старика,
Похудел, без поводка,
Неприкаянным всё бродит.

Освещённых – два-три дома.
Фонари ещё горят.
И блестит, набив оскому,
С прошлых выборов плакат.
И свистит на флейте вьюга...
Носит ветер в сизой мгле
Некрологи* по земле...
Воёт пёс. Нема округа...

Сколько зданий здесь безлюдных!
Трубы больше не дымят.
Ослик вот... Других нетрудно
Сосчитать нам наугад.
Плачут ветхие ворота...
Бельма выбитых окон –
Привидений легион –
Взором впились, как сироты.
Нет ни почты, ни аптеки ...
Тишина и пустота...

---

* После смерти человека в Болгарии, на стенах домов или на центральной площади, на доске объявлений вешается некролог. Он висит до тех пор, пока не сорвет его ветер.

Бросив всё, ушли навеки
Молодые в города.

Мне смешно и грустно так:
В армии из некрологов,
Словно генерал убогий,
Мэра бывшего плакат.

Красимир Тенев (Болгария)

РАЗПРОДАЖБА НА СПОМЕНИ

На уличка тиха далеч от пазара,
под склопа на цъфнаха млади липи,
старица, изпита от болест коварна,
с тояжка едва на крака се крепи.

На пейката своите книги продава.
Животът ѝ явно съвсем не е лек.
По пладне асфалтът е жива жарава,
край нея почти не припарва човек.

Поспрях се, реликвите нейни погледнах –
известни заглавия, ниски цени.
Духовно богата бе в своята бедност.
Прикани ме: „Виж, тези три, погледни! –

Трилогия, ето, вземи... на Беляев...
Пък аз за лекарства ще спастря пари...
Тя, моята... ясно е... вече се знае...
Но пустата болка така ме мори...”

Познах я. Гласът ѝ бе плътен, отчетлив.
Припомних си, сякаш на бавен каданс
видях я – пак млада, а ние – момчета,
девойки на чиновне... Нейният клас...

Две орбити мътни очите ѝ днес са,
в тях сетна надежда дори не гнезди.
А как рецитираше! – бе поетеса
и знойна красавица, помня преди...

Оставих ѝ смачкани двадесет лева...
... На първата страница после чета:
„На моята мила съпруга Елена,
честита годишнина! Трийсет лета!”

Подстрочный перевод:

РАСПРОДАЖА ВОСПОМИНАНИЙ

*На тихой улице далеко от базара,
под сенью цветущих молодых лип,
Старуха, высохшая от коварной болезни,
С палкой едва ногой упирается.*

*На скамейке свои книги продавала.
Жизнь её явно совсем не легкая.
В полдень асфальт раскаленные угли,
Держится подальше от неё человек.*

*Остановился, реликвии её посмотрел –
Известные заглавия, низкие цены.
Духовно богата была в своей бедности.
Сказала мне: «Смотрите, эти три, посмотрите!» –*

*Трилогия это, возьмите... Беляева...
Опять я на лекарства собираю деньги...
Они мои...это ясно... Уже все знают...
Но внутри боль так меня губит...»*

*Узнал я. Голос её был звучный, отчетлив.
Вспомнил я, словно в замедленном движении
Я видел ее - еще молодой, а мы – мальчики,
Девчонки за партами... Её класс...*

*Две орбиты мутных глаз сегодня,
В них последняя надежда даже не селится.
А как декламировала (читала)! – была поэтесса
И знойная красавица, помню раньше...*

*Оставил ей помятых двадцать левов...
...На первой странице после читаю:
«Моей милой супруге Елене,
С юбилеем! Тридцать лет!»*

РАСПРОДАЖА ВОСПОМИНАНИЙ

Перевод с болгарского языка

На улочке тихой вдали от базара
под липой цветущей старушка стоит.
Она от болезни коварной устала.
Оперлась на палку, несчастна на вид.

А рядом скамейка и книги – рядами,
она продает их. Ей не на что жить...
Асфальт раскалился и пышет углями
и пусто вокруг, не единой души.

Стою и смотрю на её раритеты –
названия знакомы, ничтожна цена.
Духовно богата, успел я отметить.
«Взгляните на три!» – предложила она.

«Трилогия это... Возьмите... Беляев...
Нужны на лекарства мне деньги опять...
Мои эти книги... И каждый здесь знает...
Но боль изнутри продолжает терзать...»

А голос её, как и прежде, был звонкий...
И вдруг я увидел, как в фильме немом:
она – молодая, за партой – девчонки
и мы – мальчуганы... Она за столом...

Две мутных орбиты глаза те сегодня,
и малой надежды в них нынче уж нет.
Была поэтессой по воле Господней,
красавицей знойной слыла много лет...

Оставил измятых я двадцать ей левов...
... На первой странице читаю потом:
«Супруге Елене, моей королеве,
В твой день юбилея! С душевным теплом!»

Красимир Тенев (Болгария)

НОВА ПРОЛЕТ

*...сън са били белоцветните вишни!
Д. Дебелянов*

Разцъфнали са млади вишни в двора,
благоухае бухналият цвят,
врачетата из клонките се борят,
рояк пчели наоколо жужат.

Останал шепа, сивкав сняг топи се
на слънцето под топлите лъчи.
Надава лястовичка тънък писък,
пак звънката ѝ песничка звучи.

Възражда се надеждата в душата.
Не сън са вишните, Поете – блян –
да лъхне южен вятър-реформатор,
затворът зимен да е изживян.

На нова пролет символ са възвишен
разцъфналите в двора млади вишни.

Подстрочный перевод

НОВАЯ ВЕСНА

... во сне были белоцветные вишни!
Д. Дебелянов

*Расцветали молодые вишни во дворе,
Благоухают буйным цветом,
Воробьи на ветках борются,
Рой пчел вокруг жужжат.*

*Оставшаяся горсть серого снега, тает,
Под теплыми лучами солнца.
Издали ласточка тонкий писк,
Снова чириканья звуки.*

*Возрождается надежда в душе.
Не спят вишни, поет – мечта –
Подул южный ветер-реформатор
Затвор зимний изжил.*

*Новый символ весны возвышенный –
Расцвели во дворе молодые вишни.*

НОВАЯ ВЕСНА

Перевод с болгарского языка

... во сне были белоцветные вишни!
Д. Дебелянов

В саду цветут молоденькие вишни,
Разносится волшебный аромат.
Рой пчёл жужжит, а воробьи на крыше
Дерутся, оглашая криком сад.

Остатки снега под лучами тают,
И ласточки раздался тонкий писк.
К нам снова птицы с юга прилетают,
Их крик весёлый в воздухе повис.

И в душах возрождается надежда.
Цветущий сад – не сон, ПОЭТ, – мечта!
Пусть ветер – реформатор, как и прежде,
Развеет холод. Буйствуй красота!

Весны пришедшей знак возвышенный –
Цветут в саду молоденькие вишни.

Илия Желязов (Болгария)

ШУТ И КРАЛ

В мен живеят весел шут и крал!
Да се смея ли или да плача?
Денем кралят тъне във печал,
а пък шута – смее се и скача.

Но когато вечер в сън блажен,
слепнат волно сънните клепахи –
кралят волно смее се във мен,
а пък шутът тъжен горко плаче!

Подстрочный перевод

ШУТ И КОРОЛЬ

*Во мне живут веселый шут и король!
Смеяться мне или плакать?
Днем король погружается в печали,
А грустный шут – смеется и скачет.*

*Но когда вечер в блаженном сне
Слепит невольно сонные веки –
Король довольно смеется во мне,
А грустный шут горько плачет!*

ШУТ И КОРОЛЬ

Перевод с болгарского языка

Иль плакать должен я? Смеяться?
Во мне живут: король и вздорный шут!
Мне хочется весь день кривляться,
А короля печали днём гнетут.

А вечером, когда невольно
Блаженный сон смыкает веки мне,
Смеется вдруг король довольно,
И горько шут рыдает в тишине!

Генка Богданова (Болгария)

ЕСЕН

Лятото е вече спомен.
Скита вятърът бездомен
и от клюмналите клони
листите последни рони.
Умълчаха се полята,
гледат тъжно небесата.
Слънце ласкаво не грее,
птица весело не пее.
Синият простор помръкна
хорът жабешки замлъкна.
Над гнездата запустели,
гъстата мъгла се стели.
Над земята зажадняла
дъжд обилен е ваяло,
стихна пак успокоена,
с бистри „сълзи” напоена!
Скоро вихър ще завие,
сняг земята ще покрие
и под бялата покривка,
ще потърси тя почивка.
Хор от есенни шурчета
ще й пеят във сърцето
и притихнала, щастлива,
сън спокоен ще заспива.
Ще сънува щедро лято
с много труд и плод богато,
ласки слънчеви и нежни,
смях край дюните крайбрежни.

Подстрочный перевод

ОСЕНЬ

*Лето уже воспоминание.
Скитается ветер бездомный
и с чахлах веток
листья последние слетают.
Смолкли поля,
гляжу печально в небеса.
Солнце ласково не греет,
птица весело не поет.
Синий простор потемнел,
хор лягушек умолк.
Гнезда опустели,
густая мгла стелется...*

*Скоро вихри засвистят,
снег землю покроет.
И под белым покрывалом
найдет себе покой.
Хор осенних сверчков
будут петь ей для сердца,
и притихнет счастливая,
спокойная заснет.
Будет мечтать о щедром лете
с большими трудами и плодами богатыми,
ласках солнечных и нежных,
о смехе у дюн прибрежных.*

ОСЕНЬ

Перевод с болгарского языка

Позади осталось лето.
Сыплет лист с унылых веток,
Бродит ветер бесприютный,
Грустно, серо, неуютно.
В небеса смотрю печально.
Поле дышит некой тайной.
Солнце ласково не греет,
Птица над землёй не реет.
Потемнел простор бескрайний,
Мгла густая скрыла грани.
Гнёзда птичьи опустели,
Не звучат лягушек трели.
На заждавшуюся землю
Дождь полил, она уж дремлет,
Напоённая дождями,
Неба чистыми слезами.
Ляжет снег на землю скоро,
Вихри свой покажут норов.
И заснут под покрывалом
Долы, как под одеялом.
Напоют сверчки ей песни –
Долетят до поднебесья,
Убаюкивая землю,
И на срок она задремлет.
Будет в снах мечтать о лете,
И плодах всех в разноцветье,
И о ласках солнца нежных,
Радости у дюн безбрежных.

СЕРГЕЙ ИТКУЛОВ родился в Иванове. Окончил филологический факультет ИвГУ (2005). Кандидат культурологии. Член Союза писателей России. Автор сборника сатирических рассказов «Калейдоскоп ноябрьских листьев» (2007), лирико-юмористического сборника «Откровенный разговор» (2019), сборников переводов детских стихов «Вокруг света вприпрыжку» (2015), «Придите в нашу сказку» (2017), «Галстук для жирафа» (2018), «Путешествие в страну сказки» (2021). Участник и финалист русско-французского конкурса перевода имени Михаила Яснова (2021). Занял 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Художественный перевод» (2023 г.).

Jean-Luc Moreau (Франция)

Il a neigé

Il a neigé sur le village
Sur la rivière et sur la plage;
Il a neigé sur le rucher,
Sur l'école et sur le clocher;
Il a neigé la nuit entière
Sur les tombes du cimetière;
Il a neigé : tous les vergers
Sont fleuris de flocons léger

Подстрочный перевод

*Идёт снег над деревней,
Над рекой и над пляжем;
Идёт снег над пасекой,
Над школой и над колокольней;
Идёт снег всю ночь
Над могилами кладбища;
Идёт снег: все сады
Цветут легкими хлопьями.*

Жан-Люк Моро

Кружится снег...

Перевод с французского языка

Кружится снег над всем селом –
Над речкой, мельницей, мостом,
Кружится снег – и весь погост
Укрыт плащом из белых звёзд.

Кружится снег во мгле ночной
Ажурной легкой пеленой.
Кружится снег... Сады вдали
Вдруг белым цветом зацвели.

Bertolt Brecht (Германия)

Sieben Rosen hat der Strauch...

Sieben Rosen hat der Strauch
Sechs gehoer'n dem Wind
Aber eine bleibt, dass auch
Ich noch eine find.

Sieben Male ruf ich dich
Sechsmal bleibe fort
Doch beim siebten Mal, versprich
Komme auf ein Wort.

Подстрочный перевод

*У куста семь роз,
Шесть слушают ветер,
Но остается одна, которую
Я нашёл.
Семь раз я зову тебя,
Шесть раз остаёшься в стороне,
Но в седьмой раз обещаю,
Что отзовёшься.*

Бертольд Брехт

Есть у куста семь роз...

Перевод с немецкого языка

Есть у куста семь роз,
Шесть – достоянье ветра,
Осталась лишь одна
Как память о весне.

Семь раз тебя зову –
И шесть раз без ответа,
Но обещаю в седьмой,
Что ты ответишь мне.

Jan Kochanowski (Польша)

Fortuna

Nie wierz Fortunie, co siedzisz wysoko;
Miej na poślednie koła pilne oko:
Bo to niestała pani z przyrodzenia,
Często więc rada sprawu swe odmienia.

Nie dufaj w złoto i w żadne pokłady,
Każdej godziny obawiaj sie zdrady:
Fortuna co da, to zasię wziąć może,
A u niej żadna dawność nie pomoże.

A ci, co z tobą teraz przestawają,
Twej sie Fortunie, nie tobie kłaniają;
Skoro ta zniknie, tył każdy podawa,
Jako cień, kiedy słońca mu nie zstawa.

Lecz jako sama oczy zasłoniła,
Tak swym pochlebstwem ludzi pobłaźniła,
Że drugi wysszej nosa gębę nosi,
A wszystkie insze oczyma przenosi.

Ty pomni, że twój skarb u Szczęścia w mocy,
A tak sie staraj o takiej pomocy,
Aby wždy z tobą twego co zostało,
Jesli zaś będzie Szczęście swego chciało.

Cnota skarb wieczny, cnota klenot drogi;
Tegoć nie wydrze nieprzyjaciel srogi,
Nie spali ogień, nie zabierze woda;
Nad wszystkim inszym panuje Przygoda.

Подстрочный перевод

*Не верь Фортуне, если сидишь высоко;
Обращай внимание на задние колеса
(т.е. думай о том, что может случиться – С. И.):
Потому что это непостоянная дама по натуре,
Поэтому часто меняет свои дела.*

*Не копи золото и никакие сокровища,
Каждый час бойся измены:
Фортуна что даст, то и отберет,
И никакое право не поможет.*

*А те, что пред тобой сейчас предстают,
Фортуне твоей, не тебе кланяются;
Как только это исчезнет, каждый убежит,
Как тень, когда не хватает солнца.*

*Как она сама закрывает глаза,
Так и других оглуляет своей лестью.
Иной ходит носом кверху
И всех остальных презирует.*

*Помни, что твоё сокровище в распоряжении Счастья,
Так что заботься о его помощи,
Что у тебя останется,
Если счастье своего пожелает?*

*Добродетель – сокровище вечно, драгоценность величайшая;
Этого не отберет враг суровый,
Не сожжёт огонь, не заберёт вода;
Над всем остальным царит Случай.*

Ян Кохановский

Фортуна

Перевод с польского языка

Не верь Фортуне, радуясь беспечно:
Вспомни, что в мире всё недолговечно.
Дама Фортуна так непостоянна,
Часто меняет вкусы, как ни странно.

Не обольщайся золотом и властью,
Может мгновенно измениться счастье:
Что даст Фортуна – тут же и отнимет,
И, улыбаясь, вмиг тебя покинет.

Те, что с тобою в лучший час бывают,
Только Фортуне – не тебе внимают;
Счастье изменит – сгинут без участия,
Как исчезают тени в час ненастья.

Людам Фортуна взор всегда туманит
И тонкой лестью головы дурманит,
Нос свой счастливец кверху задирает
И откровенно всех он презирует.

Помни, что Счастье делит все богатства,
И не старайся ты до них добраться:
Сможешь ли благом насладиться вволю,
Если захочет Счастье свою долю?

Вечная ценность – лишь благоденья:
Враг не похитит это состояние,
Пламя не выжжет и вода не спрячет;
Всё остальное Случай обозначит.

АННА АЛАПИЙ – поэт, прозаик, переводчик. Член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. По первому образованию – учитель английского языка. Имеет несколько дипломов. Дефектолог, нейропсихолог, методист по семейному воспитанию. Стихотворения публиковались в региональных и всероссийских литературных изданиях. В 2023 году приняла участие в работе Межрайонного литературного семинара в г. Шарье Костромской области. Заняла 3 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Художественный перевод» (2023 г.).

Сергей Савин (Россия, г. Кострома)

КОШКА МАШКА

отрывок из рассказа

Жила-была Кошка Машка. Жила она в маленьком домике на краю города. А была она... Где она только ни бывала! В роще, где растут большие деревья, на скользких крышах и даже, страшно сказать, на свалке, куда выкидывают разные интересные вещи. Это было её самое любимое место для прогулок. Но однажды произошло вот что: убегая от большой собаки со злыми круглыми глазами, Машка оказалась на совершенно незнакомой улице, на незнакомом дереве.

«Вот это да! Куда это я попала?» – подумала Машка и, устроившись поудобнее на толстом суку, стала наблюдать за псом-хулиганом, который лаял под деревом.

«Так недолго и на обед опоздать, вдруг это долголающая собака!»

Но псу развлечение быстро надоело, и он убежал, довольно помахивая хвостом. Кошка Машка умылась и совсем было собралась слезать с дерева, чтобы идти на обед, как в доме напротив, в окне, среди цветочных горшков она увидела странную незнакомку. Та была странна тем, что у неё почти не было хвоста. Это было удивительно! Но ещё удивительнее было то, что у неё на шее была повязана такая розовая штучка, которую носят у себя на голове девочки. Кажется, это называется бант.

«Очень необычно, красиво!» – подумала Машка и, разволновавшись, стала драть когтями кору дерева. Прекрасная незнакомка с бантом понюхала цветок герани и исчезла в глубине комнаты. Вернувшись домой, Машка забралась на печку и стала думать:

«Почему у меня нет такого банта? Чем я хуже? Ничуть не хуже! У той кошки даже хвоста нет, а у меня самый длинный хвост, и я лучше всех ловлю мышей. Правда, я ещё не поймала самую большую и злую Крысу Кошмару, про которую рассказывал Кот Тимофей. Но я её обязательно поймаю».

И тут, когда Кошка Машка чесала у себя за ухом задней лапой, ей в голову пришла очень удачная мысль. Кто умный, тот знает: если ты делаешь

кому-то подарок, то, обычно, через некоторое время тебе тоже что-то дарят. Значит, нужно сделать подарок человеку по кличке Дядя Серёжа.

Он тоже жил в маленьком домике. Кошка Машка иногда с ним играла, когда была в настроении, а Дядя Серёжа кормил её.

Не откладывая ни минуты, Машка пошла на свалку и поймала там мышку, потом с подарком в зубах вернулась домой, вскочила на кровать и положила мышку рядом с усами Дяди.

Тот открыл глаза, радостно закричал, замахал руками, вскочил с кровати и с мышкой в руках выбежал из комнаты.

«Как обрадовался, – одобрительно подумала Машка, – играть побежал!» Она вспрыгнула на стул и довольно замурлыкала. Теперь он должен подарить мне бантик! Но ответного подарка Кошка Машка ждала долго. Она даже решила рассердиться и не мяукала два часа, но Дядя Серёжа не обращал на неё никакого внимания. Тогда Машка взяла и ушла гулять на набережную.

Бант у неё появился вечером, но бумажный и почему-то на хвосте. Машка сначала обрадовалась и попыталась погладить его, но никак не могла поймать, потому что он улетал. Она гонялась за ним, гонялась, а потом устала и легла. Устал и бантик.

«Это просто какое-то шуршащее недоразумение, а не бантик. Почему он летает?» – Машка осторожно протянула к нему лапу. Бантик оставался на месте. Тогда она прижала его к полу и оторвала от своего длинного хвоста.

Нет, ей, такой умной, красивой и полосатой кошке, совсем не подходило это недоразумение, тем более что на хвосте. Когда Кошка Машка почесала задней лапой за ухом, ей в голову пришла ещё одна удачная мысль.

Она думала так: если за маленькую мышку ей привязали бумажный бантик на хвост, то за большую мышку ей обязательно подарят большой розовый бант, такой же, как у диковинной кошки.

Когда Кошка Машка положила большую серую мышку на кровать Дяди Серёжи, то он обрадовался ещё больше, чем в первый раз. Он кричал и махал руками, как сумасшедший, а потом ушёл с мышкой на улицу. Вернулся он почему-то расстроенный и без банта.

– Что же это такое, – ворчал он, – все кошки как кошки, живут себе спокойно и не таскают в дом всякую гадость. А эта...

Тут Машка насупилась.

«Про какую гадость он говорит? Никакой гадости я в дом не приносила. Станный какой-то Дядя Серёжа. Всё! Не буду я больше ему подарков делать. Пусть живёт без подарков. И банта мне не надо!»

Кошка Машка обиженно выгнула хвост и ушла гулять.

Шло время. Машка уже почти забыла и про бант, и про незнакомку, но тут случилось неожиданное. Дядя Серёжа пришёл домой радостный и сказал, оглядывая комнату:

– Сегодня у нас праздник, и всё должно быть красиво. Поэтому, Машка, привяжем тебе на шею бант. Ты будешь такой же красивой, как та сиамская кошка, которую я видел вчера.

КОШКА

«Я и так самая красивая! – подумала Машка, но банту обрадовалась. – Наконец-то додумался!»

Бант был большой и розовый, поэтому ей сразу захотелось покрасоваться перед знакомыми. Она выскользнула за дверь и гордо пошла по улице, делая вид, что не обращает внимания на знакомых кошек и собак, которые удивлённо смотрели, открыв пасти, ей вслед.

«Вот ведь я какая! Самая красивая, самая умная, самая полосатая кошка, которая лучше всех ловит мышей. Вот если бы мне ещё Крысу Кошмару поймать, то я была бы ещё и самой знаменитой в городе».

И тут, как это иногда бывает, Машка увидела её, Кошмару. Громадная Крыса сидела в кустах и задумчиво смотрела на ржавую консервную банку. Кошка Машка замерла, потом крадучись подобралась поближе и прыгнула.

Это был великолепный прыжок. Самый лучший прыжок Кошки Машки. Но произошло что-то ужасное. Красивый розовый бант зацепился за ветку, и Машка, не долетев до крысы, свалилась в траву.

От досады она зашипела, потом громко мяукнула и в полном расстройстве стала срывать с себя украшение. А Крыса Кошмара в это время спокойно ушла.

«Вот ведь что получается: если ты кошка и хорошо ловишь мышей, то тебе совершенно не обязательно цеплять на себя разные посторонние предметы. А если сидишь целыми днями на окошке среди герани, то можно что-нибудь и прицепить».

Так подумала Кошка Машка и в расстроенных чувствах пошла на крышу наблюдать за воробьями.

Перевод на английский язык

MASHKA-THE-CAT

**By Sergey Savin
Interpreted by Ann Alapij**

Once upon a time there was a Cat Mashka-the-Cat. She lived in a small house on the outskirts of the town. And she prowled... She's prowled everywhere. In a grove where big trees grow, on slippery roofs and even...(it's scary to say), in a landfill, where they throw out various interesting things. It was her favorite place for walks.

And that's what happened one day: running away from a big dog with angry round eyes, Mashka-the-Cat found herself on a completely unfamiliar street, on an unfamiliar tree.

“Wow! Where am I?” Mashka-the-Cat thought. Having settled down comfortably on a thick branch even without any fear already being in pole position she began to peep the hooligan dog that was barking under a tree. “Cat’s God forbid to be late for lunch. Perhaps this is a special dog with a long barking period!”

But the dog quickly got tired of such amusement and ran away, wagging his tail contentedly. Mashka-the-Cat-the Cat washed her face with her the very superb paws and was just about to get down from the tree to go for lunch, when in the house opposite, in the window, among the flower pots, she saw a mysterious stranger cat. Her oddity was that she almost had NO TAIL!!! It was amazing! But

even more amazing was that she had a pink gizmo tied around her neck, which girls wear on their heads. I'm sorry that I'm (the author) bursting into the story with my explanations, but I think it was a BOW.

"Hm, Very unusual and... beautiful," Mashka-the-Cat thought and, getting excited, she began to tear the bark of the tree with her the very superb claws.

A beautiful Mysterious Cat with a bow sniffed a geranium flower and disappeared into the back of the room. Coming back, Mashka-the-Cat climbed on the stone stove and began her rumination:

"Why don't I have such a bow? Why? May be I am worse, than her ... No! I'm not worse! That cat has no even a tail, and I have the longest the very superb tail, and I'm the best at catching mice. However, I have not yet caught the biggest and most evil Nightmare Rat, which Timofey-the-Cat told me about. But I will definitely catch her!"

And then, when Mashka-the-Cat was scratching behind her ear with her hind paw, a very good idea came to her the very superb head:

"Every smart cat knows that if you give someone a gift, then, as a rule, after a while he also gives you something in return. So, I need to make a gift to a man named Uncle Seryozha. He also lived in a small house." Mashka-the-Cat-the-cat thought.

Mashka-the-Cat sometimes played with him when she was in good spirits, and Uncle Seryozha fed her.

Without postponing a minute, Mashka-the-Cat went to the dump and caught a mouse there, then she returned home with a gift in her teeth, jumped on the bed and put the mouse next to her Uncle's mustache.

He opened his eyes, shouted joyfully (as it seemed to the very superb Mashka-the-Cat), waved his arms, jumped out of bed and ran out of the room with a mouse in his hands.

"How happy HE IS," Masha thought approvingly. "He ran to play."

She jumped onto a chair and purred contentedly, "Now he has to give me a bow!"

But Mashka-the-Cat-the-Cat waited for a long time for a return gift. She even decided to get angry and didn't meow for two hours, but Uncle Seryozha didn't pay any attention to her. With vexation Mashka-the-Cat went for a walk on the embankment.

She had a bow (but not a BOW) in the evening, but it was made of paper and it is unclear why he was sitting on her the very superb tail. At first Mashka-the-Cat was delighted and tried to stroke him, but could not catch him in any way, because he was flying away. She chased him again and again, and then she got tired and lay down. Bow tired too.

"It's just some kind of rustling misunderstanding, not a bow. Why is he flying?" Mashka-the-Cat cautiously stretched out her paw to him. The bow remained in place. Then she pinned him to the floor and tore him off her long tail.

No, she is too smart, beautiful and striped for having such a misunderstanding, moreover on the tail. Mashka-the-Cat was scratching her hand pad behind her ear and there was an insight at her the very superb head.

КОСМРОМА

She thought like this, “If a paper bow was tied to her tail for a small mouse, then for a big mouse she would definitely be given a big pink BOW, the same as The Mysterious Cat had.”

When Mashka-the-Cat put a big gray mouse on Uncle Seryozha's bed, he was even more delighted than the first time. He shouted and waved his arms like a crazy and then went outside with the mouse. He came back without a bow and was very upset.

“What is it,” he grumbled. “All cats are like cats, they live quietly and don’t carry any nasty stuff into the house. And this one...” He looked at Mashka-the-Cat.

Mashka-the-Cat frowned:

“What kind of trash is he talking about? I didn't bring any nasty stuff into the house. Uncle Seryozha is strange person indeed. That's all! I won't give him any more gifts. Let him live without gifts. And I don't need a BOW!”

Mashka-the-Cat arched her tail resentfully and went for a walk.

Time passed. Mashka-the-Cat had almost forgotten about the BOW and the Mysterious Cat, but then the unexpected happened. Uncle Seryozha came home happy and said, looking around the room, “Today is a holiday, and everything should be beautiful. Therefore, Mashka-the-Cat, let’s tie a BOW to your neck. You will be as beautiful as that Siamese cat I saw yesterday.”

“I'm already the most beautiful,” Mashka-the-Cat thought, but was delighted having a BOW. “Finally, he figured it out.”

The BOW was big and pink, so Mashka-the-Cat immediately wanted to show it off. She slipped out the door and proudly walked down the street, pretending not to pay attention to familiar cats and dogs, who stared at her opening their mouths surprised.

“That's what I am. The most beautiful, the most intelligent, the most striped cat that catches mice best of all. If I can catch a Nightmare-the-Rat, then I'll also be the most famous in the town,” Mashka-the-Cat thought.

And then, as it sometimes happens, Mashka-the-Cat saw her, a Nightmare-the-Rat. A huge Rat sat in the bushes and looked thoughtfully at a rusty tin can. Mashka froze, then stealthily crept closer and jumped.

It was the very great jump! The best jump by the very superb Cat!!!

But terrible thing happened. A beautiful pink BOW caught on a branch and Mashka fell into the grass. She didn’t reach the rat.

She hissed irritably, then meowed loudly and with great irritation began to tear off her fancy gizmo. And Nightmare-the-Rat got away without being hindered.

“That happens: if you are a Cat and you catch mice well, then you absolutely don’t need clinging to various odd objects. And if you sit on the window among the geraniums all day long then you can attach anything you want,” So Mashka-the-Cat the very superb striped cat thought and went to the roof to watch the sparrows in upset feelings.

IV. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

АНАСТАСИЯ НОВОЖИЛОВА родилась в 1998 году в городе Краснодаре. В 2022 г. окончила Кубанский государственный медицинский университет по специальности «Лечебное дело», работает врачом скорой помощи и учится в ординатуре. Является лауреатом творческих конкурсов и фестивалей: «Казачья ярмарка», «Пою тебя, моя Кубань», «Любви все возрасты покорны», «Год литературы в России», «Салют, Победа!», «Герои Афгана», «Поэт и гражданин» и др. В 2009 году в издательстве «Традиция» вышел календарь с её стихами «Мышеход». В 2010 году выпущена книга стихов «Кот, ворона, пёс и я». На конкурсе Ассоциации книгоиздателей России заняла 3 место в номинации «Лучшая книга для детей и юношества 2011 года». В 2013 году выпущена книга стихов на тему здорового образа жизни «Я против!», в 2018 – «Ключик детства», в 2020 – «Через чернильные моря». Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Произведения для детей» (2023 г.).

ГДЕ ЖИВЁТ ЛЮБОВЬ?

1. Кошачья планета

На небесах золотая Луна,
А на Луне есть кошачья страна.
Лунные там проживают коты,
Необычайной они красоты.
Разного цвета зимою и летом
Эти коты засыпают с рассветом.
Ночью гуляют, цветы собирают
И под ночью звездой загорают.

2. Мяучин дом

Там, в маленьком доме, под розовой тучей,
Жил милый зелёный котёнок Мяуча.
Неслышно ступали Мяучины лапки,
По дому ходил он в вельветовых тапках.
И грустно свисали зелёные ушки,
Мечтал завести наш Мяуча подружку.
Хотелось Мяуче скорее влюбиться
И, может быть, даже попозже жениться.
Но как ни старался, как будто назло,
Мяуче в любви ну никак не везло.

3.Виолетта

Мяуче летать в магазин далеко,
А он очень сильно любил молоко.
Его добывал он легко и приятно,
Завёл он корову в салатových пятнах.
Корова Мяучи звалась Виолетта,
Была она ярко лимонного цвета.
Лежала с утра на пушистом диванчике
И лунные с чаем пила одуванчики.
На вкус молоко её было солёным,
Густым и парным и, конечно, зелёным.

4.Космическое происшествие

У дома, в сарае, скакала как белка,
Летучая и неземная тарелка.
Мяуча её заправлял керосином,
На ней за едой он летал в магазины.
Однажды Мяуча, открывши буфет,
Увидел, что там не осталось конфет.
Поэтому он поспешил в магазин,
Вот только с собою не взял керосин.
И только Мяуча взлетел выше гор,
Внезапно в тарелке закашлял мотор.
Так долго от страха Мяуча метался,
Пока в темноте аппарат кувыркался.
Вдали оказалась родная Луна,
И с нашим Мяучей прощалась она.
Тарелка помчалась со скоростью света,
Под ней показалась чужая планета.
И от перегрева тарелка дымилась,
Потом очень резко она приземлилась.

5.Приземление

Был очень измучен полётом Мяуча,
Сидел он в тарелке мрачнее, чем туча,
Но понял слезами беде не помочь
И вышел на волю он в звёздную ночь.
Ах, бедный Мяуча, ну где же твой дом,
Что ждёт тебя в этом краю неродном?
Вот что-то протяжно вздохнуло в кустах,
Стал тихо Мяучу охватывать страх.
Вдали изумрудом сияла река,
Свинцовые плыли над ней облака.

Вперёд продвигаться Мяуча решил,
За помощью он поскорей поспешил.
Под лапками тихо шуршала трава,
В кустах загукала громко сова.
Его окружали мохнатые ёлки,
Мерцали в таинственном свете иголки.
Но вдруг в темноте загорелось окошко,
Мелькнул силуэт, это вроде бы кошка!
Мяуча от радости весь задрожал
И вот на спасительный свет побежал.

6. Знакомство

В это же время, глядя в окошко,
Сладко зевнула лиловая кошка.
Что-то к крылечку быстро метнулось,
Она удивилась и встрепенулась.
Кошка решила: я зазевалась,
Видимо, всё это мне показалось.
Минута проходит, другая и вдруг
В дверь раздаётся настойчивый стук.
Вздвогнув, тихонько в глазок посмотрела,
Лола от ужаса вся обомлела.
Кто-то зелёный за дверью стоял,
Тихо мяукал и сильно дрожал.
Сразу мороз пробежался по коже,
Она испугалась – пришелец, о боже!
Кошка немного в лесу одичала,
Да и зелёных котов не встречала.
Лола притихла, сидит и дрожит,
Может быть, чудище в лес убежит?

7. Спасение

В небе светила большая Луна,
Ночка, однако, была холодна.
Долго Мяуча в двери стучал,
Только никто ему не отвечал.
Лапы замёрзли, сколько мне ждать?
Видно придётся в лесу пропадать.
Лола еще раз в глазок посмотрела,
И чужеземца она пожалела.
«Ладно, открою, – подумала Лола, –
Ведь на часах половина второго!»
Только Мяуча «спасибо» сказал,
Тут же без чувства на коврик упал.

Позже он в тёплой очнулся кровати,
Грелка ему сильно жарила пятки.
– Мяу! – промяукал Мяуча негромко,
Сразу склонилась над ним незнакомка.

8. Любовь нечаянно нагрянет

Вот, наконец-то, Мяуча согрелся
И хорошенько вокруг осмотрелся.
Лола, конечно, была мастерица
И на досуге вязала на спицах.
Досуга хватало до ночи глубокой,
Ведь Лола была, как и он, одинокой.
Дом украшали цветные скатёрки,
На окнах по-детски забавные шторы.
В прихожей на полке стояла картина:
Лолин портрет только весь из сатина.
«Очень похожа, подумал Мяуча,
Но та, что живая, всё-таки лучше».
Сердце Мяучи сильнее забилося,
Кажется, Лола ему полюбилась.
Лоле Мяуча слегка улыбнулся,
Котик наш тоже ей приглянулся.
Он уж давно отлежал все бока
И попросил у хозяйки чайка.
Разговорились они невзначай,
Только когда сели пробовать чай.

9. Happy end

Тихо Луна заглянула в окно,
В комнате было тепло и темно.
А за окном мелкий дождик прошёл,
Как же Мяуче сейчас хорошо...
Котик не спит и глядит в темноту.
Ну, наконец-то нашёл себе ту!
А под Мяучиным тёплым бочком
Лола дремала, свернувшись клубком.
В небе мерцал золотой звездопад...
Для настоящей любви нет преград!
Пока живёшь на этом белом свете,
Ищи её хоть на другой планете.

АНАТОЛИЙ ТОКАРЕВ родился в 1950 году в Луганской области. Образование высшее педагогическое. Участник ЛИТО «Дон» с 1984 года. Первые публикации состоялись в газетах «Комсомолец» и «Молот» (1985). В 90-годы был перерыв в литературной деятельности. В 2010-е годы возобновил писательское творчество в ЛИТО «Дон». Участвует в работе ЛИТО «Созвучие». Имеются публикации в периодической печати, в журналах «Окно» (СПб), в коллективных сборниках. Изданы авторские книги: «Тайна встреч и расставаний» (2015) и «Память» (2017). В двух конкурсах СПР занимал вторые места (Ростов-на-Дону и Санкт-Петербург). В конкурсе «Писатель года – 2017» Русского литературного общества имени А.П. Чехова был награждён грамотой (Москва). В конкурсе «Скрёбовские чтения» занял первое место в номинации «Эссе» (Ростов-на-Дону). Занял 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Произведения для детей» (2023 г.).

НУ И РЫБАЧКИ!

рассказы

Рыбацкое место

Лёгкий утренний ветерок подгонял Вовку к реке. Удочка через плечо, бидончик в руке, настроение – то, что надо.

– Наловлю сегодня рыбки – о-го-го! – чувствует Вовка это своей чуйкой.

Так и его дед обычно говаривал, потирая руки:

– Ох, чую, чую рыбку маленькую, рыбку большую.

Правда, эта чуйка деда часто подводила. Но он всегда и на этот промах находил ответ:

– Не та река стала. И рыбка теперь хитрее, и вода грязнее.

Вовка только ухмылялся, вспоминая, как дед разглагольствовал про рыбалку:

– Благодать. Сиди себе с удой, да лови.

А он видел эту благодать, когда дед сидел и кунял носом над удочкой, а то бывало и всхрипнёт. Ещё и поучает, поэтому он старался смяться без деда на рыбалку. На берегу Вовка увидел Ваську. Тот, забросив удочки, согнулся, как кочерга и неотрывно наблюдал за поплавком. Ничего, никого не видел. Но только Вовка хотел присесть рядом, как Васька, замахал руками, отгоняя его. Зашипел, словно закипающий чайник:

– Ты что! всю рыбу своим сопением распугаешь. Тебе что – места мало!

И Вовка недовольно хмыкнув, отошёл от него. Нашёл место на берегу, не хуже Васькиного. Забросил удочку, и только замер, впился взглядом в поплавок, как показался верзила Ванька. Он выше всех в классе был. Спешит, аж спотыкается с двумя удочками. И главное, прёт к нему, хочет примоститься рядом.

КОСПРОМА

Вовка замахал руками, тоже как Васька зашипел:

– Места тебе мало! – громче ведь не скажешь, тишину нельзя нарушать, рыбка – существо чуткое. Обидится она на шум – ни одной не поймашь.

Ванька пожал плечами и отошёл от него подальше. Только он расположился, отыскав себе своё рыбацкое место, как подъехал на велосипеде лопухий Виталька. Удочка к раме приторочена, бидончик на задней седушке тарахтит. Глухой что ли? Уши бы его длинные за это оторвать. Ещё бы какую-нибудь погремушку к раме привязал – и точно бы, как клоун в цирке, был.

Все ребята разом на него зашикали. А он не понял их, ещё и велосипедным звонком поприветствовал. Ему грозят, а он трясёт своими лопухими ушами, ничего не поймёт. Тут Ванька приподнялся, что-то угрожающее зашипел ему. А был же он не по годам рослый и на расправу быстрый. Хотя и смешливый был. Но Виталька мигом уловил этот сердитый шип своими локаторами, сообразил, что тут не до шуток и подальше отъехал. Расположился за Васькой.

А потом пришёл Федька, за ним Димка и даже Анька, его сестра приволоклась. На пришедших зашикали все, кто уже рыбачил, и они отошли ещё подальше. Каждый нашёл своё место на берегу. Растянулись цепочкой вдоль реки. Сели и клёва ждут. А поплавки мирно покачивались на воде.

Рыбки, наверно, посмотрели на этих скучных ребят и со смеху начали бульбы пускать:

– Дундуки! Сидят, а вокруг солнце светит, вода блестит, птички поют. Хорошо-то как.

Выплеснулась на поверхность самая смелая и весёлая рыбка и рот раззявила:

– А лето-то ту-ту. Сидите, сидите, дурачье. Хоть бы немного подкормили нас горе-рыбачки. Только время зря убиваете.

Думала, они слышат. Ничего ребята не услышали, только с замиранием в сердце за поплавками следят. Просиживают, и правда, такое солнечное лето. А поплавок плавали сами по себе и не дёргались. Куда им спешить, плавай да солнышком наслаждайся. А где-то рядом плескалась рыбка, дразнила ребят. Анька, как заклинание, зашептала:

– Терпение и труд всё перетрут.

Но клёва всё равно не было. А Ванька уже посмеивался:

– Эх, зря не взяли спальные мешки.

Но про себя думал: уж ему-то точно сегодня повезёт. А время как на месте застыло, и рыбка присмирела. Виталька первым не выдержал, тряхнул своими ушами:

– Менять надо место. Гиблое дело здесь рыбачить. Рыбак один на одном сидит, и рыбка растерялась и не знает, у кого червяка слотнуть.

Поехал он прочь на своём велике. Снова велосипедный звонок раздался и бидон задрезжал. Все недовольно, как флюгера, повернули голову в сторону Витальки:

– Вот лопушок, столько шума поднял, что и рыба оглохнет. Шныряют тут всякие.

А скоро и Федька, глядя на свой недвижный поплавок, чертыхнулся:
– Точно, гиблое место! Менять надо. И чего я сюда к вам припёрся?
Но тут Анька, вытянув губы в трубочку, радостно присвистнула:
– Ключёт! – и дёрнула удочку.

Рыбка взлетела и тут же, сорвавшись с крючка, как птичка, воспарив в воздухе, шлёпнулась в воду, обрызгав Аньку. А та и прихлопнула свой рот ладонью, чтоб не вскрикнуть от отчаяния. Ванька хохотнул. Федька же криво ухмыльнулся:

– Я же сказал, что не то место. Пионерлагерь здесь собрали.

И пошёл по берегу подальше от ребят, искать удачливое место для рыбалки.

А тут Димка вскрикнул для хохмы:

– Ого, какую рыбу поймал! Вертлявая, помогите вытащить.

Федька резко обернулся, но, увидев смешную рожицу Димки, хмыкнул:

– Свистун! – и повертел пальцем у виска. – Гиблое место.

Неожиданно объявился на берегу, дед Вовки с удочкой и ведёрком в руках:

– Чего колхоз здесь собрали? Вовка, ты как – со мной? – увидев, что тот не пошевелился, поплёлся в другую сторону от Федьки, побряхтывая. – Сиди, сиди. А я чувю, – здесь рыбки не наловлю.

Ребята, проводив его взглядом, снова устались на поплавки. А вокруг птички пели, листочки на дереве шелестели, река поблёскивала – лето вокруг сияло. Но рыбалка, как и охота, пуше неволи.

Анька, ещё та рыбачка!

Рыбалка, правда, как уменьшилось рыбаков на берегу, сдвинулась. Но всё мелочь шла и не густо.

Пока так ни валко, ни шатко рыбачили и наловили с гулькин нос, а проголодались здóрово. Оставив удочки на берегу, решили перекусить, а рыбка пока пусть мол, нас подождёт. Она наверно, сытая, вертит возле их наживок хвостами и потому не заглатывает её. Пусть проголодается.

Собрались в кружок: Вовка, Ванька, Димка и Анька. Сели, достали, что у кого было. А ничего получилось! У того соль, а у того гляди, нашлась краюха хлеба, а у этого и лучок заваялся, в общем, есть чем подкрепиться.

Пожевали молча незамысловатой снеди, и что-то стало скучно. Солнышко разморило. Анька только что-то повеселела, когда сходила посмотреть, как там ведут себя поплавки. Пришла, голос печальный, а что-то усмехалась:

– Спят поплавки.

Подумали ребята: «Что тут весёлого». Димка предложил:

– Пока там рыбка под солнцем разморилась, вялая, может, во что-то поиграем? А то сами заснём.

Ванька, зевнул:

КОСПРОМА

– И меня разморило, – хихикнул. – После сытного обеда надо поспать, чтоб жирок завязать, – но спросил: – А во что играть-то будем?

– Да хотя бы в чехарду.

Тут Анька возмутилась:

– Я что, должна вас на своей спине возить. Не пойдёт. Лучше...– и задумалась.

– Что лучше Анька? – хмыкнул Вовка.

Анька, вздохнув шумно, вдруг выдала:

– А давайте лучше я вам расскажу, как я к рыбалке пристрастилась.

Все заулыбались и согласились. Может, Анька что сморозит, развеселит. Она такая! И она, не спеша, доев свою долю пахучего лучка, начала рассказывать, поняв, что от неё хотят:

– Рыбачка я ещё та! Пошла я как-то с этим хитрецом порыбачить – и Анька слегка поддела рукой Димку по загровку. Тот незлобно взерепенился:

– Но-но! Руки не распускай. Вечно воспитывает.

– Червей нарыли с вечера. Пришли на речку, он сам выбрал место, – взглянула, прищурившись на Димку, – хвастал мне: проверенное место – рыбное! Мы, мол, с отцом тут столько рыбки натаскали! Некоторые из них на полкило тянули: лещ, сазан, окунь. Я, конечно, не дурочка. Не поверила. Знаю, любит приврать. А на этом рыбном месте, на берегу лежало поваленное дерево, как бы разделяя его пополам. Димка меня спросил:

– С какой стороны будешь рыбачить?

Анька рассказывала, а брат сидел с ней рядом и ухмылялся. Вспоминал, как тогда сеструху обвёл вокруг пальца.

– Я выбрала с той стороны, где в заводи рыбка всплеснула. Думаю, ждёт она меня. Вот натаскаю рыбёшки полным-полно и утру брату нос. Сам же говорил, что тут есть и лещ, и сазан, и окунь. Тогда не будет долдонить: рыбалка – не девчоночье дело. Хотя отец сколько раз ему говорил, что рыба не знает, кто её ловит: мужик или баба.

Взглянула с улыбочкой на Димку:

– Пока он за бревном копошился, я поскорее закинула удочку и жду. А поплавок что-то не шевелится, будто спит на воде.

– И ничего я не копошился. Я делом занимался – возразил Димка и подмигнул ребятам.

– Ладно. Делом занимался. А каким мне было непонятно. Я уже вся измаялась – не клюет и всё! Плевать было рыбке на мою наживку. Гляжу, а братик мой начал таскать одну рыбёшку за другой. Правда, ни леща, ни окуня, а больше плотву, но всё же идёт к нему рыбка. Присмотрелась – и червяк у него извивается на крючке, как и у меня, и так же, как он я забрасываю на такую же глубину удочку. В чём же дело? Ничего не понимаю. Я к нему:

– Почему у меня не клюёт, а у тебя, одна за другой? Ты какой-то хитрый – выбирай, мол, место – передразнила я его и возмущаюсь дальше – А себе, наверно, как раз рыбное место с этой стороны бревна давно присмотрел. И удочка у тебя что-то длиннее.

Димка, усмехаясь, посмотрел на сестру, мол, мели, мели Емеля, но вставил слово:

– Удочка, как удочка.

Анька тыкнула в него пальцем:

– А ты хитрец, тогда только плечами пожимал: – Мол, ты же сама это место выбрала... Я тебя, не принуждал. Можем поменяться местами.

Вот это неожиданное предложение меня смutilo. Что-то тут не так, – легко согласился. Ванька сощурил весёлые глаза:

– А ты и клюнула.

– Клюнула и настойчиво потребовала: раз место одинаковое, меняемся удочками.

Отобрала я у Димки удочку и всучила ему свою. И его удочка показалось мне легче и леска тоньше.

– Хи-хи – и крючок золотой, – выплеснулся смешок из Димки.

И Ванька лёгким смешком задрезжал.

– Чего смеётся, я же ещё неучёная была. Это потом братик поучил меня рыбацким хитростям, и за то ему спасибо. Стою с его удочкой такая довольная, приготовилась тягать рыбку. А поплавок, как назло, опять сам по себе плавает и никакого ему дела ни до меня, ни до рыбок.

Вовка хихикнул:

– Глупый поплавок.

– Сам ты глупый. Не отвлекай! А рыбёшка снова пошла к Димке. Глаза, как кот прижмурил, довольный, и тягает её себе, да посмеивается.

Димка глаза сощурил точно, по-кошачьи, посмотрел на сестру, сдерживая свой смех.

– Я же тебе говорил: не девчоночье это дело – рыбалка, – и улыбку прячет, а она у него лукавая.

Анька усмехнулась:

– Ладно, не заговаривай зубы. Дай доскажу. А он значит, дурачка валяет. Я тогда назло ему стала рядом с ним и закинула удочку. Мол, не отстану от тебя, пока тайну твою не узнаю. Димка потёр с усмешкой ладони:

– Стала, засопела так, что думал, всю рыбу распугает.

– Я её не распугала, наоборот, – Анька задорно на всех взглянула – Поплавок-то сразу: нырь, я – дёрг. И от радости так вздёрнула удочку резко вверх, что она взлетела и, как сегодня, рыбка сорвалась, но на этом мои беды не закончились. А леска-то как назло легко взвилась до самой верхушки вербы и там за ветку зацепилась. Вот так называется я, – поймала. Хоть кричи, хоть плачь от досады.

Димка, хлопнув ладошками по коленям, посетовал:

– Еле леску распутал. Думал, ей кранты! – и хохотнул. – Горе-рыбачка.

– Вот-вот и тогда хохотал! А я злюсь – чего смеёшься мол. Горячиться начала. У меня беда, а тебе хаханьки. В общем, как он освободил леску, я снова подступила к нему, и нож к горлу приставила:

– Говори, почему на этом месте клюёт, а на том, что рядом – нет? Иначе...

КОСПРОМА

– Прямо нож подставила! – рассмеялся Ванька. – Покажи, где он у тебя? Анька отмахнулась:

– Я его и без ножа тогда бы к смерти приговорила.

Димка вскочил, хитро взглянул на пацанов:

– Эх, рано тогда я сдался. Не поводил её, как следует, за нос. А как её поводишь, – она и, правда, могла меня прирезать и без ножа. Видели бы её глаза! Огонь и пламя!

– Ага, и не сразу. Ещё меня немного подурачил. Говорил мне этот паразит, да ещё с улыбочкой, мол, оттого не клевалось, что на меня рыбы не могли смотреть без смеха. Глянь на своё лицо – оно же перекошилось. Ты же вместо поплавка, за мной всё подсматривала. Жалко, зеркала нету.

У меня в кармашке лежало зеркальце, да я сама побоялась на себя взглянуть. А он меня всё дразнил – от такой рожицы не то, что рыбы со смеху помрут и куры тоже. При чём здесь куры, я не поняла. А он насмеялся: как скажи рыба с открытым от смеха ртом может заглотнуть крючок?

– Так это же выражение есть – курам на смех, – вставился Вовка.

– Насмешничал – хмыкнул Васька.

– Ещё один умник, – нахмурилась для вида Анька, но тут же улыбнулась: – А я же к нему, словно репей прицепилась: – Шуточки твои дурацкие. Ты мне серьёзно скажи – почему? Что, считаешь себя хитрее всех?

– А как ты думала? Я страшно хитрый, – усмеялся Димка. – Дома всё меня воспитываешь, хоть здесь тебя подсёк.

Анька отмахнулась:

– Тебя воспитаешь! Оказывается, этот чертёнок, пока я там за поплавком своим наблюдала, мечтая заткнуть его за пояс, сделал незаметно подкормку. А я-то видела, что он, как копуша, не спеша удочку приготавливал, потом присел чего-то, будто раздумывая с какого конца её взять. Но мне-то невдомёк о его коварных планах. Наоборот думала, пока он там мешкает, я натаскаю рыбки целую авоську. Но оказалось, братишка хоть и младший, а поспорившей меня. С тех пор на рыбалку я больше с ним не хожу. Вот такая оказалась я рыбачка! И сегодня бы не пошла.

– Ха-ха! – засмеялись дружно ребята: – А сама зачем сегодня пришла с ним рыбачить?

– Так скучно одной.

– Это да, – признали все. – Здесь вместе веселей.

А Анька хитренько улыбалась, она уже местечко себе прикормила, с тайной мыслью: «Сейчас пацанам фору дам! Тогда уже я посмеюсь. А то заладили: рыбалка – не девчоночье дело».

Как присели возле удочек, так она и стала таскать рыбёшку и на мальчишек поглядывать с задором. А они вначале не заметили, уставившись на свои поплавки. Да и что от девчонки можно ждать? Так только за компанию потрепаться.

Ванька вдруг заметил, что она рыбёшку одну вытащила, потом другую. Аж рот раззявил. Толкнул в бок Ваську:

– Гляди!

А того взяла досада – у Аньки уже следующая рыбёшка на крючке и никуда ей уже не деться, а у него никакого клёва. Толкнул в бок Вовку.

И Вовку завидки взяли – с чего это ей везёт. Васька ему подмигнул и подкрался к Аньке сзади и как гаркнул:

– Я водяной! Моя рыба!

Рванула она от неожиданности удочку и за что-то в воде крючок зацепился. Оглянулась гневно, а хохочущий Васька уже дёрнул от неё дал. Сорвалась она с места и погналась за ним:

– Отцепляй, водяной, крючок!

Пацаны и про рыбалку забыли. Веселее стало. Подзуживали Аньку:

– Не догонишь!

А Ванька прыг на её место и закинул одну из своих удочек. Но только пару рыбёшек вытащил – и всё, прекратился клёв. Видно, кончилась Анькина подкормка. Вовка как ни пытался придержать Аньку, поймала она обидчика Ваську, и он под улюлюканье ребят еле отцепил от коряги крючок, ещё и подразнили его:

– Водяной! Водяной – уши свои помой.

А он взял и всех обрызгал водой. Какая тут рыбалка – всю рыбу распугал.

Вот так пошухарили ребята. А улов у Аньки на диво знатный. Зароптали:

– А что же у нас не было клёва?

Анька молчала, только улыбалась. А Ванька прищурился:

– Я на твоём месте пару рыбёшек тоже поймал. Ты лучше расскажи, отчего это рыба к тебе пошла? А то дружить не будем.

Подступились все к ней, окружили:

– Говори секрет.

Только брат Димка в сторонке стоял, ухмылялся. Он уже догадался. А она ещё поводила за нос ребят и подколола:

– Я же не виновата, что у меня удочка лучше ваших и что у меня был учитель, такой как мой братик – и призналась, что подкормила рыбок. И тут же пожалела. У Ваньки на лице появилась гримаса разочарования:

– Так любой дурак может. Точно сказал Димка: настоящая рыбалка – не девчоночье дело.

А Вовка прошипел:

– Так нечестно. Мой дед никогда не подкармливает. Говорит, рыба настоящего рыбака видит издалека.

И это сбило приподнятое настроение Аньки. Только что так хорошо было ей, хоть на минуту она возомнила себя настоящей рыбачкой. Утёрла же мальчишкам нос. И какая-то была глуповатая беспечная радость на душе. А Васька, тот вообще морду скорчил:

– Зря я тебе крючок освобождал, – но тут же сощурил хитренько глаза. – Фи, у меня брат во сто раз больше тебя налавливал и без подкормки. Богатый у него улов был!

КОСПРОМА

И чего-то то ли хмыкнул, то ли хихикнул. Но Димка защитил сестру, срезал:

– Брат, брат... А сам – слабо?

И всё же ребята пристали к Ваське:

– Расскажи про брата. Как это ему удалось богатый улов поймать?

А тут дед Вовки на горизонте нарисовался и позвал внука:

– Эй, Вовка, пошли домой. Я уже на ущицу наловил. Сегодня меня чуйка не подвела.

А всего-то несколько рыбёшек в ведёрочке бултыхалось.

Богатый улов

Сели в кружок и поведал Васька историю рыбалки его старшего брата, всё ещё подразнивая Аньку:

– Разве то рыба, что ты поймала. Одни слёзы. Вот брат мой! Богатый был улов! – И к чему-то добавил: – Хотите верьте, хотите нет – но всё это чистая правда! А дело было так... – начал он рассказ. И пошло, поехало, полетело с его языка.

...На рыбалку его старший брат отправился с двумя товарищами. С утра пораньше они поехали, на самой первой электричке. Пошумели рыбачки здóрово в вагоне, предвкушая отличный улов. Пассажиры снисходительно на них посматривали, видя их амуницию; удочки, вещмешки. Что возьмёшь с рыболовов – болтуны! И каждый из них друг перед другом пыжился, руки всё шире разводил.

Наконец, добрались до цели. Речушку эту их знакомые рыбаки давно облюбовали, а они никак сюда не могли добраться. Наконец, вот добрались, вспоминая рассказы рыбаков, что река эта не просто там ручеёк, а по ней даже катерки бегают и рыбкой она не обижена. Есть и сазан, и лещ, и карп и вообще всё, что угодно душе рыбака. Только рыба от берега далековато держится. И ловить надо по-серьёзному – взаброд, в высоких резиновых сапогах. Старший брат и его рыбачки всё для этого взяли.

– Эх, мне бы такие сапоги, я бы столько рыбы наловила! – вздохнула мечтательно Анька, перебив Ваську.

Брат Димка хмыкнул:

– Какие тебе сапоги. Ты бы в них утонула, и тебя пришлось бы ловить.

Васька покосился на них хитровато:

– Чего перебиваете? Так и не узнаете, каково непредсказуемое счастье рыбака, – и продолжил, – значит, облачились брат с товарищами в плащёвки, натянули заброды, спиннинги в руки, и зашли, считай, по пояс в воду, – каждый своё рыбное место нашёл. Разошлись друг от друга на приличное расстояние, чтоб не мешать ловле. Вода тёплая, можно долго в ней стоять и рыбачить. Только у брата что-то клевало не очень.

Ванька предположил:

– Надо было глубже зайти.

– Ага, а там под водой обрыв. И вот слышит брат, – один из друзей завопил, поймал мол, рыбину, другой тоже довольно крякнул и тащит рыбёшку и не малую, а она упирается, из воды выскакивает. Вытащил всё же. А у него, значит – ничего! Подумал он: сейчас перейду поближе к парням – там точно клёв будет. Спиннинг – дёрг, а что-то держит крючок. Ещё и водит туда-сюда. Брат невольно вскрикнул:

– Парни, на помощь!

Побежали они к нему, зашлёпали по воде.

– Да ты же сказал, что они по пояс в воде! – захихикали пацаны.

Больше всех хохотал Ванька:

– Ох, умора! Ты бы ещё сказал, что полетели, как утки.

– Да ладно вам. Перебиваете на самом интересном месте. Увидели дружки: не может брат со своим уловом справиться.

Заорали ему радостно:

– Наверно, сомяру, зацепил. Ну и богатый у тебя улов.

Стали тащить втроём, сопят:

– Большущий, видно, сом попался!

А тот сомяра как дёрнул спиннинг – и брат под воду с головой, а парней по сторонам разметало. Выныривает брат, а перед ним из-под воды, как водяной, поднялся подводный охотник в маске и с порванной сеткой улова на поясе:

– Вы что – ополоумели! Так и утопить можно!

Брат с перепугу чуть снова под воду не ушёл. Он оказывается, этого подводника как раз за сетку с рыбкой крючком и зацепил. Ругался подводный охотник, на чём свет стоит, – сетку повредили, а оно и правда, рыба выскальзывает из неё. А брату – хоть слёзы лей. Единственный поклёв – и тот пустой. А ведь, казалось, богатый будет улов. Ванька рот зажал, чтоб не рассмеяться. Анька, хихикнула:

– Богатый!

Васька хмыкнул:

– Не перебивай.

– А я что?

– А ничто. Я сам потом смеялся, как узнал. А брат раньше всех свернулся и уехал в город.

Но дружки, когда приехали, то поделились с ним уловом, но и не преминули подколоть:

– Ну и богатый улов у тебя был.

Брат теперь стал часто задумываться, бурчать:

– Перейти, что ли, на подводный лов?

А тут рассказ перебил Виталька. Проскочил мимо на велосипеде, со звоном и дребезжаньем бидона, ещё и выкрикнул:

– Сегодня не рыбный день. Сматывайте удочки.

Не успели ему ни ответить, ни помахать рукой, а тут и Федька, насвистывая, идёт, а через плечо на прутике всего пару рыбок болтается, и тоже крикнул:

КОСПРОМА

– Не рыбный день. А у вас как?

– А у нас богатый улов! – разом ему ребята ответили.

Он было повернул посмотреть, но опять грозный Ванька приподнялся:

– Иди, иди своей дорогой, а то сглазишь.

Только он отвернулся, Ванька и подавился смехом. После того, как эти рыбачки удалились, Димка с Анькой спросили Ваську:

– Ну, перешёл брат на подводный лов?

А тот напыжился:

– И я с ним разок ездил на подводный лов. Здорово! Богатый улов!

Вовка скептически ухмыльнулся:

– Ну, ты и врать здоров. Ты хоть знаешь, с какой стороны маску надевать. Богатый улов был у него! Так мы и поверили. Водяного хоть видел? – и расплылся в улыбке, что и нос подёрнулся вверх. А с ним заодно заулыбались и Ванька, и Димка, и Анька:

– Надо же такое придумать. Хоть бы немного позатейливей соврал. А то богатый улов! Сказал бы сразу, что разыгрываешь нас.

Ванька вскрикнул:

– Стоп, ребята! А он сегодня кричал, что водяной. Может, Васька и рыбу может заговаривать. И у нас будет богатый улов. А ну, хватайте его и в воду.

Как Васька не сопротивлялся, не орал:

– Типун вам на язык! Не буду нырять. Не знаю никаких заговорных слов!

А искупаться ему пришлось. Когда уже выловили Ваську из воды, приговаривая:

– И у нас теперь есть богатый улов!

А он уже сам улыбался, а чего обижаться, и выдал:

– Чего смеётесь? Я же вас предупреждал: – Хотите верьте, хотите нет – но всё это чистая правда! Рыбаки никогда не врут, они фантазируют. Разве можно им не верить?

Анька усмехнулась, блеснули зубки на солнышке:

– Только уши и можно развешивать. Но всё-таки и врун ты, – и развела руки, – бывало, и я такую рыбенцию ловила. Не верите? Чистая правда! Ещё и плавала на ней, как на дельфине.

– А на акуле не плавала? – хохотнул Вовка и усмехнулся. – Тебе, Васька, моего деда не хватало. У него на богатый улов есть чуйка.

– Видел его чуйку с гульку! – хмыкнул Васька. – И что пристали? У одного – чуйка, другая на акуле плавала.

Сверкнули весело глаза Аньки: – И плавала! А вы говорите: – Рыбалка не девчоночье дело!

И её задорный смех разнёсся по реке. Тут и пацаны рассмеялись. Хоть рыбки не наловят, зато вдоволь насмеются.

И лето вместе с ними звенело от смеха.

ДМИТРИЙ БОЧАРОВ – драматург, музыкант. Окончил Московскую консерваторию по классу Юрия Башмета. Более четверти века служит в Малом театре России (концертмейстер группы альтов оркестра). Театральный фотограф, член Союза писателей России (МГО). Награждён медалью И.А. Бунина «За верное служение русской литературе». Автор тридцати одной пьесы, серии исторических передач на «Радио России», а также сценария концертов «Карнавалный огонёк» и «Письма с фронта» (Малый театр, 2019). Победитель и лауреат многочисленных международных конкурсов драмы: «Автора – на сцену!», «Время драмы», «Война и мир» (ЦАТРА), «ЛитоДрама», «Исходное событие – XXI век», «Долг. Честь. Достоинство», «Детство. Отрочество. Юность», «ASYL», «Антоновка» и др. Занял 3 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Произведения для детей» (2023 г.).

КОТЁНОК МУРКАНТО

пьеса для детей

Действующие лица:

Мурканто – котёнок, главный герой

Кукушка – та самая, из часов

Хрюканто – поросёнок, полный идей и энтузиазма

Корова – обожает музыкальную педагогику

Соловей – знаменитый певец

Дятел – поклонник азбуки Морзе

Сорока – гламурная красавица

Ворона – по имени Бекара, любящая порядок во всём

Тигр – по имени Фермата, грозно рычит

Павлин – обладатель красивого хвоста и противного «мя-а-ау!»

Кошка – мама Мурканто

Картина 1

Утро. Солнечный луч ярко освещает комнату, в которой, уютно свернувшись в кроватке, спит котёнок Мурканто. Со стен отовсюду свисают компьютерные мыши. Ковры на полу – тоже с мышьиной тематикой. Бьют часы, из них вылетает кукушка.

Кукушка. Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Не спите на боку!

Вставать давно пора!

Живее, детвора!

Мурканто (*недовольно ворочаясь в постели*). Ты что раскричалась? Спать мешаешь...

Кукушка. Солнышко проснулось. И деткам вставать время пришло.

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

КОСПРОМА

Подъём! Ку-ка-ре-ку!

Мурканто (*сонно*). Гав...

Кукушка. Почему... гав?!

Мурканто. А почему ку-ка-ре-ку? Ты кукушка. А кукушки не кукарекают.

Кукушка. Я просто пыталась быть максимально убедительной. Вставай!

Мурканто. Не хочу.

Кукушка. Почему?

Мурканто. Я всю ночь играл в игру «Поймай мышь». И очень не выспался. (*Накрываясь одеялом с головой, сонно.*) ...современный кот просто обязан уметь обращаться с мышью... у меня в игре было целых девять жизней, и я ни одной не потратил... Выключи, пожалуйста, солнце... слишком яркое...

Кукушка (*стаскивая с котёнка одеяло*). Вставай, лежебока!

Ночью детям надо спать,

А не с мышками играть!

...Поймал мышь-то?

Мурканто. Ещё бы... и даже – не одну... я самый знаменитый мышелов на свете. Уйди, пожалуйста... я спать хочу...

Кукушка. Ну и где они, эти твои мыши? По-моему, ты самый знаменитый хвостун.

Мурканто. Честное кошачье – поймал! Просто... я их отпустил.

Кукушка. Зачем?

Мурканто. Какая ты глупая птица. Ты что, никогда не ловила мышей?

Кукушка. Нет.

Мурканто. Вот поэтому ничего и не понимаешь... Если однажды взять и поймать всех мышей, то кого тогда останется ловить?.. Ясно?.. (*Зевает.*) А теперь я буду спать...

Кукушка. Вставай, мой мальчик.

Мурканто. И вовсе я никакой не твой мальчик! Я – мамин! Моя мама кошка. Вот скажу ей, что ты меня обижаешь... и она тебя поймает... Знаешь, что она тогда с тобой сделает?

Кукушка. А разве мама не говорила тебе, что ябедничать нехорошо?

Мурканто (*со вздохом*). Говорила. Я не буду ябедничать.

Кукушка (*нежно*). Ку-ку! Вставай, мой мальш!

Мурканто. Почему ты говоришь мамины слова? Где моя мама? Она всегда приходит ко мне по утрам, чтобы покормить меня молоком, вылизать мою шерстку. И спеть утреннюю песенку.

Кукушка. Она больна.

Мурканто. Врёшь!

Кукушка. Честное кукушечье – больна!

Мурканто (*очень недоверчиво*). И чем же это таким она заболела, что не смогла прийти ко мне?

Кукушка. Твоя мама всю ночь пела самые-самые высокие ноты на самой-самой высокой крыше. Был сильный ветер. Крышу снесло. И мама потеряла голос.

Мурканто. Как... потеряла? Он у неё что... упал? Разбился?!

Кукушка. Вот таких подробностей я не знаю. Может – упал, может – она его сама забыла где-то... хорошо ещё, что голову не потеряла. Мы, женщины, когда у нас сносит крышу, становимся такими рассеянными! К счастью, она потеряла только голос. Но... (с этого момента прошу повнимательнее!) ни петь, ни даже говорить она теперь не может.

Мурканто. Не может?!

Кукушка. Да. Ни мяу-мяу, ни мур-мур-мур. Меня вместо себя прислала. Отныне – я за неё. Вставай, мой мальчик. Вставай, мой маленький кукушонок.

Мурканто. Никакой я тебе не кукушонок! Я – котёнок! Мурканто! И я не позволю какой-то там кукушке командовать мной! (*Вскакивает и убегает.*) Мяу!

Кукушка. Ку-ку-куда ты? Что ты собрался делать?

Мурканто. Пошёл искать мамин голос!

Картина 2

Мурканто быстрым шагом устремляется прочь от дома.

Мурканто. Я должен спешить! Моя бедная мамочка – она даже не может сказать мне, как сильно она меня любит. И песенку не может спеть. Я не хочу, чтобы вместо неё была эта противная кукушка! (*Увлечённый раздумьями, чуть не врезается в музыкальную корову.*)

Корова (*поёт вокализы*). Ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... мы-ы-ы... му-у-у... То есть... ми-и-и...!

Мурканто. Что это вы делаете, тётя корова?

Корова. Распеваюсь перед утренней дойкой. Я сделала очень важное открытие: когда тебя переполняет музыка, молоко получается самым вкусным. Хочешь попробовать?

Мурканто. Молоко?

Корова. Нет. Распеться вместе со мной.

Мурканто. Простите, но мне некогда. Я ищу мамино «мяу».

Корова. Что-что ты ищешь?

Мурканто. Мамин голос.

Корова. Тем более, тебе необходимо распеться! Я знаю огромное количество разной музыки. И очень многому могу научить тебя. Ах, как же я люблю педагогику, но, представь себе – совершенно некому передать уникальные знания! Они переполняют меня, как молоко – вымя! Ты должен мне помочь. Повторяй за мной: ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... мы-ы-ы... му-у-у...

Мурканто. (*пытается повторить*) Ма-мо-ми...

Корова. Неправильно. Это нужно мычать очень округло, распевно, с ощущением резонанса в рогах.

Мурканто. Но у меня нет рогов.

Корова. Нет рогов? А как же ты тогда собираешься петь?

Мурканто. Я вовсе не собираюсь петь! Я ищу мамин голос!

Корова. Повторяй: ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... мы-ы-ы... му-у-у...

КОСПРОМА

Мурканто (*раздражённо*). Ма... мо... му... мне не нужно так много. Вполне достаточно одного «мяу»... Скажите, пожалуйста, – вам оно не встречалось?

Корова. Нет, но это вовсе не значит, что ты не можешь быть моим учеником.

Мурканто. Простите, мне некогда. (*Убегает.*)

Корова (*вдогонку*). Что значит – некогда? Мы только начали! У нас впереди так много открытий! Куда же ты? Странно, почему все мои ученики так быстро бегают? И кто теперь будет меня доить?

Картина 3

Мурканто бежит очень быстро. Неожиданно спотыкается о поросёнка, лежащего прямо посреди дороги. Чуть не падает.

Мурканто. Ты что тут разлёгся? Видишь, я чуть не упал об тебя!

Хрюканто. Для начала предлагаю поздороваться.

Мурканто. Поздороваться? Я даже не знаю, как тебя зовут.

Хрюканто. Хрюканто.

Мурканто. Что за странное имя?

Хрюканто. Вообще-то меня сперва назвали Бельканто. Надеялись, что я стану певцом. Бельканто, в переводе с итальянского, – прекрасное пение. Представляешь, как это смешно звучит: «поросёнок Бельканто»? К счастью, у меня совсем не оказалось слуха.

Мурканто. Как не оказалось? Ты же прекрасно меня слышишь.

Хрюканто. Тебе это кажется. С кем бы я ни разговаривал, слышу только себя. Зато я замечательно умею хрюкать! Вот так: «хрю-у-у-у!» Поэтому я стал Хрюканто. А тебя как зовут?

Мурканто. Меня – Мурканто. Потому, что я замечательно умею мурлыкать.

Хрюканто. Ты – Мурканто, я – Хрюканто. Нас так похоже зовут! Мы с тобой почти что тёзки. Давай дружить? Знаешь, что я придумал?

Мурканто. Что?

Хрюканто. Я буду тебе звонить по мобильнику! Здорово? Уи-и-и-и! Я такой выдумщик!

Мурканто. У меня нет мобильника...

Хрюканто. Ой, я забыл... у меня тоже нет.

Мурканто. А с чего и куда ты собирался звонить?

Хрюканто. Неважно. Ты зачем бежал? Ой... что это?

Мурканто. Где?

Хрюканто. Вон там! (*Показывает вдаль, где соловей бежит с сачком для бабочек и кого-то ловит.*) Пошли, посмотрим.

Мурканто, вместе со своим новым другом спешит к соловью.

Мурканто. Здравствуйте! Простите, что отвлекаю... Что вы тут такое непонятное делаете?

Хрюканто. Ой, ты такой смешной!

Соловей. Вообще-то, к незнакомым взрослым полагается обращаться на «вы».

Хрюканто. Извини... ой... извините.

Соловей. Я ловлю нотки вот этим самым сачком, и рассаживаю их на линейках в своей композиторской тетрадке. Так у меня рождаются мелодии. А потом я пою с листа то, что получилось.

Мурканто. Простите, с листа... какого?

Соловей. В смысле?

Мурканто. С дубового? Берёзового? Или кленового?

Соловей. С бумажного. Пение с листа – это когда ты впервые видишь ноты, но делаешь вид, будто бы давно знаком с ними. И даже уже почти выучил наизусть. Впрочем, это, как ты понимаешь – удел мастеров.

Хрюканто. Моя мама тоже ловит жёлуди. Она говорит, что жёлуди, пока они не упали на землю – самые вкусные.

Соловей. Тоже мне, нашёл что сравнивать. Ноты и... жёлуди, которые с дуба рухнули... Проходите, детки, мимо. Не мешайте моему творческому процессу.

Мурканто (*очень заинтересованно*). А можно я тоже буду нотки ловить?

Соловей. Пожалуйста! Только, чур, мои не трогать! Свои мелодии я не отдам никому! Ты что-нибудь слышал об авторском праве? Хотя... кого я спрашиваю? Чтобы знать об авторском праве, для начала – нужно быть автором.

Хрюканто. Моя мама говорит, что свинство – самое главное право!

Соловей. Для свиней – да. Но не для художников.

Мурканто. Но мне вовсе не нужны чужие мелодии!

Соловей. Да? Любопытно... И что же тебе нужно?

Мурканто. Мне нужны нотки моей мамы. Я хочу поймать её «мяу»!

Соловей. Глупости ты говоришь. Нет такой ноты – «мяу»! Есть: «до», «ре», «ми», «фа», « соль», «ля», «си»... и снова – «до».

Мурканто. Мне вовсе не нужно так много нот. Мне нужно всего лишь... «мяу»...

Соловей. Зачем?

Мурканто. Я хочу помочь своей маме. Она потеряла голос.

Соловей. Потеряла голос?! Какой ужас!! Это очень грустно. Я тоже однажды потерял голос. И, представь себе, меня тут же перестали узнавать! Меня даже отказались пропустить через служебный вход в концертный зал птичьей консерватории! Меня, знаменитого на весь лес соловья!

Хрюканто. А ты... ой... то есть, вы... Вы точно соловей?

Соловей. Даже не думай сомневаться. Хотите, спою?

Мурканто и Хрюканто (*хором*). Очень хотим.

Соловей (*концертно откашлявшись, объявляет*). «Соловей» – музыка Алябьева, слова Дельвига: (*Поёт.*)

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночь пропоёшь?
Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!

КОСПРОМА

(Раскланиваясь со сдержанным достоинством.) Вот такой замечательный я певец. Во всём же остальном – самая обычная птичка. Внешний вид у меня, как видите, вполне серенький, скромный. Да и хвоста роскошного, как у павлина – нет. И в интернете я себя не пиарю...

Мурканто. Почему?

Соловей. Что, почему?

Мурканто. Почему хвоста нет?

Хрюканто. Ха-ха-ха! У соловья нет хвоста!

Соловей. Как это – нет хвоста? Вот он, мой хвост. Видишь? Запомни: птиц без хвостов не бывает! Кроме киви. Но это не птица, а недоразумение какое-то: у неё и крыльев тоже нет!

Мурканто *(настойчиво)*. Почему у вас красивого хвоста нет? Неужели вы с таким замечательным голосом не заслужили павлиньих перьев?

Соловей. Зачем мне павлиний хвост? Он требует постоянного ухода – а как при этом найти время для занятий вокалом? К тому же, хвост может облысеть или подвергнуться нападению моли...

Хрюканто. Правильно! По-моему, свиной хвостик – лучше любого павлиньего! Хрю-у-у! Уи-и-и-и!

Мурканто. Помолчи, пожалуйста. У нас очень серьёзный разговор.

Хрюканто. Да запросто! Я вообще могу ни слова не говорить. Только, вообще-то, это свинство – беседовать вдвоём, когда нас тут трое.

Мурканто. Прости. Я не хотел тебя обидеть. *(Соловью)* И всё-таки, почему вы такой бедный, если такой талантливый?

Соловей. Я не бедный. Я богатый. Но богатство моё измеряется не яркими перьями, воткнутыми в зад, а вдохновением. Я понял твой вопрос, малыш. Дело в том, что, если серьёзно занимаешься искусством, приходится выбирать: или ты поёшь, или павлиний хвост распускаешь. Конечно же, хвост распустить проще, чем ноты сачком ловить. Но... дальше-то что?

Мурканто и Хрюканто *(хором)*. Что?!

Соловей. Ни-че-го!

Мурканто и Хрюканто *(хором)*. Ничего?!

Соловей. Да. В смысле – нет. Если не заниматься каждый день по много часов – совсем-совсем ничего! Красивый хвост – вовсе не гарантия красивого голоса. Слышали когда-нибудь, как поёт павлин? Более отвратительного кошачьего «Мя-а-ау!» мне встречать не доводилось. А уж поверьте, я много чего знаю в этой жизни...

Мурканто. Мяу?! Это именно то, что мне нужно!

Соловей. Куда же ты?

Мурканто. Искать павлина! *(Убегает.)*

Хрюканто. Подожди! Я с тобой! *(Убегает следом.)*

Соловей. О, молодость, о, наивность... *(Возвращается к ловле нот сачком.)*

Картина 4

Мурканто и Хрюканто идут по густому лесу.

Мурканто. Зачем ты привёл меня в лес? Разве павлины живут в лесу?

Хрюканто. Павлины живут далеко. Мы туда и идём. А лес... просто оказался по пути.

Мурканто. А далеко – это... где именно?

Хрюканто. Откуда ж я знаю? (*Слышен ровный, ритмичный стук.*) Войдите... ой, то есть... я же не дома... А кто тогда стучит?

Дятел. Это я стучу.

Хрюканто. Зачем?

Дятел. Если кукушка поселилась в кошкиных часах, должен кто-то в её отсутствие здесь, в лесу, отстукивать время?

Хрюканто. А какой тут у вас пароль вайфая?

Дятел. С ума сошёл? Какой-токой вайфай? Здесь лес, вообще-то...

Мурканто. Кукушка? Ой, а я её знаю! Она как раз сегодня меня разбудила. А ещё она сказала, что моя бедная мамочка потеряла голос... (*Плачет.*)

Дятел. Не плачь! К чему голос, если есть ритм? Нужно стучать, стучать и стучать! Это всегда так актуально и пользуется таким спросом!

Мурканто. Не хочу стучать! Коты не стучат! Я хочу найти мамино «мяу»...

Вы не встречали павлина?

Дятел. Зачем тебе павлин?

Мурканто. Говорят, он его нашёл.

Дятел. Кого?

Мурканто. «Мяу».

Дятел. А что... без «мяу» – никак?

Мурканто. Никак.

Дятел. Понял. У твоей мамы красивый голос?

Мурканто. Очень.

Дятел. Тогда ты должен искать не павлина, а сороку.

Хрюканто (*встревая в разговор*). Вот ещё! Зачем нам нужна твоя сорока?!

Дятел. Никакая она не моя! Что за свинство – решать за других: кто чей, а кто – не чей? Хорошо ещё, что тебя не слышит моя жена... Она, как вы можете догадаться, тоже – дятел. И такая ревнивая – по малейшему подозрению мозг выдолбит!

Хрюканто (*самодовольно*). Что поделать... да – я такой! Свинство из меня так и прёт!

Мурканто. Простите его, пожалуйста! Мой друг не виноват, что родился поросёнком.

Дятел. Прощаю. Ты хочешь что-то спросить?

Мурканто. Да. Зачем нам нужна сорока?

Дятел. Дело в том, что эта дама вечно тащит в своё гнездо всё самое яркое, красивое и блестящее. У неё такая богатая коллекция блестяшек!

Мурканто. Но голос – не блестяшка!

Дятел. Я всё сказал. Ищи сороку.

КОСПРОМА

Сорока (*Влетает, подобно метеору. При её появлении Хрюканто немеет – безмолвно кидая восторженные взгляды на предмет своего внезапного обожания*). Кто меня звал? Я уже здесь! Вы меня заждались? А я как раз из салона красоты. Нараскивала клюв. Это так модно – клюв с орлиным изгибом. А ещё в подарок, как постоянной клиентке, накладные когти. Постоянная клиентка – это я. Ты сделал себе накладные когти?

Мурканто. Я?!

Сорока. Ты-ты!

Мурканто. Нет. А зачем?

Сорока. Во-первых, так удобнее ковыряться в клюве, а во-вторых – это очень модно. Все теперь наращивают когти. Ты разве не хочешь быть как все?

Мурканто. Не хочу.

Сорока. А ты оригинальный! Аргументируй.

Мурканто. Что?

Сорока. Объясни – почему не хочешь?

Мурканто. Если когти будут длинные, как я стану прятать их в своих кошачьих лапках?

Сорока. Ты прячешь когти в лапках?!

Мурканто. Да.

Сорока. А ты загадочный. Что за поросёнок молчит с тобой рядом?

Мурканто. Это мой друг Хрюканто. Скажите пожалуйста, вы случайно не находили мамино «мяу»?

Сорока. А какое оно?

Мурканто. Очень красивое.

Сорока. Тогда наверняка находила! Я всё красивое нахожу! Я так много всего нахожу, что даже не помню – что же именно я нашла? Всё собираюсь навести порядок в своей коллекции и никак не могу найти для этого времени. Идёмте ко мне. Мне нужна ваша помощь. Компьютером владеете? Таблицы составлять умеете?

Мурканто. Да я вообще – почти что хакер!

Хрюканто (*еле слышно, себе под нос*). А я – хрюкер.

Сорока. Вот вас-то мне и нужно. Вперёд!

Мурканто и Хрюканто уходят вслед за сорокой, которая летит впереди, показывая дорогу.

Картина 5

Страшная-престрашная чаща.

Мурканто. Долго ещё? Я устал.

Сорока. Мы почти пришли. Моё гнездо – буквально в двух шагах отсюда. У меня там такой компьютер – закачаешься! Представь себе, на блошином рынке нашла! Изумительный рынок, но там так много блох! ...Почему молчит твой друг?

Хрюканто (*робко преодолевая немоту*). Потому что... вы такая красивая!

Сорока. У твоего друга прекрасный вкус.

Хрюканто. Да, я люблю вкусно поесть... (*Постепенно смеясь.*) Я хочу быть как вы. Скажите, а копыта тоже можно нарастить?

Сорока. Запросто! Современная пластическая хирургия творит чудеса. Ты думаешь, я сорока? Я – воробей, которому сделали модную сорочью татуировку... шучу. Шучу я! А вы что... поверили? (*Заливисто смеётся.*)

Хрюканто. А можно мне свиной пяточок сделать, как у орла?

Сорока. Свиной?! Как у орла?! Можно! Всё можно! Любой каприз за ваши деньги! Постой. Ты сказал... пяточок? (*Прекращает смеяться, пристально смотрит на Хрюканто.*) Как же это я раньше не заметила? В моей коллекции как раз не хватает именно такого пяточка! Почему он у тебя так красиво блестит?

Хрюканто. Это потому, что я его каждый день натираю зубным порошком.

Сорока. Зубным? Он же для зубов. Им зубы чистят.

Хрюканто. А что их чистить? Зубы всё равно никто не видит. А пяточок – вот он, у всех на виду!

Сорока. Он не должен быть на виду у всех! Он должен быть только у меня! (*Вцепляется в пяточок.*) Отдай пяточок!

Хрюканто. Не отдам! Он мой!

Сорока. Нет! Теперь – мой! Он будет украшением моей коллекции! У меня уже есть рубль, а пяточка – нет! А вот теперь – будет! Отдай!

Хрюканто (*визжит*). Пусти! Больно!

Котёнок Мурканто неожиданно бросается на сороку, выпустив когти и издавая страшный боевой «МЯВ!»

Сорока (*спасаясь бегством*). Фи, какие вы все невоспитанные! Полечу-ка я лучше на свалку. Говорят, туда такие красивые стекляшки привезли – закачаешься! Сверкают лучше любых бриллиантов! (*Улетает.*)

Хрюканто (*потирая нос*). Зачем мне нужен блестящий пяточок, если от него столько проблем? Лучше бы я чистил зубы...

Мурканто. Ты лучше скажи, что теперь делать будем?

Хрюканто. А что такое?

Мурканто. Мы заблудились.

Хрюканто (*оглядываясь*). Ой, и вправду заблудились! Ну, ничего, что-нибудь придумаю.

Мурканто. Придумай, пожалуйста, скорее. А то мне страшно.

Хрюканто. Не бойся. Я буду быстро думать... (*Думает.*) Ура! Придумал! Мы точно заблудились?

Мурканто. Точно.

Хрюканто. Я слышал: в таких случаях обычно кричат – «ау»! Ну что, кричим?

Мурканто. Давай. Мя-а-у-у-у!

Хрюканто. Хрю-а-у-у-у!

Дятел (*появляясь, словно по мановению волшебной палочки*). Что вы тут разорались? Лес любит тишину.

Хрюканто. Не мешай. Хрю-а-у-у-у!

Дятел. Ну, тогда я полетел.

КОСПРОМА

Мурканто. Подождите, пожалуйста! Может, вы сможете нам помочь? Мы заблудились.

Дятел. Заблудились? В таком случае нужно просить о помощи.

Хрюканто. Мы просим... *(Очень громко.)* Хрю-а-у-у-у!

Мурканто. Мя-а-у-у-у!

Дятел. Неправильно просите. Если заблудились – срочно передавайте сигнал SOS!

Хрюканто. А что это за сигнал такой?

Дятел. Вы что, не знаете азбуку Морзе?! Чему только учат современную молодёжь – куда ни глянь, сплошные компьютеры. Но что прикажешь делать, если вдруг оказался в лесу, без электричества? А? Вот то-то! Все обязательно должны знать сигнал SOS! В переводе с английского – «Спасите наши души».

Мурканто. Зачем?

Дятел. Иначе я не смогу вам помочь. И никто на свете не захочет помочь. Вот так: слушайте и запоминайте. *(Стучит: три коротких удара, три длинных, три коротких.)* Запомнили? А теперь – стучите! Стук – это всегда так актуально! *(Улетает.)*

Хрюканто. Куда это он?

Мурканто. Не знаю. Может... за помощью?

Дятел *(внезапно возвращаясь).* Какая помощь? Тому, кто умеет правильно стучать, помощь не нужна! Стучащий – помоги себе сам! *(Вновь улетает.)*

Хрюканто. Ты что-нибудь понял?

Мурканто. Не-а... Мя-а-у-у-у! *(Разочарован.)* Никого. И что нам теперь делать? *(Отчаянно.)* Мя-а-у-у-у! *(Вслушиваясь в гулкое эхо.)* ...никто не отзывается. Ну что ж... попробую стучать. *(Отстукивает сигнал SOS.)* Мя-а-у-у-у!

Появляется ворона.

Ворона. Это ты пер-редавал сигнал SOS?

Мурканто. Да.

Ворона. Ты звал на помощь. Что случилось? И почему ты так гр-ромко и непр-равильно кричишь? Запомни: нет ноты мя-а-у-у-у. Есть нота «ми»! Я – вор-рона Бекар-р-р-р. И я не люблю, когда меняют ноты!

Мурканто. Мы заблудились.

Ворона. Это тебя не опр-равдывает. Пр-равила музыки существуют для того, чтобы их не нар-рушали. Чему тебя только учили в твоей школе?

Мурканто. Я ещё маленький. Я ещё не хожу в школу. Я только собираюсь пойти туда.

Ворона. Это тебя опр-равдывает. А зачем вы пр-ришли в лес? Р-разве мамы не говор-рили вам, что тут опасно?

Хрюканто. Вот ещё, чего нам бояться?

Из-за деревьев выпрыгивает страшный тигр.

Тигр. Не «чего», а «кого» – меня! Будем знакомы, я – тигр-р-р Фер-р-рмата! Меня так стр-р-ранно называли потому, что я, когда сижу в засаде, забываю, зачем сижу – засыпаю! И даже, пр-р-редставьте себе – хр-р-раппу! Все думают, что это – пугающий р-р-рык, а это хр-р-рап. Но сегодня... о, сегодня –

стр-р-рашный тигр-р-р, наконец-то, отыгр-р-рается за все свои пр-р-ромахи и неудачи! Какой вкусный пор-р-росёночек достался мне на завтр-р-рак! Р-р-р-р-р-р!!!!

Хрюканто. Этого не может быть. Тигры в наших лесах не водятся.

Тигр. Не водятся? А я тогда... кто?

Ворона. Тигр-р! Взапр-равду! Даже не сомневайся.

Тигр. Кстати, спасибо, что р-р-разбудила! Представь себе, сидел за компьютер-р-ром и... заснул.

Ворона. Игра неинтересная?

Тигр. Интер-р-ресная. Но надоела.

Ворона. Поигр-рай во что-нибудь др-ругое. Кстати, откуда компьютер-р-р? Ты же, вр-роде, в засаде был?

Тигр. Так скучно пр-р-росто так в засаде сидеть...

Мурканто (*у него с Хрюканто своя тусовка*). Если он настоящий тигр, значит, где-то неподалёку обитает павлин. Это – как мухоморы и белые грибы: где встречаются одни, рядом обязательно растут другие.

Хрюканто. Ты умеешь собирать грибы?

Мурканто. Нет.

Хрюканто. А я – умею. Мои любимые грибы – свинушки.

Тигр. А ничего, что я тут, пер-р-ред вами, такой стр-р-рашный стою? Кажется, я сейчас съем одну очень наглую свинушку...

Хрюканто. Ой, боюсь...

Ворона. Ты что детей пугаешь? Ты же добр-рый!

Тигр. Это я-то добр-р-рый?! Я злой и голодный! Слышишь, как ур-р-рчит у меня в животе?

Хрюканто. Может, вы съедите что-нибудь овощное? Или ягодное? Трава, кстати, тоже бывает очень вкусной...

Тигр. Ты что, издеваешься?! Я же хищник!! Р-р-р-р-р-р!

Хрюканто. Спасите!

Мурканто. Помогите!

Ворона. А я пр-редупр-реждала! И не один р-раз! И очень гр-громко, между пр-рочим! Бедные дети! Зачем вы только вошли в этот стр-рашный лес?

Мурканто. Мы искали голос, который потеряла моя любимая мама. Но так нигде и не нашли её «мяу»! А теперь уже, кажется, и не найдём никогда... Моя бедная мамочка, она так любила меня, а теперь... теперь меня (*Плачет.*) съедят! А она даже ничего не узнает...

Тигр. «Мяу?» Почему «мяу»? Откуда «мяу»?

Мурканто. Потому, что моя мама... моя мама – кошка! (*Рыдает в голос.*)

Тигр. Твоя мама кошка?! Не может быть! Ведь это – моя тр-р-роюр-р-родная младшая сестричка!

Мурканто. Сестричка?

Тигр. А ты, выходит, мой племянник! Мы с тобой оба – из семейства кошачьих! (*Обнимает Мурканто.*) Давай-ка вместе съедем этого жир-р-ренького пор-р-росёночка!

Мурканто. А давай... не будем? Он, вообще-то, мой друг.

КОСПРОМА

Тигр. Др-р-руг моего племянника – мой др-р-руг!

Ворона. Ур-ра! Вот всё и раз-решилось!

Мурканто. Маленький с большим очень подружились.

Хрюканто. Как же раньше мы друг без друга жили?

Тигр. Больше не спешим мы др-р-руг д-р-р-руга кушать:

Все хором. Потому, что мы – родственные души!

Дятел (*появляясь, как всегда, внезапно*). Между прочим, покуда вы здесь не пойми чем занимаетесь, я вам павлина нашёл. За мной!

Мурканто. Дядя тигр, ты пойдёшь с нами?

Тигр. Нет. Я лучше ещё в засаде посижу. Но вы идите! Не задер-р-рживайтесь! До встр-р-речи!

Мурканто и Хрюканто устремляются за дятлом.

Картина 6

Опушка леса.

Дятел. Вон он. Дальше идите сами, а я – назад. Учите азбуку Морзе, юные мои друзья, это так расширяет круг общения! (*Улетает.*)

На переднем плане – павлин, который настойчиво, но безуспешно, пытается разглядеть своё отражение в маленьком зеркале.

Павлин. Как это замечательно, что вы пришли. Подержите зеркало – я должен взглянуть на эту красоту! (*Распускает хвост.*) Или лучше... нет! Я дам вам свой телефон, и вы меня сфотографируете. (*Даёт Мурканто телефон.*) Я бы и сам это сделал, но моя палочка для селфи слишком короткая, а хвост слишком большой. Большое, как известно, видится на расстоянии. Вот вы и отойдёте на расстояние, чтобы сделать мой замечательный портрет. Нажимать нужно здесь... только не вздумайте убежать с телефоном! Я замечательно летаю и вмиг догоню любого воришку!

Мурканто. Мы вовсе не собираемся никуда убежать. Наоборот, мы искали вас, чтобы...

Павлин (*перебивает*). Не продолжай. Я знаю, вы хотели полюбоваться моим хвостом.

Хрюканто. Не нужен нам от тебя никакой хвост! Нам нужно «хрю»!

Павлин. Хрю?

Хрюканто. Ой, то есть – «мяу»!

Павлин. Какое ещё «мяу»?!

Хрюканто. Что за непонятливая птица! (*Котёнку.*) Объясни ему...

Мурканто. Моя мама потеряла голос, а нам говорили, что вы его нашли.

Павлин. Я... нашёл?!

Хрюканто. Конечно, нашёл! Отдавай немедленно!

Павлин. Я ничего не понимаю.

Хрюканто. А что тут понимать? Нашёл чужое – отдай! Что за свинство – вести себя по-свински, если ты – павлин, а не свинья?!

Павлин. Да, я павлин! И это никому, я повторяю – ни-ко-му не даёт права обхрюкивать меня.

Хрюканто. Я обхрюкиваю?! Да я, если хочешь знать...

Мурканто (*перебивает Хрюканто*). Подожди, пожалуйста. Во-первых, ты забыл, что ко взрослым нужно обращаться на «вы».

Хрюканто. Ой, прости... то есть, простите...

Павлин. Прощаю.

Мурканто. А во-вторых...

Павлин. А во-вторых, вы будете меня фотографировать или нет?! Мои подписчики ждут новых фотографий в Павлинстограмме! Полюбуйтесь, как замечательно переливаются мои перья! Ах, какой красивый я!

Мурканто. А ваш голос? Вы так ничего и не сказали насчёт мамино «мяу»!

Павлин. При чём тут голос? Ах, до чего же у меня восхитительный хвост! Вы не там стоите! Хвостом нужно любоваться: отсюда... оттуда... отовсюду...

Мурканто. Очень красиво. Но...

Павлин (*не дослушав*). Ах, какой у меня хвост! Как его любят все во всём мире!

Хрюканто. А вот мой хвостик никто не замечает...

Павлин. Это потому, что истинная красота требует пиара! Твой хвост свернулся крючком из-за того, что постоянно испытывает чувство неуверенности в себе! Я тебе помогу! Полюби свой хвост! Тебе необходим тренер по преодолению внутренних зажимов! Научись расправлять его!

Хрюканто. Кого расправлять? Тренера?

Павлин. Хвост! Смотри внимательно – повторять не буду: делаем это так! (*Расправляет хвост.*) Боже! И создал же Бог такую красоту! Нравится? Не отвечай – сам знаю, что нравится! Это – не может не нравиться! Я всем нравлюсь! Ах, мои поклонники! Они просто о-бо-ж-ж-ж-жа-ют мою внешность и всё, что с ней связано.

Мурканто (*в очередной раз пытаясь перевести разговор в нужное русло*). Всё-всё-всё? Даже ваше «мяу»?

Павлин. О! «Мяу» – особенно! Вам повезло! Я как раз начал записывать новый диск, который так и будет называться: «Про любимого (*Очень противно.*) МЕНЯ-А-А-АУ!!!!!» Не задумывались о карьере бэк-вокалистов? Знают взрослые и дети, кто роскошнее огня-а-а-а-ау!

Ведь на целом белом свете нет прекраснее меня-а-а-а-ау!

Меня-а-а-а-ау! (*Очень самодовольно.*) Ну, как?

Мурканто (*с нескрываемым разочарованием*). Извините... у вас неправильное «мяу»...

Павлин. Как это неправильное? Что ты себе позволяешь! Если у певца такой хвост, какие могут быть претензии к его вокалу?

Мурканто. Простите, но... настоящее «мяу» должно быть не противным, как у вас, а нежным – как у моей мамы...

Павлин. Нежным?

Мурканто. Вот таким: (*Тонко и очень красиво.*) «Мя-а-ау!» Может... попробуете ещё раз?

КОСПРОМА

Павлин. Вот ещё... что за глупости? Какой-то котёнок будет учить меня пению! Отдай назад телефон! Я отзываю своё предложение о бэк-вокале. Прощайте! *(Забирает телефон, возмущённо разгоняется и улетает.)*
Мурканто смотрит вслед, еле сдерживая слёзы. Хрюканто пытается успокоить его.

Хрюканто. Не огорчайся. Зачем нам этот глупый павлин? Ты и сам прекрасно мяукаешь...

Мурканто. Я – да. Но как же быть моей бедной... *(Всхлипывает)* бедной моей мамочке! *(Плачет)*

Хрюканто. Зачем ты плачешь?

Мурканто. Потому, что всё очень плохо. И очень сложно. «Мяу» мы так и не нашли... И никакой павлин нам больше не поможет! Я так на него надеялся, а он... он... И что теперь делать, я не знаю!

Хрюканто. А, по-моему, всё просто и даже очень замечательно: чем искать помощи у других – помоги себе сам!

Мурканто. Себе?

Хрюканто. Маме.

Мурканто. Но... как?!

Хрюканто. Ты так долго искал её «мяу», что, кажется, нашёл своё.

Мурканто *(рыдает)*. Нашёл... а толку? Зачем мне моё «мяу», если мама – без голоса?!

Хрюканто. Поделись с мамой.

Мурканто. Чем?

Хрюканто. Чем-чем... своим «мяу», конечно! *(Поёт.)*

Если тучка набежала
И дождём слезливить стала –
Другу песенку спою
Про весёлое «хрю-хрю!»
Чем унылиться грустинством,
Поделись весёлым свинством!
Я визжательно дарю:
Маме – «хрю!» и другу – «хрю!»
Ну и что, что жизнь налита
Нам в помойное корыто?
Подложи себе свинью!
«Улыбаемся! Хрю-хрю!»

Мурканто *(сквозь слёзы, но уже успокаиваясь)*. Ты знаешь, мне кажется, у тебя всё-таки есть слух. Когда тебе надо, ты всё прекрасно слышишь.

Хрюканто. Что, очень заметно? Будем считать, что ты ничего не видел. А то как отдадут меня в музыкальную школу – и что я буду делать?

Мурканто. Что делать? Я знаю, что делать! *(Через многозначительную паузу.)*
Домой пойдём!

Хрюканто. Куда? Забыл, что мы заблудились?

Кукушка (*появляется, словно бы по мановению волшебной палочки*). Вы заблудились, а я вас нашла! Идите за мной, детки, я приведу вас к вашим мамам!

Кукушка летит вперёд, Мурканто и Хрюканто бегут вслед за ней.

Картина 7

Возле дома Мурканто.

Кукушка. Ой, кажется, я опаздываю. Часы вот-вот пробьют, а я... не в них! До свидания, мой кукушонок! (*Торопливо влетает в дом.*)

Хрюканто. Почему она назвала тебя кукушонком?

Мурканто. Просто она ещё не знает, что я нашёл мамин голос. Ну, ничего, скоро узнает. (*Замечает музыкальную корову, пасущуюся возле дома.*) Ой, корова! (*Вполголоса.*) Как бы нам проскользнуть мимо неё незамеченными?

Корова (*поёт свои вокализы*). Ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... мы-ы-ы... му-у-у... То есть... ми-и-и...!

Хрюканто. Ты что, боишься какой-то коровы – после того, как нас чуть не съел тигр?!

Мурканто. Пожалуйста, не кричи!

Хрюканто (*нарочито громко*). Ха-ха-ха! Ты забыл, что ты – самый смелый котёнок на свете?!

Мурканто (*сдавленным шёпотом*). Тише!

Корова. Ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... (*Останавливается, заметив Мурканто, пристально и удивлённо смотрит на него.*) Котёночек, ты вернулся! Ну как, нашёл своё «мяу»?

Мурканто. Нашёл! И своё, и мамино.

Корова. Значит, мои уроки не прошли бесследно. Я рада этому. Ты – один из лучших моих учеников. А что за очаровательного поросёночка я вижу рядом с тобой?

Мурканто. Это мой друг Хрюканто.

Корова. Какое красивое имя! Я буду учить его музыке. Прямо сейчас и начнём наш первый урок.

Хрюканто. Я не хочу!

Мурканто. Поздно, теперь ты от неё не отвяжешься. А я предупреждал, что нужно говорить тихо.

Хрюканто пытается скрыться, но корова преграждает ему путь.

Корова. Куда же ты? Повторяй: ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... мы-ы-ы... му-у-у...

Хрюканто. Ми-мо...

Корова. Нет. Мимо – не надо. Ты должен попадать в ноты.

Хрюканто (*отчаянно*). Ну всё... попал!

Корова. Нет. Пока не попал. Но уже очень близко... ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... Нужно мычать очень округло, распевно, с ощущением резонанса в копытах...

Мурканто. Вы же говорили, что ощущение резонанса должно быть в рогах?

Корова. Я усовершенствовала свою методику. Не мешай нам...

КОСПРОМА

Мурканто. Ага. Вы тут занимаетесь, а я пошёл?

Корова. Иди-иди, мой дорогой ученик. Передай маме, что я горжусь твоими успехами.

Хрюканто. Я тоже хочу уйти.

Корова. Нет, тебе рано. Ты ещё не готов.

Хрюканто. У меня нет слуха!

Корова. Мне кажется, ты меня обманываешь. Ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... мы-ы-ы... му-у-у... Нужно мычать очень округло, распевно, с ощущением резонанса в копытах. Опору дыхания – на хвостик, звук фокусируем на пяточок!

Хрюканто (*вокализует*). Ма-ма-по-мо-ги!

Корова. Молодец, это уже гораздо лучше. Ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... мы-ы-ы...

Хрюканто. Ма-а-а... мо-о-о... ми-и-и... мы-ы-ы...

Корова. Му-у-у!

Хрюканто. Хрю.

Корова. Не «хрю», а «му»! Повторяй за мной – му-у-у-у-у!

Хрюканто. Ну, му-у.

Корова. (*полная педагогического энтузиазма*). Прекрасно! А сейчас ты ещё раз споешь со мной все наши вокализы.

Хрюканто. А сейчас я сделаю так... (*Решительно уходит вслед за котёнком Мурканто.*)

Корова. (*грустно*). Ученики подрастают и идут своим путём. А мы остаёмся пастись на лужайке... Что ж, такова судьба педагогов!

Картина 8

В доме Мурканто. Все участники спектакля (кроме коровы).

Мурканто. Мама! Знакомься! Это все – мои друзья! Они помогли мне найти твой голос! Мама, это было круче любой компьютерной игры!

Кошка. А может, это и была игра?

Мурканто. Не знаю, может быть. (*Представляет участников спектакля.*) Вот это – соловей. Он знаменитый певец, но нисколько не задаётся.

Соловей. Потому, что нужно думать о музыке – в себе, а не о себе – в музыке! И тогда весь мир будет у твоих ног. Все полюбят тебя!

Дятел. Если хотите общаться с целым миром, учите азбуку Морзе – это так расширяет круг общения!

Мурканто. Знакомься – дятел. Он помог мне найти павлина.

Хрюканто. Помог нам!

Мурканто. Да... нам. Это – мой лучший друг. Его зовут Хрюканто и он – очень классный. А это – сорока. Она такая красивая, что Хрюканто в неё влюбился.

Сорока. В меня все влюбляются.

Хрюканто. Вот ещё... ни в кого я не влюбился. Я ещё маленький.

Сорока. Влюбился-влюбился! Но потом я решила отобрать у тебя пяточок, и мы поссорились.

Ворона. Так бывает: даже самая сильная любовь иногда не выдерживает испытания обыкновенным маленьким пяточком.

Мурканто. Это – ворона. Она любит порядок. И пыталась нас спасти, когда на нас напал тигр.

Тигр. Я – тигр-р-р! Твой бр-р-рат! Здр-р-равствуй, сестр-р-р-рёнка!

Мурканто. А это – павлин. Он нам ничем не помог. Но зато помог понять, что мы можем помочь себе сами.

Павлин. Я очень рад, что столько моих поклонников собралось сегодня в этом зале. Сидите спокойно. Сейчас я буду делать селфи на вашем фоне! *(Достаёт телефон и начинает фотографироваться.)*

Кукушка. Ну, а меня и так все знают. Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Кошка. Как вас много... чем же я вас буду угощать?

Корова. *(появляясь, как подарок).* А я вам молоко принесла!

Все. Ура! *(Общая песня.)*

Если кто-то... что-то... где-то
Умудрился потерять –
Друг отправится по свету,
Чтоб потерю отыскать!

Друг к тебе всегда придёт,
Улыбнётся весело –
Пританцовывать начнёт,
Напевая песенку!

В целом мире нет такого,
С чем не справятся друзья.
Слово «друг» – не просто слово.
Нам без дружбы жить – нельзя!

Друг к тебе всегда придёт,
Улыбнётся весело –
Пританцовывать начнёт,
Напевая песенку!

Занавес

V. ЛАУРЕАТЫ ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА ПОЭЗИИ ИМЕНИ А.В. БЕЛЯЕВА

*Конкурс посвящён памяти
русского поэта, уроженца
Антроповского района
Костромской области,
Анатолия Васильевича Беляева
(1936-2020)*

Номинация «Философская лирика»

АННА БЕЛЯНЦЕВА (г. Шарья) - поэт, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации, наставник начинающих авторов, член редакционной коллегии сборника «Литературный дебют». Родилась в 1997 году в Шарье. В 2019 году окончила обучение по программе «Филология» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Проживает в г. Москве, занимается преподаванием языков. В 2021 году приняла участие в Международной литературной конференции «Дни литературы в Костроме», в 2022 году стала участницей творческой программы Всероссийского совещания молодых литераторов СПР в г. Химки. Стихи публиковались в литературных альманахах «Кострома» (№ 3) и «Арина» (Нижний Новгород). Победитель Областного конкурса поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Философская лирика» (2023 г.).

***

Мой Бог со мной, а значит – и любовь.
Как будто колкий мир перевернули:
На тёплой кухне и под свистом пули
Я в каждом звуке слышу голос твой.

Закат не так мучительно багров,
А ал, как щёки вздорного ребёнка,
Вдыхающего зимний воздух, звонко
Кричащего: «Минутку – и домой!»,

Капель играет вальс из хрустала,
Заплатанная рана не тревожит.
Я верю: через вечность будет тоже
Светло, как нашей ночью февраля.

Цветёт в полях кудрявый красный мак,
Хлебнувший солнца тихим сонным утром,
И по пшенице рассыпает пудру,
И хлебный запах гонит от бумаг.

Иду по чёрным ниточкам дорог,
Застеленных цветным ковром из листьев.
И этот бор, и эти норы лисьи
Как будто бы целует на ночь Бог.

И он ко мне склоняется легко,
Смотря в меня усталыми глазами:
«Дарю тебе, а там – решайте сами»,
Он медленно касается ноги,

И я лечу туда, где Молоко
Вмещает звёзды – Он берёт всех лучше,
Вручает этот серебристый лучик
И тихо-тихо шепчет: «Береги».

***

Дай мне немного сил, чтобы любить тебя,
Пения в пене волн, шёпота в шуме трав,
Света в бетоне стен, счастья в людских скорбях,
Ясности в бочках вин, смелости в тех, кто прав.

Я научусь искать тропы в густых лесах,
Спать под грибным дождём и добывать огонь,
Бегать быстрее волков, двигаться, как роса,
Что соскользнет с листа, только лишь пальцем тронь.

Буду читать стихи длинные наизусть,
Не побоюсь сказать правду друзьям в лицо,
Стану родной себе, дому и миру. Пусть
Люди уходят прочь, если с благим концом.

Сбудется слово «Бог», скрежет зубов пройдёт,
Я поклонюсь земле, мойра отрежет нить,
Сладко споёт Орфей, солнце растопит лёд,
Если ты дашь мне сил, чтобы тебя любить.

***

Я не хочу существовать нигде,
Помимо холода и шума трасс
Твоих и пьяных фонарей в воде,
Помимо зябнущих и громких нас.

Идём вперёд, дорога далека,
Ведь мы описываем тот же круг
Из ночи в ночь, плечо к плечу, рука
В моей руке, глаза в глаза, мой друг.

Мы станем взрослыми, боюсь, вот-вот,
Забудем путь сюда, в статичный рай
Для дураков, и на небесный свод
Мы не поднимем глаз, и чуждый край

Нас разнесёт, нас отрезвит, зальёт
Тупой тоской глаза, зашьёт нам рты,
Погонит ждать, терпеть и спать. Полёт
Навек замрёт в объятьях пустоты.

Пока не бросили в пустой барак,
Пока идёт последний страшный бой,
Услышь, запомни, знай: я – твой дурак,
Я – твой фонарь, я так пьяна тобой.

Кольбельная

Завывает метель, по вискам стуча,
На столе одиноко горит свеча
И врзается треском в глухую тишь.
Ты скребёшься внутри, как щенок, скулишь.

Не хватает нам сил, не хватает звёзд,
Не нырнуть без оглядки в пучину слёз,
Но прошу я тебя, про себя шепча:
Покачай меня, милое, покачай.

Если будет болеть, посмотри назад,
В бесконечные бабушкины глаза,
Что мерцают во тьме, как пучок лучин.
Постучи, моё сильное, постучи.

Станет трудно идти – позови меня:
Я напомню тебе, что, людей пьяня,

Ты одно на всех, как пожар в степи.
Потерпи меня, глупую, потерпи.

Но однажды наступит другой февраль,
И ты снова закружишься, как спираль.
Даже если поделят с тобою жизнь,
Не вяжись, моё нежное, не вяжись.

А в конце мы поплачем до слепоты,
Мы затопим нехоженые мосты
И уснём на привале осенним днём.
Отдохнём, обязательно отдохнём.

***

Нам не быть вдохновеньем для галльских преданий о счастье,
Не встречать под шипенье огня время тёплых ветров,
Древних карников рёв не расщепит безмолвность на части.
Мне не страшно, что ты умирать за меня не готов.

Не войдёт жуткий Самайн к нам в хижину без приглашенья,
Не проводим его, о ничтожных потерях скорбя.
Не поможет от хвори засушенный корень женьшеня,
Лунный камень к разгадке судьбы не приблизит тебя.

Я не стану молчать о тебе с лёгкой нежной печалью,
Если ты не вернёшься из боя. Тебя заберёт
Дух весны, повелитель земли прикорнёт у плеча.
Льются слёзы о смерти не мной – просто знай наперёд.

Незнакомы мне запахи сна – только взгляд, полный боли.
Почему? Расскажу без труда – разве я обману?
Потому что мы оба пылаем на выжженном поле,
Погибаем за мир, защищаем не нашу весну,

И в глазах наших празднуют искры, как кельтские боги
Гиамониос, свежие травы и новую жизнь
Просвещённого рода. А наши с тобою дороги
Разошлись.

***

Через многие тысячелетия на крылышко фее
Упадёт солнца луч и застенчиво ей пропоёт:
«Не понять этим людям, что кровь их скрепила сильнее,
Чем не вечная жизнь двух влюблённых – сжигающий гнёт».

***

Точно знаю, что я непременно приду домой
Через грустные новости, лживые голоса,
И уставшие руки, и нужно-идти-самой,
Даже если черствеют хлеба и горчит роса.
Будет страшно, и больно, и хочется-повернуть,
Легион языков, в грудь разящих, как Вострый меч,
Но не буду одна, и без солнца продолжу путь,
Потому что иду за звездой, чтоб её беречь.
Будет горько – не важно, дойти бы – и хорошо,
Потому что конец осчастливит и всё, что до...
Если так получилось, не кто-то другой нашёл,
Не сойду с эфемерной тропы из твоих следов.
Не бывает простых поворотов, вторых шагов,
Не бывает дороги проверенной и прямой.
Бесконечность – внутри, ей не выйти из берегов,
А мой дом только там, где ты. Я иду домой.

***

Под смех шагать в кромешный ад,
Цепляя гвозди.
Бросаться всем собой назад
В рябины гроздьё.
Любить врагов и палачей
За то, что были
В надолго скрытом от очей –
Из сна и пыли.
Срывая голову с бумаг,
Лететь, как вспышка,
С трудом вгрызаясь в каждый шаг,
С душой подмышкой.
Взвалить на плечи ношу лет,
Больные плечи.
По тени рассыпая свет,
Идти навстречу
Который день, который год,
Уже не зная.
Сжимать, спасая от невзгод,
Остаток мая
В своей руке, комок тепла,
Стараться вкратце
В бетон вписать свои дела
И возвращаться.

***

К пиру слетаются чёрные вóроны,
Тихо кромсают, убитые горем, их
С болью принятия таинств Христовых и
Снова уносятся в разные стороны.

Реки текут, в синеве отражаются
Руки и губы остывшей покойницы,
Кто же за бедную деву помолится,
Если над ней глубина надругается?

Тысячи первенцев казни египетской –
Дети её, пораженный болезнью скот
В стойла забился и жаждет который год
Смерти безвестной, простой, человеческой.

Время, единому Богу угодное,
Грянет, и кончится эра терпения.
Слышу нестройное робкое пение:
«Справься, Отечество наше свободное».

***

Ты стоишь у открытых дверей и не хочешь податься
В тот огонь, что целует стекло одурманенных глаз,
В черно-белый туман, из окна показавший на пальцах,
Как обидно лежать и смотреть на бессовестных нас,
Тех, которых и не было в доме. Топчась у порога,
Мы прощались опять, оставляя друг друга в пути,
И, казалось, просила тебя каждый раз о немногом:
Не молчи и не бойся, а просто попробуй зайти.
Ты не знаешь, каким будет дом, не спешишь появиться
Даже мельком, в гостях – ведь удобнее плечи сжимать
В темноте у крыльца. Я кричу, как подбитая птица:
Уходи или сделай хоть шаг. Как уставшая мать
Ждёт солдата, пока он лежит, поцелованный пулей,
Как, сражаясь за мир, справедливости ждёт человек,
Так и я не дождусь. Вы бы мне эти годы вернули,
Эти сны и стихи, эти слёзы – растаявший снег.
Я закрою калитку у гордого ветхого дома,
Я запру свою дверь на замок, потеряю ключи,
Чтобы ты не остался стоять, горьким страхом ведомый,
Там, где больше не ждут. Только больше не ждать научи.

***

Сонно блещет месяц белый
Меж деревьев, машет мне.
Томный, пьяный, мягкотелый
Ум лежит на простыне.

Пляшут блики, дразнят взоры
И плетут тугую нить –
В горьком зареве позора
Отцвели и стали жить

В тусклом свете, обвивая
Руки слабые узлом.
Шелохнется ум, живая
Кровь проступит над челом.

Жар и боль сковали прочно
Помутившийся сосуд:
«Крепкий, мощный, непорочный,
Ты вершил бесстрашный суд,

Ты врагов своим стремленьем
Рассыпал, как предка прах,
А теперь, согнув колени,
Увядает. Что за страх,

Что за боль тебя сломили,
Растоптали, погребли?».
Отряхнув от звёздной пыли
Нос, ответил: «От земли

И от неба нет отныне
Мне ни света, ни огня.
Инородные святыни
Впредь заменят для меня

Ласку солнца, час рассвета,
Леденящую росу.
Слёзы памяти об этом
Я с собою унесу,

Схороню в укромном месте,
В тёмной ветхой кладовой.
Буду с вами прям и честен:
Я прозрел, и я живой,

В первый раз за сотни тысяч
Лет, что видел пред собой,
Захотел навеки высечь
На себе, на смертный бой

Отправляясь, как молитву,
Запечатать на устах
Это чувство; выиграв битву,
Как воскресшего Христа,

Лобызать родные руки,
Лечь собакой у дверей.
Эта сила глушит звуки,
Усмиряет дикарей.

Я когда-то был незрячим –
Путь открылся кораблю,
И отныне все иначе:
Я прозрел, ведь я люблю».

Он замолк, и стала зыбкой
Твердь земная. Вождь эпох
Громко свистнул и с улыбкой
Испустил последний вздох.

***

это не битва, мама, это война.
слышишь, как реки крови шумят в ночи?
бросили в омут, мама, в мешке без дна.
я задыхаюсь, сердце в груди стучит,

словно писатель зло набирает текст,
словно забил последний гвоздь в его гроб.
что-то внутри сидит и лениво ест
сгнившую плоть, вгрызаясь в стенки утроб.

я засыпаю, мама, но я не сплю –
я рассыпаюсь горьким сухим зерном.
все меня просят сеять, а я молю
бога, от света слепну, давлюсь вином.

мне говорят, на суше трудно стоять
мне говорят, что очень хочется пить.
чистят весло, опершись на рукоять.
мне бы на сушу, мне б на неё ступить.

я бы гуляла в поле, рвала цветы,
я бы взрастила хлеб на сырой земле.
всё бы смогла, но рядом со мной не ты,
рядом ничто в бескрайней холодной мгле,

и не удастся встретить седой рассвет,
встречу лишь гибель в тёмном густом плену.
есть ещё силы, только надежды нет.
я проиграла, мама, эту войну.

***

у меня ни гроша, ни черта за душою
с тех времён, как в пустыне зажётся огонь.
я вложила все силы во что-то большое,
протянула сухую немую ладонь
вам навстречу. сгорая, обуглила сердце,
заслонила собой вдохновлённую рать.
мы друг друга нашли, чтобы вместе согреться,
каждый раз друг за другом идём умирать.
не осталось пустого, постыдного страха,
только дурь в голове и бездонный сосуд
той любви, что исчезнет, развеявшись прахом
над уставшей землёй, и её унесут
молодые ветра и безумные песни,
закалённые руки и ваши дела.
мы могли бы молчать, но кричать интересней.
я люблю, как умею, и всё отдала
за сияние глаз, за ночные беседы
ни о чём и за вечное детство внутри.
всё изменит зима, бронепоезд уедет.
только ты, мой огонь, не кончайся, гори.

***

как будто нет руки, и я калека,
усталый путник в золоте пустынь,
и я прошу культу, как человека:
«не ной, не жги, пожалуйста, остынь,

забудься сном хотя бы на мгновенье,
дай мне вздохнуть, ты, боль, не свирепей».
но мне в ответ гремят коварно звенья
невидимых титановых цепей,

и я плетусь, оплётанный, побитый,
но с трепетом нет-нет да обернусь,
и боль болит, и горечь не забыта,
а в лёгких тихо стынет злая грусть.

я так устал искать воды и пищи,
устал идти без света вдалеке,
но всё же я иду, больной и нищий,
тоскуя по оторванной руке.

***

Прерванный вдох. Считаешь до десяти,
Смотришь в окно, устало снимаешь плащ.
Думаешь, сколько троп предстоит пройти,
Прежде чем ты очистишься, слеп, пропащ,
Сломан и глуп. Дорога твоя длинна,
Щиплет лицо тяжёлый солёный дождь.
Топишь паденье в последнем глотке вина
И выпрямляешься, веришь: ища, найдёшь.
Мокрые листья скользят по твоим рукам,
Жалобно стонет забытый дубовый стол,
Щурится буря, дорога твоя – река.
Кажется, что, захлебнувшись, теперь нашёл
Тёплые струи, звенящий зелёный сад,
Верные плечи. Но снова наотмашь бьют,
Пятишься в страхе, пытаешься бежать назад
Снова искать спокойствие и приют.

Солнце взошло, густая трава ползёт
Сквозь твои кости, на плоти растут цветы,
Череп пробитый лениво шакал грызёт.
Слился с природой счастливый, спокойный ты.
Страхи и боль остались в минувших днях.
Сыто поел и взвыл на горе шакал.
Если сорвёшь цветок, вспоминай меня.
Знай: я не сдался, я верил и я искал.

МАРИЯ КРАЕВА – поэт, участница литературного объединения «Северные Увалы» (п. Вохма, Костромская область), член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации, член жюри Областного конкурса юных поэтов и прозаиков «Литературный дебют». Участница I Межрайонного литературного фестиваля им. Л.Н. Попова, проекта «Передвижные литературные чтения». Стихотворения публиковались в районных, областных и всероссийских изданиях. В 2013 году вышел поэтический сборник «Я наблюдаю из окна души...». Заняла 2 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Философская лирика» (2023 г.).

***

Я только думаю, зачем,
Ведь всё равно никто не слышит,
Когда притихшая пред всем
Душа стихи для сердца пишет.

Когда надежда у неё
Одна, как редкая награда, –
Всем тем, кто выслушал её,
Она навеки стала рада.

И если не нашлось души
Такой же глубины, как эта,
Ты ни строкой не погреси,
Перо, творящее поэта.

***

Забинтуй свои раны прощеньем,
Словно миром любовью омой,
И, укрыв покрывалом смиренья,
Тишина приглядит за тобой.

А когда, распрощавшись с недугом,
Будешь заново мир открывать,
Ты обнимешь врага, точно друга,
Но сперва научись бинтовать...

Счастье

Скиталось Счастье по земле,
Ища себе приюта.
Людьми ценилось не везде
И поздно почему-то.

Бывало, сядет на плечо.
Никто и не заметит,
То вдруг обнимет горячо
И всю дорогу светит.

Любило Счастье поутру
Заре добавить красок,
Любило вечера пору
Без лживости и масок.

Так и гуляло бы оно,
Ища кому сгодиться,
Да вот несчастье помогло –
В колодец провалиться.

Горели звёзды по ночам
Над головой у Счастья.
Искали все его не там
И пугали со страстью.

Прознали люди меж собой,
Что Счастье где-то близко,
Что у него над головой,
Склонилось небо низко.

Тропинку начали топтать,
Кто боль, кто грусть приносит,
И Счастье стало помогать,
Кто искренне попросит.

Но как-то раз дорогой той
Шёл путник горемычный.
Усталый, жаждущий, босой,
От прочих не отличный.

Увидел он, как глубоко
Упало Счастье в воду,

Спросил участливо его:
Желаешь на свободу?

И первым руку протянул
Бесценное спасая,
Опять земле его вернул,
Награды не желая.

Ушёл бедняга, скрыв беду,
А Счастье вдруг сказало:
Он ждал всю жизнь, что я приду,
И следом зашагало.

Истина

Сколько глубины за суетою,
Сколько тайн сокрыто в тишине,
И не станет Истина иною,
Допустив сомнение во мне.

Оставаясь чистой и свободной,
Неотступно следует за мной,
Голову склоняя на исходной,
Снова обращает за собой.

Истина. Ничто с ней несравнимо,
Тайна, приоткрытая лишь тем,
Кто не смог пройти однажды мимо
И остался с Нею насовсем.

ИЛЬЯ ВОРОБЬЁВ родился в 1997 году в г. Костроме, окончил отделение журналистики Костромского государственного университета. Член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Участник Областной литературной гостиной «Живое слово». В 2021 году принял участие в межрегиональном литературном семинаре «Девять озёр» (Нижний Новгород) и творческой программе Международной литературной конференции «Дни литературы в Костроме», в 2022 году стал участником Межрегионального совещания молодых литераторов «Посадский ЭкспрессЪ» (Сергиев Посад). Занял 3 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Философская лирика» (2023 г.).

Первый шаг весны

Белым мякишем с неба сброшенным
Снег кружит,
Покрывая размоченной крошкой
Контур крыш.
Первым шагом весны навеянный
На полдня,
Он сегодня слегка рассеянный,
Как и я.

Осеннее настроение

Потихоньку облетает с лёгким шелестом листва,
Я по осени шагаю – ломкий лист хрустит едва.
Небо серое, тугое, и прохлада над рекой,
В отражении ворона всё ругается с собой.

Выясняет, «кто здесь главный», с той подругой, что, как клин,
Вдруг возникла в голограммном отражении витрин.
И погода снова спорит – то дожди, то холода.
Тут отнюдь не бабье лето, прямо бабья зима.

И скукожив свои плечи, как озябший паренёк,
Оторвавшись где-то с ветки, лист сухой на землю лёг.
И за дворники машины зацепился жёлтый лист,
Он как будто телеграмма от родных и близких лиц!

Чудачное

С перебоем стучат дробь колёса,
Под напором дрожит каждый рельс,
И земля там, где шпалы, промёрзла,
Поезд мчится в заснеженный рейс.

Ночь вагон тишиною накрыла,
Лампы светом шадящим горят,
За окном ветер носится стылый,
Днём – дожди, а сейчас – минус пять.

Кто-то тихо с салатом ест булку
(кто поужинать, видно, забыл),
А товарищи шутят вдогонку:
«Ешь быстрее – пока не остыл!»

Вот и поезд в пути постоянно,
Развозя нас по нашим местам...
Лишь одно нас преследует рьяно –
Стук колёс, что бежит по пятам.

Кресла здесь в два ряда из «кожзама»,
Свой билет покажи и садись,
Отодвинь от себя чемоданы,
Мы несёмся в «чудачную» жизнь.

Чай при свечах...

Вечер, вечер
На дворе...
Свечи, свечи
На столе...
Свет отключен – света нет.
Медный чайник прошлых лет.
Карамелью пахнет чай...
Бублик, брынза – выбирай!
За окном горит звезда,
Мне мерцающая свысока.
Вечер, вечер
На дворе...
Свечи, свечи
На столе...
Свет отключен – света нет.
Всем мечтателям – «Привет»!

***

Семь тридцать – февральское утро,
Всю ночь валил снег над рекой,
Машины толкаются в пробке,
И хочется ехать домой.

Вороны давно уж проснулись,
Летают, кричат во всю грудь,
А люди к окошкам прильнули,
Поспать чтоб в маршрутке чуть-чуть.

Бодрит лишь едва магнитола,
И кофе не может спасти,
Присыпана снегом дорога,
Слышны непрерывно гудки.

Ворона с профессорским видом,
С оглядкой клюёт майонез,
Который недавно открыла –
Сидит на дороге и ест.

Ты что нарушаешь, подруга,
Гаишника нет на тебя,
Летаешь всё время по кругу,
Садишься туда, где нельзя.

В Германии, вон, птице мира,
Был случай, что штраф прилетел,
Там голубь, слетая с карниза,
Чуть скорость превысить сумел.

Сидит она, не отвлекаясь –
У птиц в расписаньи – обед,
«Чего с дураками связалась?» –
Подумает птичка в ответ.

Вся улица в сонном тумане,
Шипы лёд голимый скребут,
И в пробке, как будто в капкане,
Стоим уже двадцать минут.

Лишь диктор поднял настроение,
Напомнив хорошую весть,
Что завтра уже воскресенье –
Немного осталось терпеть.

***

Память детства нагрянула вдруг
И напомнила мне без заминки,
Как я гладил зимой сонных мух
По слегка перламутровой спинке!

Как мечтал я создать звездолёт,
Да и жить в его белом салоне,
Как мечтал возвести небоскрёб,
С фортепьяно на лёгком балконе,

На миллионном стоять этаже,
На балконе с ажурным узором,
Чтобы музыка, как в мираже,
Доносилась до звёздных просторов.

Как мечтал в рейсы тихо ходить
На трехосной и жёсткой машине
И ночами промозглыми жить
В освещённой и тёплой кабине.

Я не знал, что такое стихи,
И писать, мне казалось, так скучно...
За столом по бумаге скрести –
Не считал я тогда за искусство.

Столько лет разлетелось, как пух,
Только память как в детство тропинка,
Где я гладил зимой сонных мух
По слегка перламутровой спинке.

Сюрприз в начале декабря

Кишмиш из упаковки,
Начало декабря!
И божия коровка
Залезла на меня.

Ползёт она не глядя,
Но тихо, не спеша,
Как будто в винограде
Она меня нашла.

Вся в поисках ответа:
«Куда я приползла?
Ведь только было лето,
А что – сейчас зима?»

Достал я кофе с полки
(Клонило в сон меня),
Как божию коровку
В начале декабря.

Ты что не спишь, подруга?
Иль отпуск на тебя
Свалился накануне,
В начале декабря?

Спросил её я строго,
Она молчит в ответ
И по моей футболке
Бежит в свой кругосвет.

Смотрю я на коровку –
Терзает мысль меня:
Не дать ли ей путёвку
В начале декабря?!

На пальмы, там, где зелень
И лето круглый год,
Пускай она там встретит
Свой первый Новый год!

Теперь она под пальмой
Живёт себе в тепле
На лестничной площадке,
В коричневом горшке.

Взяв сахарницу с полки,
Свой кофе подсластя,
Я вновь нашёл «Коровку» –
Конфету для себя!

Номинация «Стихи о любви»

АННА ВОЛКОВА (г. Галич) – поэт, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации; методист Муниципального учреждения культуры «Межпоселенческая библиотека имени М. Горького». Участница межрегионального литературного семинара «Девять озёр» (Н.Новгород). Призер Всероссийского конкурса «Герои великой победы - 2019», лауреат второй степени литературной премии имени В.М. Лапшина (2021). Победитель VII поэтического конкурса имени Б.Жукова в номинации «Вверх по вертикали» (Н.Новгород, 2022). Печаталась в областной газете «Северная правда», районных газетах «Галичские известия», «Парфеньевский вестник», «Ветлужский край», журналах «Библиотека», «Светоч», альманахах «ДТ» (СПб), «Арина» (Н.Новгород) и «Кострома», в сетевой версии литературно-исторического журнала «ВеликороссЪ». В 2021 году вышел первый поэтический сборник «Страна забытых деревень». В 2022 году стихи вошли в литературный сборник галичских авторов «Чайки над озером». Победитель Областного конкурса поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Стихи о любви» (2023 г.).

Сильная женщина

Что нам судьбой впереди уготовано?
Знать никому ничего не дано...
В лунном сиянье мечтой околдована,
Сильная женщина смотрит в окно.
Тоненький стан занавеской окутанный,
Звуки затихли в полночной тиши.
Сильная женщина в жизни запутанной
Скроет тоску одинокой души.
Ночь знает мысли её потаённые...
Холодно светит царица-луна,
Хрупкие чувства... Душа оголённая,
Сильная женщина плачет одна.
Давят на сердце тревоги и трудности,
Холод бесчувствий – людская стена.
Всё же есть горечь в жизненной мудрости.
Сильная женщина... В чём ты сильна?
Что нам судьбой впереди предначертано,
Силимся знать... Но, увы, не дано!
Только луна, царица бессмертная,
Смотрит и смотрит в ночное окно.

Белый конь

Обниму белогривого друга за шею,
Бархатистую шерсть ощущая щекой,
И признаюсь ему на духу, как умею:
Мне отчаянно нужен душевный покой.

Носом влажным и мягким уткнётся он в плечи,
И в глазах понимающих, карих, больших,
Отразится, как в зеркале, солнечный вечер –
Проведём его вместе, один на двоих.

Заигравшийся ветер запутался в гриве...
Бьёт копытом мой конь в нетерпенье бежать,
Унеси же туда, друг мой, верный, ретивый,
Где смогу я привольно всей грудью дышать.

Как хочу я испить синеву небосвода,
Слушать пение птиц, родника говорок,
Где никто не отнимет душевной свободы,
Не заманит в капкан перепутья, тревог.

Мы с тобой унесёмся, как в сказке, за счастьем,
А для счастья мне нужен лишь воли глоток!
Пусть минуют нас беды, пороки, напасти,
И наступит, мой друг, новой жизни виток.

Белый конь, вновь тебя обниму я за шею,
Загляну в глубину понимающих глаз,
Ты один мои думы и страхи развеешь.
Мы промчимся с тобою, я знаю, не раз.

Преодоление

Между двумя всегда есть преграды:
Время, привычки, сплетни и взгляды,
Те, кто мешает и кто осуждает, –
Так вот сложилось, тоже бывает...
Преодолеть это часто непросто.
«Но почему?» – задаются вопросом.
Я же иное чувствую, вижу:
Всё, что мешает, делает ближе.

Здравствуй, одиночество

Ну, здравствуй, одиночество –
Созданье злое, подлое
Сбылось судьбы пророчество...
Жестокое, холодное.
Сдавило душу нежную,
В тисках зажало намертво!
Забыла жизнь я прежнюю –
Всё начинаю заново.

Ну, здравствуй, одиночество –
Постылое, неожиданное,
Без имени, без отчества,
Безликое... А главное –
Коварное, опасное...
Здесь мало утешения.
С тобою я несчастная,
Пока ты здесь – я грешная.

Ну, здравствуй, одиночество,
А, впрочем, прочь, бесстрастное,
Не надо миротворчества!
Будь лучше безучастное.
Изыди... вероломное,
Не верю я в пророчества...
Тебе уже не пара я –
Нет хуже одиночества...

***

За рекой за реченькой,
загоралась зоренька,
за рекой за реченькой,
таволга в цвету.
Не считай, кукушечка,
ты мой-то годики,
а исполни, пташечка,
женскую мечту.

Красную с кулончиком
повяжу я ниточку
на запястье тонкое –
оберег судьбы.

Словно колокольчиком,
голосочком пеночки
пролетело звонкое
лето до поры.

Упаду я в травушку,
в росы хладно-чистые,
упаду в муравушку,
загрушу чуть-чуть.
Солнышко, что павушка –
косы золотистые,
спрячется в дубравушку,
завершив свой путь.

Не слышать кукушечки
за рекой широкою,
за туманной дымкою
опустел и сад.
Ах, река, ты, матушка,
ах, судьба далёкая,
словно свечка талая
уплывал закат.

Предзимье чувств

– Где прячутся чувства?
– В моём откровении:
Застывшей печали –
Зимы предвкушения.
В твоём отчуждении,
В секунде мгновения
Морозного взгляда –
Стального суждения.

– Где прячутся чувства?
– В душевном смятении,
В осколках былого,
В немом исступлении...
В том холоде спальни,
В ином измерении
последнего дня
на двоих настроения.

– Где прячутся чувства?
– В объятьях предзимних,
Под снежным заносом
упрёков взаимных.
В твоём равнодушии,
в забытой идиллии,
где время досужее
в порывах бессилия.

Я приду...

Я приду к тебе воспоминанием,
Мысленно возникну в подсознании:
Жгучим сожалением, страданием,
Даже против твоего желания.
Я приду к тебе воспоминанием:
В мелочах, забытых в прошлой жизни,
Ежедневным став напоминанием
О твоей душевной дешевизне.
Я приду к тебе воспоминанием
Из ночного лунного сияния...
Став твоею мукой и признанием,
Что ошибкой было расставание.
Я приду к тебе воспоминанием
В одиночество... с настенного портрета,
Я приду к тебе не с покаянием,
Не за оправданьем... За ответом!

Волчица

В лесу глухом, в овраге чёрном,
Среди корней, поросших мхом,
Волчица в логове укромном
Волчат лизала языком.
Их родила она сегодня:
Семь серых крохотных щенят,
Слепых, но сразу же голодных,
Прильнувших к матери кутят.
Под тёплой шерстью у волчицы
Живот терзали малыши.
А над оврагом пели птицы,
В лесной, утробистой глуши.

ТАТЬЯНА РАСКОВА (г. Чухлома) – поэт, участница чухломского ЛИТО «Приозерье», член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Родилась в 1990 году в г. Чухломе Костромской области. Окончила профессиональный лицей имени Ф.В. Чижова по профессии «повар-кондитер». Участвовала в Областном фестивале творчества инвалидов (дипломант 2 степени). Стихи публиковались в районных и региональных литературных изданиях. Заняла 2 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Стихи о любви» (2023 г.).

В мире грёз

Прости, что я тебя не слышу,
Я в мире грёз, но я с тобой.
Ты посиди со мной на крыше,
Под фиолетовой луной.
Что ты смеёшься? Нет такой?
Конечно, я всё сочинила...
Не зря меня к тебе, герой,
Влюблённым ветром заманило.
Давай на край подсядем ближе
Ногами в воздухе болтать.
В ночи июля шёпот слышен,
И ты со мной присядь мечтать!

Прогулка

Ты в себе, а я в мечтах...
Но мы идём одной дорожкой,
Я за тобой на каблуках.
Ты подожди меня немножко,
Я спотыкаюсь на пути.
С чего ты весел так и светел?
Меня ты за руку возьми,
Мой дорогой попутный ветер.
Ты не расспрашивай меня,
Какие замки в мыслях строю.
Но я впущу тебя, любя,
И от дождей любых укрою.
В каких мирах своих живу,
Об этом спрашивать не надо.
Я и в мечтах, и наяву
Всегда тебя увидеть рада!

Полёт фантазий

Я – капитан своих фантазий,
А ты – пилот мой драгоценный.
Мы ищем вновь разнообразий
Там, за пределами Вселенной...
Наш план – таинственный секрет –
Рисуем пальцами на стёклах.
В иных мирах оставив след,
Блестит песок в разгарах тёплых.
Мы были там, где нас не ждали,
В иллюминаторе рукой
Кометам розовым махали.
Теперь летим домой с тобой!

Мир чудес

Не говори так свысока,
Что в мир чудес закрыты двери...
Что тыкать пальцем в облака?
Ведь ты на слово мне поверил!
Ведь ты же сам горел огнём,
Мне говорил, да не наивно:
Моя родная, всё пройдем,
Ведь в счастье верим мы взаимно.
Что будем вместе навсегда,
В любви да в радости пребудет
Твоё уверенное «Да».
Скажу и я: конечно, будем!
Какая выдумщица слов
Тебя в обратном убедила?
Что ты поверить мне готов,
Что чудо есть. Оно и было...

СОФИЯ ВОЛЧУНОВИЧ родилась в 1996 году в г. Нея Костромской области. После окончания школы поступила на факультет ветеринарной медицины и зоотехнии на направление «Ветеринария» Костромской государственной сельскохозяйственной академии. На четвертом курсе академии выпустила дебютный сборник «Я вновь упаду в небо». В 2022 г. принята в Совет молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Работает ветеринарным врачом в Московской области. Дипломант Областного конкурса прозы имени В.Г.Корнилова, имеет диплом участника Международного литературного мега-блиц конкурса «Дотянуться до звезды». Заняла 3 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В.Беляева в номинации «Стихи о любви» (2023 г.).

***

Я в тишине рисую твой портрет
Нелепыми мазками сновидений –
Твой образ исчезает на заре
В осколках дней, пронизанных сомненьем.

А сердца дрожь исполнена тоски:
В тенях, в неуловимых искрах дрёмы
Мгновенье замерло моей весны,
Где мы с тобой давным-давно знакомы,

Где смысла нет ни в наших именах,
Ни в перекрестья взглядов битвы вечной...
На тонкой грани тающего сна
Два незнакомца связаны надеждой...

***

Запястья пахнут дрожью табачной,
Терпкой разлукой и шёпотом ветра:
Бродит среди чужих многоточий
С тихую грустью душа до рассвета.

Бьются сердца пугливую птахой,
Память, как искры погасшей звезды,
Греет ладони тёплым дыханьем
Не прозвучавшей меж нами весны.

***

В том забытом и странном сне
Мы с тобою давно не враги:
В предрассвете и в тишине
Ты ревнуешь меня к родным,

Видением редким улыбка
Согревает сердечный лёд,
А вместо злых слов поединка
Безмолвия падевый мёд.

Взгляд исподлобья, сжатые губы
Не от горечи, но от тепла –
Между нами нет равнодушия
В ярких искрах забытого сна.

***

В росчерке линий холодной ладони
Спрячу дыханье, пропахшее дымом...
Мы друг для друга, увы, незнакомцы
На перекрестьи меж снами и былью.
Голос охрипший касается кожи
На расстояньи случайного взгляда
Тонких запястий, сломанных дрожью
Нежности ненаступившего завтра.

***

Мои руки помнят тебя:
Эту дрожь на кончиках пальцев,
Грубость на тонких запястьях
И ладоней мягкую сталь.

Мои руки помнят тебя:
Дыханья горячего робость,
Линий жизни чёткую строгость
И объятий ласковых власть.

Мои руки помнят тебя:
Горечь прощальных касаний,
Запах кожи терпкий и пряный,
Надёжную крепость плеча...

Мои руки всё ещё помнят тебя...

***

Говорят, у любви нет причины –
Лишь мгновение между «после» и «до»,
Словно мираж в раскалённой пустыне,
Словно вина пьянящий глоток.
Говорят, у любви нет границ, расстояний –
Лишь тишина одна на двоих,
Слово вуаль аромата черёмухи пряной,
Словно в лесу вешний шёпот листвы.
Говорят, у любви нет ни смысла, ни цели –
Лишь нараспашку открыта душа,
Словно ты не один на целой планете,
Словно вновь живы для нас чудеса.

***

Зачем ты снишься холодными ночами,
Что укрывают дымом мои думы?
Быть может, это всё случайно,
А может, снова к перепутью?
Я не искала встреч, живя разлукой –
Да и разлукой это не назвать
Для тех, кто вечно одинокий...
И только стынет горьковатый чай...
Не снись мне, не тревожь покоя,
Не бреди душевной тиши гладь,
Не выжигай на сердце смуту,
Не нарушай неданных клятв...

***

Лёд губ, обветренных свободой,
Усмешкою касается запястья –
И замирает в страхе счастья
Не верящая снам душа...
Страсть равнодушно выжигает в сердце
Своё клеймо тягуче-нежной боли,
И лёгкость крыльев в клетку манит волю
И дарит взгляд, исполненный тоски...
Изломаны в сплетеньи дрожью руки,
Искажены в улыбке горькой лица...
И лунной ночью вновь мне будут сниться
Твои свободною обветренные губы...

Номинация «Война и Мир»

ВЕРА ПОСПЕЛОВА (г. Чухлома) – поэт, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Родилась в 1986 году в с. Георгиевское Костромской области. Стихи начала писать со школьных лет. По профессии – «фельдшер-лаборант». Живёт в Чухломе, работает в больнице. Принимала участие в конкурсе «Русские рифмы», вошла в сотню лучших молодых авторов. Публиковалась в газете «Новая жизнь» (Межа), «Вперёд» (Чухлома), в областной газете «Молодёжная линия», в журналах «Губернский дом» и «Светоч», литературном альманахе «Кострома». Победитель Областного конкурса поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Война и мир» (2023 г.).

***

Очень хочу я тебе помочь,
Милый, не знаю, как!?
В небе сияет в звёздную ночь
Немой вопросительный знак.
Жизнь закрутила, как веретено,
Стал белый свет не мил.
Холодно, голодно, жутко, но
Едет спасительный ЗИЛ.
Сбросят консервов, сбросят воды.
Где же ближайший лесок?
Нет! Только полю голому быть!
В горло не лезет кусок...
Впрочем, кусков тех не лишку, брат,
Лишь бы на всех кое-как...
Мало воды... В диких кострах
Немой вопросительный знак –
Сможем? Осилим? Падая в грязь,
Знайте, в минуты тоски,
Матери, жёны, тихо молясь,
Вяжут вам, братцы, носки.
«Боже, спаси!» – неустанно твердят,
Приняв невидимый бой.
В Храме на службе свечи горят...
Милый, ты знай, я с тобой!

ЮЛИЯ КУЗНЕЦОВА (п. Вохма) – поэт, прозаик, краевед, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации, наставник начинающих авторов, участница проектов «Передвижные литературные чтения» и «БиблиоЛига». В 2021 году приняла участие в работе Международной литературной конференции «Дни литературы в Костроме». Член редакционной коллегии сборника «Литературный дебют». Автор поэтических сборников «Лирика» и «Улыбка Бога – радуга». Произведения публиковались в альманахах «Кострома литературная», «Костромской собеседник», «Кострома», в книге «Междуречье», в сборниках стихов по итогам конкурса «Призвание любить», в журнале «Библиополе», газете «Вохомская правда». Заняла 2 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Война и мир» (2023 г.).

***

И снова бой – и снова очень страшно.
Быть может, он последний для меня.
Стреляю и молюсь, авось «рубашка»
Спасёт вновь от смертельного огня.

Рождён в деревне, смелый и отважный,
В войнушку с пацанами – каждый день!
Как страшно на войне, ребята, страшно!
Но я же русский, значит, я – кремень!

Алексей

Милый мальчик, мужчина, защитник!
Ты для нас, несомненно, герой!
Почему же на сердце так щиплет?
И душа не находит покой?

Не терял ни минуты напрасно,
Торопился! Хотел всё успеть!
Жизнь твоя – это миг, но прекрасный!
Так прожить! Это нужно суметь!

Бог унёс тебя в тёплые дали,
Сделав Ангелом нашим навек!
И Хранителем гордо назвали
Мы тебя, дорогой человек!

АННА ХОЗИЕВА (г. Кострома) – поэт, руководитель молодёжной литературной студии имени В. Ильиной, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. В 2015 году заняла 2 место в конкурсе «Поэтическое ристалище» (республика Карелия). Участвовала в мероприятиях: «Библионочь», «Ночь искусств», «БиблиоЛига», «Ночь музеев» в Костромском архитектурно-этнографическом музее-заповеднике «Костромская слобода»; в тематических вечерах, посвящённых поэзии Серебряного века; в вечере памяти В. Пашина; в фестивале «Дыхание города». В 2015 году состоялся вечер в «Творческой гостиной у Никитских ворот» (г.Киров). В 2016 году награждена Благодарственным письмом департамента культуры Костромской области «За активное участие в мероприятиях Года литературы». В 2020 году вышел первый сборник стихов «Исполненное». Заняла 3 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Война и Мир» (2023 г.).

***

Друг мой, пожалуйста, выживи, выстои,
Всем бедам назло и разлукам!
Я тебя вымолю у взрыва, у выстрела,
У пистолета, автомата иль лука.

Имя твоё уже незабвенное,
А впереди у него ещё подвиги.
Я за тебя прошу на коленях,
За чистую душу твою, благодородную!

Верю в тебя молодого и сильного
И в высоту духовного роста.
Ждёт тебя девушка с русским именем
Где-то на судьбы перекрестках.

Номинация «Свободная тема»

ВИКТОРИЯ ВИНОГРАДОВА (п. Красное-на-Волге) – поэт, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации, член жюри Областного конкурса юных поэтов и прозаиков «Литературный дебют» (Кострома), участница регионального проекта «БиблиоЛига». Лауреат премии для молодых авторов Костромской областной писательской организации. Член ЛИТО «Радуга». Публиковалась в газете «Красное Приволжье», сборнике «Приглашение в липовый сад», альманахе «Кострома», электронном литературном журнале «Литера» и в «Литературной газете». Победитель Областного конкурса поэзии имени А.В.Беляева в номинации «Свободная тема» (2023 г.).

Старая липа

Старое дерево дети любили,
Часто к нему всем двором приходили.
Липа над их головами шушшала,
Мощною веткой качели держала.
Только однажды приехали люди,
Что-то там мерили, всех разгоня,
И заключили: «распиливать будем!
Слишком стара и опасно большая!»

Хором ребята просили не трогать
Старого дерева, кто бы их слушал...
Вот уже ветки летят на дорогу,
Рёвом пилы ранит сердце и уши.
Всё увезли! Только пень и остался,
Долго ребята его навещали.
Смотрят однажды – росток показался!
Старой подруги подарок прощальный.

Годы пройдут и детей их и внуков
Будет под кроной своей собирать
Липа зелёная, веточки – руки
Весело будут качели качать.

Ветром быть

Я ветром быть хочу.
Над миром полечу,
Над горными плато,
Я – ветер, я – ничто..
Над толщами воды
Туда – где тают льды,
Над старым маяком...
Под солнцем, под дождём!
Над вечным царством снов,
В глуши больших лесов,
Над милями равнин
В край бешеных стремнин.
Над городом людским
И шумным и большим...
Для ветра нет преград!
Он мой любимый брат.

Зима

Такого видеть мне не доводилось –
Чтобы зима на снег и хлад скупилась!
Чтоб плакала дождём под новый год,
Стеля и вновь растапливая лёд.
Но вот, капризы глупые отринув,
Постлала наземь белую перину,
Сплетая снежных кружев паутину,
Зима, она своё ещё возьмёт!

Вечер августа

На исходе августовский вечер,
Гаснет небо бледной полосой.
Тишина ложится мне на плечи,
Обнимая томною рукой.
Всё вокруг укрыто негой сонной,
Слышно только пение сверчков
Да негромкий рокот монотонный
По реке идущих катеров.

Небесные люди

Небесные люди живут и мечтают о звёздах,
Небесные люди хотят, чтобы было красиво.
Земным может часто казаться – они несерьёзны!
Небесным тем временем мало земной перспективы.
Небесные люди летают в заоблачных высях,
В своей эйфории порой и земных туда тянут,
В волшебные строчки у них превращаются мысли,
В картины с которых волнами шумят океаны,
В красивые ткани, расшитые словно живыми –
(Дотронься рукой и поймашь росинку) цветами..
Небесные люди становятся сразу родными,
Но часто, увы, слишком быстро прощаются с нами.
Как много их здесь не смогло на подольше прижиться,
Им чужд этот мир, тяготят их земные порядки.
Небесные люди от нас улетают, как птицы,
Отдав себя людям земным, до конца, без остатка.

Зимний рассвет

Кривавой каплей на снегу алеет барбарис –
Как по бумаге на бегу мазнула красным кисть.
В звенящей, яркой, ледяной голубизне небес
Восход расчерчен полосой, похожей на порез.
И вот «рубиновым вином» он хлынул на поля,
Горит неистовым огнём, касается меня.
Уже слились в один костёр и снег, и барбарис.
Наш старый сад, река и бор «пожаром» занялись.

***

Оду прощальную лету
Громко кузнечики пели.
Осень ступала по свету,
Листья с деревьев летели.
Всё ещё зеленью полон
Мир и лазоревым небом,
Тёплым посланцем Эола,
Запахом солнца и хлеба.

ЕКАТЕРИНА ЩЕННИКОВА (г. Шарья) – поэт, прозаик, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Родилась в 1981 году на севере, в маленьком лесном поселке Мурманской области. Окончила Костромской государственный университет имени Н.А.Некрасова (филологический факультет, отделение «Журналистика»). Писать стихи начала с 13 лет. В студенческие годы посещала литературные объединения, играла в народном театре города Шарья, в театре-студии под руководством А.М. Семёнова в Костроме. Стихи публиковались в региональных и всероссийских изданиях. Заняла 2 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В.Беляева в номинации «Свободная тема» (2023 г.).

Осенний дождь

*Блаженны плачущие, ибо они утешатся
(Матф.5,4.)*

Омой души моей печаль,
Осенний дождь, осенний дождь.
Уметь бы плакать целый день,
Как ты без усталости идёшь.

Не преставай, не захлеб,
Не час, не два – неделю, год,
Уметь бы плакать «до конца»,
В слезах стяжать терпенья плод.

Прозрачных слёз благий поток
Целебней сотен светлых дней,
Для тех, от ран кто изнемог,
От тяжести греха цепей.

Отмой беды моей печать,
Бесценный дар – осенний дождь,
Ты в умирании полей
Весною рожью прорастёшь...

Блаженных плачущих согрей,
Осенний кроткий тихий дождь.
Уметь бы плакать целый день,
Как ты без усталости идёшь...

Детство

Посвящается моей мамочке

Кто там гонит с горы? –
это Детство моё,
то на санках летит, то на лыжах!
Иль осенней порой,
по тропинке лесной
по колено шуршит в листьях рыжих!
Это кто же там, кто?
Не заснёт ни за что,
если мама не рядышком с книжкой?
Это кто под подушку уткнулся лицом,
засыпая лишь с плюшевым мишкой?
Там в морошковом крае
на тёплых камнях
забываются быстро обиды.
На сосне, как в гнезде,
ближе к солнца руке
только Радость с Любовью и видно!
Кто там гонит с горы? –
это Счастье моё
чертит крылышком ласточки небо!
Я в ладонях души
сохраню навсегда
эту чудную быль или небыль!
Кто там гонит с горы? –
это ДЕТСТВО моё,
то на санках летит, то на лыжах!
Иль осенней порой
по тропинке лесной
по колено шуршит в листьях рыжих!

ТАТЬЯНА МЕШАЛКИНА (п. Поназырево) – поэт, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Родилась и выросла в посёлке Поназырево Костромской области. После окончания Поназыревской средней школы поступила в Костромской государственный университет на факультет «Педагогика и психология». Кроме этого, получила начальное профессиональное художественное образование. Более десяти лет работает корреспондентом в местной газете «Районный вестник». Член Союза журналистов России. Стихи публиковались в региональных и всероссийских изданиях. Заняла 3 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Свободная тема» (2023 г.).

***

Избавь меня от темноты!
А свет, как воздух, очень редок.
Индейцем был мой славный предок,
Избавь меня от темноты.

Избавь меня от громких фраз –
Они колеблют воздух только.
Мой дед – индеец, бабка – сойка,
Избавь меня от громких фраз.

Избавь меня от темноты,
А свет, как воздух, очень редок.
Индейцем был мой славный предок,
Избавь меня от темноты....

Избавь меня от тишины,
От темноты, от ожиданья,
Мне напророчены страданья.
Избавь меня от них...

***

В ветре северном, колючем,
Как в песке тону зыбучем.
Голос мой давно беззвучен,
И глаза теряют цвет.

Города уже истлели,
Разбежались, улетели –
Доказать нам захотели
То, что больше правды нет.

Ветер северный, колючий,
Снегом падает из тучи.
Может, всем так будет лучше –
В городах погашен свет...

***

Самурай и камикадзе,
Друг и враг в одном лице.
Долго будешь ты топтаться
На заплёванном крыльце?
Не открою тебе двери,
Не пущу тебя я в дом.
Я сейчас тебе не верю,
Не поверю и потом.
Самурай из самураев –
Первый рыцарь на коне.
Из заброшенных сараев
Ты дворец построил мне.
Самурай и рыцарь чёрный,
Ты не нужен никому.
Друг, искатель и учёный,
Бросив всё, возьмёшь суму.

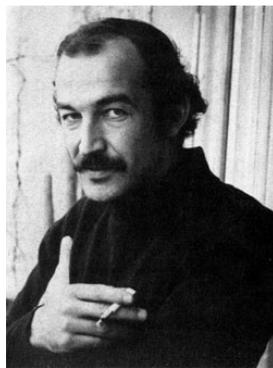
***

Мои объятья – пыль дорожная.
Но сам себе я господин.
Простое превращаю в сложное,
Шагаю вдоль широких спин.
Мои объятья пахнут ландышем –
Меня легко определить.
Но даже если встанешь рядышком,
Меня нельзя опередить.

VI. МЕЖРАЙОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ИМЕНИ Л.Н. ПОПОВА

***Фестиваль посвящён
памяти русского поэта,
уроженца посёлка Вохмы
Костромского района,
Леонида Николаевича Попова
(1947-2004)***

ПЕРВЫЙ МЕЖРАЙОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ИМЕНИ ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА ПОПОВА

29 июля 2023 года в деревне с удивительно красивым названием Рай Вохомского района Костромской области под эгидой Костромской областной писательской организации и департамента культуры Костромской области состоялся I Межрайонный литературный фестиваль им. Л.Н. Попова.

***

Поэзия – болезнь.
Опасная! – заметьте.
Симптомы? Слева, здесь
Все боли мира вместе.
Поэзия – болезнь
Заразная! Но сразу
И не поймёшь, ан – есть!
И эту, брат, заразу
Не выжжешь нипочём –
Ни дустом, ни трусцою...
Так проще – пусть с ленцою –
Ей потакать во всём...

Леонид Попов

Тот, кто хотя бы раз прикоснулся к творчеству Леонида Николаевича, не забудет этой пронзительной ясности, красоты и безыскусности поэтического слова. Писатель родился 25 августа 1947 года в п. Вохме Костромской области, окончил Московский геологоразведочный институт, работал горным инженером в Забайкалье и Центральных Кызылкумах. В 1987 году увидела свет его первая книга лирических стихов «Февральская синица», после чего Л.Н. Попова приняла в Союз писателей России. В 1993 году вышла книга «Обречённый на любовь», в 1997 году – сборник «Лета нашего итог», в 2003 году издан сборник лирики «Звезда над порогом». В 2011 году, уже не при жизни поэта, стараниями его друзей и коллег вышел сборник «Территория близкой души» – это итоговая книга, вместившая в себя все предыдущие сборники и часть неопубликованных стихотворений.

Леонид Николаевич Попов – это явление в современной русской литературе, его поэтический дар был отмечен известным российским критиком Игорем Александровичем Дедковым. Творческое наследие поэта ещё только предстоит осознать, осмыслить, поднять на заслуженный пьедестал. Каждое его стихотворение – это гармония формы и содержания; литературное мастерство писателя может служить ориентиром для тех, кто идёт следом, поэтов нового времени...

Инициаторами проведения I Межрайонного литературного фестиваля им. Л.Н. Попова выступили члены Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Место его проведения было выбрано неслучайно... Деревня со светлым названием Рай должна стать местом притяжения творческих людей, отстаивающих традиционные духовно-нравственные ценности; в знак солидарности все выступающие на литературном празднике оделись в национальном стиле. И в дальнейшем эта тенденция сохранится...

I Межрайонный литературный фестиваль им. Л.Н. Попова является логическим продолжением проекта «Передвижные литературные чтения». Цель фестиваля – содействие развитию литературной среды в муниципальных образованиях северо-востока Костромской области и популяризация творческого наследия Л.Н. Попова. Организаторами Фестиваля стали:

- Совет молодых литераторов Костромской областной писательской организации;
- Администрация Вохомского муниципального района Костромской области;
- Администрация Ланшинского сельского поселения Вохомского муниципального района Костромской области;
- Комитет по делам культуры, молодежи и спорта администрации Шарьинского муниципального района Костромской области;
- Центральная библиотека им. Л.Н. Попова Муниципального учреждения культуры «Межпоселенческое библиотечное объединение» Вохомского муниципального района Костромской области;
- Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система городского округа город Шарья Костромской области»;

КОСПРОМА

- Шарьинское местное отделение Русского географического общества.

Впервые на одной площадке выступили поэты и прозаики из г. Шарьи и Шарьинского района, с. Пыщуга, с. Павина, п. Вохмы и Вохомского района – более 40 авторов. Литературный праздник посетили около 170 человек. Программа фестиваля состояла из трёх блоков: первый блок – презентация «Творческое наследие Л.Н. Попова», второй блок – поэзоконцерт, третий блок – «Песенный».

Участников фестиваля приветствовал глава администрации Вохомского муниципального района А.М. Адеев, он отметил важность проведения мероприятия и выразил надежду, что фестиваль в д. Рай будет традиционным; с приветственным словом выступила и Л.А. Огаркова, глава администрации Лапшинского сельского поселения, поблагодарив организаторов фестиваля; настоятель Христорожественского храма села Шайма Павинского района отец Владимир Глушков обратил внимание всех присутствующих на необходимость сохранения русского языка, обращение к традициям русской литературы.

Первый блок фестиваля «Презентация творческого наследия Л.Н. Попова» вела Г.Л. Коржева, руководитель вохомского литературного объединения «Северные Увалы». Гости фестиваля прониклись атмосферой праздника и духом творчества. Украсила фестиваль танцевальная группа «Степ» (рук. Е.Ю. Адеева), исполнившая танец под песню Леонида Попова «Эх, на Вохме на реке – золотой песочек».

Особенным гостем фестиваля стала супруга поэта Т.Н. Попова, из её уст прозвучали трогательные слова о Леониде Николаевиче как муже и писателе. Воспоминаниями поделились и его друзья А.И. Ельцов и Н.С. Сидорова. Запоминающимися были выступления земляков Л.Н. Попова: М.П. Томиловой, Т.М. Адеевой, В.А. Краева. И, конечно, звучало много замечательных стихотворений Леонида Николаевича...

***

Пушкин – солнечен! Блок – серовато-сиренев...
Полон Лермонтов мстительной синью над миром кружащей грозы,
Краской лёгкою летнего неба расцвечен Есенин.
Близок Тютчеву высверк алмазной чистойшей слезы...
Неразгаданно чудо: слияние цвета и звука.
Ярких красок звучанье и – звуков трепещущих цвет.
Чем окрашено слово такое тугое «Разлука»?
Чем просвечено зябкое слово такое «Рассвет»?
Волен русский язык сочетать робкий выдох и ропот,
Буйный выкрик зари и невнятную песню небес.
Волен в жаркие краски облечь и полуночный шёпот,
И кричащие клятвы обратить в бесполезность словес.

Леонид Попов

Вторую часть фестиваля – поэзоконцерт – вела Е.Е. Каргопольцева, член Союза писателей России, руководитель Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Со словами благодарности организаторам фестиваля выступил член СПР А.В. Смердов. Со сцены звучали стихи членов Костромского СМЛ: И.Л. Маниной, Е.В. Щенниковой, Ю.Б. Кузнецовой, М.В. Краевой, А.А. Хозиевой, Е.Н. Ящерицыной, А.Н. Алапий. Вдохновенно читали свои стихотворения участники районных литературных объединений: Н.А. Трушкова, И.А. Семёнова, О.В. Фатеева, В.Г. Первушин, Д.В. Усачёв, Л.Ф. Грибова, В.Б. Киселёв, Л.Н. Соколова и многие другие.

Третий блок фестиваля «Песенный» вела Ю.Б. Кузнецова – поэт, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Эта часть литературного праздника получилась очень лиричной... Над красотами Райской земли – луговым разнотравьем, спокойной гладью озера Понтал, живописными перелесками и кондовым лесом – далеко в даль разносились звуки песен о любви и вере, добре и радости, грусти и надежде. Выступления А.А. Хозиевой, Н.А. Трушковой, М.Ю. Лебедева, Е.В. Краева, Е.В. Щенниковой, В.В. Судакова, И.П. Дудиной, М.В. и И.В. Краевых вызвали у гостей и участников фестиваля массу положительных откликов.

В рамках праздника действовала выставка-продажа книг и сувениров. Работники вохомской библиотеки им. Л.Н. Попова представили широкий спектр художественной и краеведческой литературы Вохомского края.

И, конечно же, какой праздник без угощений! «Шведский стол» был собран самими участниками фестиваля – они привезли свои любимые угощения. Жители Рая испекли хлеб, пироги, блины, оладьи; потчевали гостей вареньями и соленьями, молоком, яйцами, мёдом и прочими деревенскими яствами.

В конце фестиваля его участники пожелали обязательно встретиться в следующем году... Мы уверены, что это замечательное начинание в литературном процессе региона будет иметь своё продолжение, станет ярким событием, способствующим консолидации писательского сообщества, сохранению традиций русской литературы, сбережению исторического, культурного и духовного наследия Костромской земли.

***Е. Каргопольцева,**
член СПР, руководитель Совета молодых литераторов
Костромской областной писательской организации*

«... Люди, прошу вас, говорите доброе, забудьте злое.
Что вы скажете, так и будет».

Л.Н. Попов

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОДБОРКА УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ

Валентин Первушин

д. Надежино, Шарьинский район

Истинный Рай

В утомительный зной
Я присел под сосной,
О былом не спеша вспоминаю.
Милый Вохомский край,
Ты мой истинный Рай!
Об ином и мечтать не желаю.
В этом славном краю
Я душой, как в Раю
И тоски и печали не зная.
Здесь душевный народ
Драгоценных пород,
И природа повсюду родная.
Ты был щедрым в веках
С доброй силой в руках,
Добродушным в сторонке любой.
Ты мне – крыша и дом,
Как пред Божьим судом
Я колени склоню пред тобой.
И в лихие года
Ты был рядом всегда,
Без сомнений тебя обожаю.
Милый край мой родной,
Ты повсюду со мной!
Я как друга тебя уважаю.
К лику белых берёз
Я душою прирос,
Жив я с ними дыханьем единым.
От ногтей до волос,
До неистовых слёз
Я люблю тебя, край мой родимый!
Наша Вохма-река
На подъёмы легка,
Не видать ей конца и начала.
На далёком пути
Невозможно найти
В этой жизни надёжней причала!

Ирина Семёнова

г. Шарья

Выбирай – не выбирай,
Всё равно получишь Рай,
Но чтоб точно по прописке –
Это как-то через край.

Впрочем, если повод есть,
Будет вам благая весть,
И, придя к воротам Рая,
Встретите кого-то здесь.

Этот ли, любой другой,
Сразу видно – не чужой,
Даже если незнакомый,
По определенью – свой.

Рифмы ловит на бегу,
Что гуляют на лугу,
Слово прорастает в память
Таволгой на берегу.

Всё, что с нами, перейдёт
В окружающий народ,
Будет ветер в райском поле
Обнимать нас каждый год.

Точный же прогноз таков:
Вдоволь нарастёт стихов.
В Рай попали – пребывайте
До скончания веков!

Ирина Манина

г. Шарья

Фонтан

Прозрачное дерево бьёт из земли,
Макушкой – солнечный нимб пародируя,
Так, крона – в корону – из вечной пыли
На площади Рима века фонтанирует.

Обычное чудо – движение ввысь,
Отчаяньем брошенный вызов падению,
Как будто мечты Леонардо сбылись –
Мгновения шаг до черты озарения.

Фонтан – как источник любви и воды,
Магнит бесконечного улич вращения.
В его неизменности отблеск звезды
И тайна земного Христа воплощения.

Надежда Грушкова

п. Вохма

Перед рассветом

Ещё туман прохладною рукою
Рассыпал по лугам медвяны росы,
Плакучая берёза над рекою
Ещё не причесала свои косы.

Ещё тальянки трепетные всхлипы
Грустят, кому-то сердце растревожив,
А нежный аромат цветущей липы
Перед рассветом так на мёд похожий.

Вот-вот над дальним лесом из-за горки
Вдруг выкатится шар златоволосый,
И, словно расстегнув калёны створки,
Огнём забрызжет свежие покосы.

Ты притаись, прислушайся немного
К таинственным движениям планеты,
И многое, дарованное Богом,
Познаешь за минуту до рассвета!

Анна Алапий

г. Шарья

***

*Моей бабушке
Елизавете Сергеевне Куликовой*

Бессмертный полк,
....Мой поминальный лист...
Из роты нашей... И из рода нашего –
Мне кто-нибудь приснись...
Как будто я – ещё совсем мала,
Сижусь с тобой у тёплого стола,
Бумаги папиросной мотыльки
Взлетают из-под старческой руки...
«Не будем резать всё, поди-постой, –
Вот я помру, ты сделай мне такой,
Ну а сейчас попьём чайку пока» –
И руки отставали от венка...
Как будто стаял снег совсем вот-вот,
Землём пахнет, сохнет огород,
И в блёклом огувенике* вдруг ты:
«А ну-ка, пробуй, это же песты**»...
И старенькая ты, уже плоха –
Сама себя отринув от греха,
Широким осеняла всё крестом:
Меня и стол, и кошек, и весь дом.

... «А ну-ка, пироги-то удались!
Наверное, мне скоро помирать».

---

* огувен(н)ик (или огумен(н)ик, так как находится около гумна; галичский диалект) – огороженный участок для нужд огорода

** песты – шишки хвоща полевого, пригодные для еды; из муки и пестов в голодные годы пекли лепёшки

Анна Хозиева

2. Кострома

Про несовпадения

Дебет с кредитом не сходятся,
Стерлядь в озере не водится,
Текст на музыку не ложится,
Ночью тёмной спокойно не спится.
Не сшита по Сеньке шапка,
Дрова не сложить в охапку,
Земля хоть бежит по кругу,
Но встречу ли милого друга?
Бумага с бумагой не клеится,
Прокопий на Марье не женится,
Метёт по дороге метелица,
Стелился бы снег да не стелется.
Из яблони выросла вишня,
К столу оказался стул лишним,
Вдруг баня не стала топиться,
Спокойно снова не спится.
По чёрному пишется белым,
По мокрому водится мелом,
Воду стали носить в решете,
Попадаются снова не те.
Вот такая тоска напала.
Хоть бы с неба звезда упала,
И пока бы звезда летела,
Я б тогда загадать успела...
Снова мир чтоб пришёл к порядку,
Урожай чтоб растили на грядках,
Воду чтоб в реке не мутили,
Ближих чтоб берегли и любили.
Чтобы дело горело и спорилось,
Чтобы жёны с мужьями не ссорились,
Чтобы дети родителей слушались,
Чтобы храмы с церквями не рушились.
Чтоб хватало звёзд на желанья,
Чтобы не было непониманья,
После взлётов не стало падений
И чтоб не было несовпадений.

Мария Краева

п. Вохма

***

Иду дорогою на взгорье,
Вдоль престарелых тополей.
Здесь до лесов когда-то поле
Тянулось в юности моей.
А за берёзовой оградой,
Под сенью яблоневых крон
Стоит, не тронутый годами,
Как память детства, отчий дом.
Поблёкли прежние картины,
Кустов крыжовника уж нет.
Лишь ветви тонкие рябины,
Как прежде, заслоняют свет.
Как прежде, одуванчик жёлтый –
В ладонях солнечного дня.
Тропинку стелет подорожник
От горизонта до плетня,
На сеновале бродит ветер,
Играя запахами трав.
Молчит безропотно ступенька,
Скрипеть от старости устав.
И вот я на крылечке детства,
Где всё роднее мне теперь.
И мало жизни, мало сердца,
Чтобы захлопнуть эту дверь.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ ...

ЛЕОНИД ПОПОВ

***

А Родина – вот, за порогом,
Где серым осенним днём
Земля, что возлюблена Богом,
Вся убрана дивным снежком,
Где тучи так низко нависли,
Что холодом ломит висок!..
Просты мои тихие мысли,
И сердца замах невысок.
Но где ещё встретишь такое –
Ты только отважься, представь! –
Чтоб неба коснуться рукою,
Всего-то и нужно – привстать...

***

Нет чувства выше, чем тоска
По родине своей.
Кто приходил издалека,
Тот знает цену ей.
Что там, на родине, сейчас?
Ручьи окрест кричат,
И сумасшедше пахнет наст
В апреле по ночам,
Там воздух помнит голос мой,
Там – мать, отец, – народ,
Который, что ни пой, – поймёт!
А не поймет... Не пой.

***

Нет, не раскаюсь до седин
В своих пристрастиях сердечных
Ржаной округи гражданин,
Лесов погубленных заречных,
Унылых пашен и лугов,
Дорог, доселе непроезжих,
Речных державных берегов,
Ядрёных слов и сказок вещей...
Над Русью нынче ночь темна,
Под чёрным солнцем лжи – отравы

Всем верховодит сатана
С толпой прислужников лукавых.
Кругом разруха, и разор,
И пресмыкательства позор,
А мы – на небо ропщем глухо...
Уж осень поздняя старухой
По полю голому бредёт
И стужу за руку ведёт,
И только озимь зеленеет
За речкой тусклой вдалеке,
Да у пичуги в коготке
Рубин рябины пламенеет...

***

На чужой стороне не прожил бы дня,
Грусть-тоску кляня за учение.
А на родине и ворона – родня,
Просто ровня мне по рождению.
А на родине – нынче месяц март!
Голубы снега расстилаются.
Невысок денёк, а подвалит фарт –
В небе солнышко кувыркается!..
На чужой стороне не прожил бы дня,
Грусть-тоску допив всю, до донышка,
А на родине и ворона – родня,
Распоследняя, ах, воронушка...

***

Наши тихие нивы не тучны
И постыдно низки небеса,
И заботы – вседневные! – скучны,
Знать, с того и глухи голоса.
"Что за низость – навоз да скотина...
Разве здесь воспарили б крыла?!"
Где тут вспомнить, что эта равнина
Нам возможность родиться дала,
Милосердно дала опериться,
Чтоб беспамятством сытым кичась,
Раз в году заглянуть, – побраниться,
Да и плюнуть в родимую грязь...

***

Сердцу сегодня тревожно,
В час, когда бездна молчит,
Видишь, как остро и грозно
Звёзды сверкают в ночи!
В чёрной глубине мироздания –
Тьмы леденящий провал,
Тягостный сон ожидания
Зимнюю землю сковал.
Жизни единая мера,
Все оправдание её –
Наша высокая вера
В то, что пройдёт забвенье,
В то, что законно вершится
Вечный порядок окрест,
В то, что к рассвету стремится
Чёрная пропасть небес...

***

Снеговая нега.
Робкая метель.
Темень... Где там небо?
Не видать отсель.
По полю пустому
Стежкой слабый след.
Завернуть бы к дому!
Только дома – нет.
Тропкой на крылечко
Выбежать, успеть.
Затопить бы печку,
Руки отогреть.
Стук услышав, сразу
Двери отворить.
С доброй сероглазой
Долго б говорить...

***

Погаси огонь, родная, –
Посумерничаем,
Только злая боль ночная
Нынче в сердце моем.
Не пойму, я с сердцем в споре,
Вся-то жизнь – из чего?

То ли радость, то ли горе,
То ли – нет ничего.
Заплутало наше счастье,
За окошком темно.
Хоть открой все двери настежь,
Не вернётся оно...

***

Нам сладко – мы двое с тобою,
И, значит, никто не один!
Дай Бог нам, поладив с судьбою,
Дожить до нестыдных седин,
Средь злобы и смрадного страху
Зело мудроно уцелеть,
И веру, как малую птаху,
Неровным дыханьем согреть...

***

Я всё придумую: ночь и сад,
Где бесятся соловьи.
Где звёзды словно сливы висят, –
Собственные, свои.
Я всё придумую: листьев дрожь
И сердца бешеный бег.
Резную беседку, где ты меня ждёшь –
Зябкая, точно снег.
Я всё придумую!..
А пока... Злую тоску круша,
Бьётся, не в силах разбить капкан,
Вся в чёрной крови душа...

***

Прилежный светом день январский
Вдруг явит нам – пустым на страх! –
Как щегольской, заморский, барский
Снегирь пылает на ветвях!
Грешит повторами природа,
Всё вроде в ней наперечёт,
Но только тут и есть свобода –
Нас изумлять из года в год,
Снегами русскими укроет
Разор бесстыдства, прах пустой,
И вдруг нечаянно откроет,
Что мир – пречуден, Бог ты мой.

***

Кое-что в этом мире (как мягче сказать?)
Непростительным кажется мне:
Когда красит старуха сурьюмою глаза,
Когда тайны сердец – не в цене,
Когда сын непутёвый – позор для отца,
Когда друг покидает порог,
Когда нежится дева в объятьях глупца,
Ну, а я – до сих пор! – одинок...

***

Уходя, оглянусь: за логами,
Там, где ели стеною сошлись,
Серый сумрак проплавило пламя,
Словно рдяные маки зажглись,
Хорошо, расставаясь, запомнить
Жар закатный на поле родном,
И озябшую душу заполнить
Без остатка надежды теплом,
Чтобы верилось в долгой дороге:
Круто к ветру поставив ладонь,
Работающие сельские боги
Берегут животворный огонь.

***

Самое время подумать о смерти:
Час до захода;
Выдохну: "Жить неохота"...
Не верьте!
Ох, как охота...
Что нас – весёлых! – калечит и старит
В гуще привычной?..
Жиденькой кровью закатною залит
Дворик больничный,
Кто нас – разумных – потчует вестью –
Горькой от страха?..
Скоро, уж скоро прощальную песню
Вызнобит птаха...

***

Поздно: учиться «петь-танцевать»,
Шаркать подошвой по жаркому кругу.
Стыдно: поклоны впрок раздавать,
Пылко влюбляться в столичную вьюгу,

Верить пожатью казённой руки,
Честью платить за натужную милость.
Время: свои подытожить долги,
Благо – достаточно их накопилось.
Время: припомнить былые грехи,
Чтоб понапрасну душа не гордилась.
Время: вчитаться в чужие стихи,
Чтоб от своих голова не кружилась.
Время: последнюю выгрести медь,
Но до копейки за всё расплатиться,
И до рассвета успеть умереть,
Чтоб на рассвете свободным родиться.

***

На что мы расходуем жизнь?!
То дряблые дрязги, то – сплетни...
Час жизни отдал бы – последний!
Всего за улыбку, кажись.
Вранья долговая тюрьма
Да в спину ухмылки косые.
А в мире-то, братцы, зима!
Такая зима по России!
Как вкусно вдруг хрустнет снежок,
Аж сытому завидно станет.
Мороза спиртовой ожог
Волною пройдёт по гортани
И голову хмелем вскружит,
И вызволи т «ахи » и вздохи...
На что мы расходуем жизнь,
Её драгоценные крохи?

***

Поэзия – болезнь.
Опасная! – заметьте.
Симптомы? Слева, здесь
Все боли мира вместе.
Поэзия – болезнь
Заразная! Но сразу
И не поймёшь, ан – есть!
И эту, брат, заразу
Не выжжешь нипочём –
Ни дустом, ни трускою...
Так проще – пусть с лентою –
Ей потакать во всём...

***

До дома – всего-то немножко...
Но держит кривая дорожка
В чужих развесёлых краях.
«Прости меня, беглого, мама.
Отец, говорю тебе прямо, –
Вина неоплатна моя».
Пред вами я вечно виновен
И в том, что дразняще огромен
Тот мир, где я жил – не тужил,
Что дедовский угол мне тесен,
Виновен, что жив – да невесел,
И долг пред землёю забыл.
Дорога. Тревога. Разлука...
И нет вам – ни сына, ни внука.
И горько, и страшно стареть,
И жизнь, словно лето промчалась,
До снега – неделя осталась,
Знобящий ноябрь на дворе...

***

Под первым вымокнуть дождём,
Ему порадуясь, знакомо,
Войти в старинный этот дом
И вновь почувствовать, что дома,
Где не был столько долгих лет,
Но где тебя забудут разве?..
Как осторожно жёлтый свет
По старым серым стенам разлит.
И лица, виденные раз,
Так по-приятельски обычны,
Так по-семейному привычны
И так прекрасны без прикрас!..
Под первым вымокнуть дождём,
Ему порадуясь, знакомо,
Войти в старинный этот дом
И знать, что – дома...дома...дома

***

Клятвы и слезы – всё позабыла...
В городе людном, глаз не тая,
Птицею пела – вот как любила! –
Да улетела в чужие края...

Ладно, построю дом над рекою,
Из лесу птицы слетятся к жилью.
Окна раскрою, душу открою
Птице-синице, дрозду, соловью.
Солнце на листья бросит монисто,
Травы зернисто росы прольют,
Ладным да чистым щебетом-свистом
Вдруг да и вылечат душу мою.

***

Пустое всё... Сварю покрепче чай,
Табак – сухой, а зимний вечер – долог.
Поближе к печке уложу печаль –
Озябла, чай! – и занавешу полог, –
Спи, милая! Надёжен старый кров.
Заветный том, припрятанный до срока,
Раскрою вдруг – и жарко прянет кровь!
Веду себя на дивный праздник Блока.
Вино свиданья пью. Глотаю вновь
Знакомых слов внезапную отраву
И целый мир наследую по праву...
И смерть – на миг, и навсегда – любовь...

***

Сколь дивна зима на изломе,
Как благодатна снежная гладь!
Темнеет... И в стареньком доме
Топлю свою печку опять.
Под пологом мартовской хмари,
Где угли зари горячи,
Хмельные, в любовном угаре
На гнездах горланят грачи.
Ах, есть во мне певчая сила!
И радость взметнула б крыла,
Когда б ты – пускай не любила,
А просто, жалея, ждала...

***

Мы кровь родовую презрели,
Воспели беспамятства дым...
Безродные бродят метели
По русским погостам святым.

И надобно сердца усилъе,
Чтоб нынче сквозь мглу разглядеть
Крестов покосившихся крылья,
Что силятся в небо взлететь...

***

Ну, что ещё для счастья надо:
Ночь за окном, разгул стихий,
И как неожиданная награда –
За что неведомо – стихи.
И так мне радостно и ново
Почуять в сердце непокой,
И плакать робко, бестолково
Над окаянною строкой,
Что душу детскую смущает,
Берёт её навечно в плен,
И ничего не обещает
Былой беспечности взамен.

***

Я сумрачный, злой, непохожий
На многих, и хмурому мне
Цвет севера серый дороже
Всех радуг в чужой стороне,
Всех красок изнеженных юга,
Где, кажется, только вчера
Нашли мы случайно друг друга,
Да вот – расставаться пора.
Мой след заматают метели.
Прощай. Не печалься. Забудь.
Понурые хмурые ели
Завалены снегом по грудь...

ХРАНИТЕЛЬ РУССКОГО СЛОВА

(о творчестве Леонида Попова)

Пожалуй, нет в Вохомском районе ни одного человека, который не знал бы поэта Леонида Попова. Коренной вохмич Леонид Николаевич с рождения (25 августа 1947 года) до самой смерти был верен северному уголку родной Костромской земли. Он писал о нём честно, проникновенно, по-своему. Я бы назвала Леонида Попова ювелиром-чудотворцем, потому что каждая строчка его стихотворения отточена, осмыслена, оживлена...

*В лес войдёшь - и дыханья не хватит –
Так, в малиновых угольях весь,
Сладким жаром шиповник окатит,
На рассвете успевший расцвести...*

Трепетная любовь к природе, которая всю жизнь переполняла сердце поэта, помогла ему в выборе профессии. Тонко чувствующий жизнь юноша желал изучать, познавать природную красоту изнутри. Для этого после выполнения армейского долга он поступил в Московский геологоразведочный институт, успешно окончил его и по направлению уехал работать в богатое природными сокровищами место – Забайкальский край, а затем в Центральные Кызылкумы в должности инженера – геолога.

В 1979 году Леонид Николаевич вернулся на малую родину, куда всегда тянуло его с невероятной силой.

*Нет чувства выше, чем тоска
По родине своей.
Кто приходил издалека,
Тот знает цену ей...*

Редакция газеты «Вохомская правда» приняла в свои ряды умного, справедливого, жизнелюбивого Попова с радостью. С замиранием сердца вохмичи читали на страницах газеты стихи Леонида Попова, удивляясь силе его таланта. Редакторы журналов «Наш современник», «Север», «Москва», «Русь» охотно публиковали творения поэта из глубинки, заметив невероятную мощь, исходящую от его стихов.

О молодом одарённом поэте заговорили... Он стал участником VIII Всесоюзного и I Всероссийского совещания молодых писателей.

В 1987 году – после выхода книги «Февральская синица» – Леонид Николаевич Попов был принят в Союз писателей России, что вызвало гордость в душе каждого вохмича. Далее один за другим издавались сборники лирики: «Обречённый на любовь», «Лета нашего итог», «Звезда над порогом».

Леонид Николаевич досконально оттачивал каждую строчку своих стихотворений. В них нет ни одного лишнего звука, ни одного лишнего слова. И потому они читаются легко. И поются легко! Много стихов поэта переложено на музыку, которую он писал сам или в соавторстве с Татьяной

КОСПРОМА

Михайловной Адаевой, преподавателем вохомской музыкальной школы. Лирическая музыка идеально гармонирует с текстом. Преподаватель детской школы искусств вохмичка Марина Павловна Томилова много лет вдохновенно исполняет песни на стихи любимого поэта.

В 1988 году в семье Поповых случилось радостное событие – родилась дочь Даша. Поэт души не чаял в своей девочке и посвящал ей стихи.

*Тихое слово. Свет и покой,
Как на причастье.
Дочкины слёзы вытру рукой –
Вот вам и счастье...*

Мастер, кудесник, добрый гений – так я называю Леонида Попова. Он действительно мастер слова, хранитель живого русского языка. Татьяна Николаевна Попова, жена поэта, рассказывает: «Язык для Леонида Николаевича был его болью. Он переживал, когда люди говорили неправильно, коверкали слова и ударения; когда телевидение переполнилось иностранными словами. Русский язык втапывали в грязь... Поэт часто повторял: «Не будет языка – не будет цивилизации. Нужно любить впитанный предками исконно русский язык с его диалектами. И хранить».

Была у поэта особая страсть – частушки. Он собирал их с невероятной радостью. Вот что поведала мне Татьяна Николаевна: «Супруг заметил, что частушка – это не просто небольшой текст. Это четыре строчки, в которых собрана вся жизнь. По частушкам можно изучать историю страны. И Леонид начал усердно их собирать. Частушки присылали и павинцы, и боговаровцы, и вохмичи. При издании в 2004 году книги частушек он сказал: «Жизнь прожил не зря».

В 28 лет у Леонида Николаевича случился первый инфаркт. И через 28 лет 28 июня он умер. Он страшно боялся этой даты. Поэт предчувствовал свой уход и написал обращённое ко всем людям и горячо любимой дочери послание: «Вначале было слово, и это не метафора. Это есть жизнь. А посему, люди, прошу вас, говорите доброе, забудьте злое. Что вы скажете, так и будет». Слова эти надо помнить каждому из нас...

*Глядь, а жизнь прошла...
Ах, моё сердечко.
Догорела свечка
Дочиста, дотла...*

На уроках литературы мы с юным поколением лапшинцев каждое стихотворение Леонида Попова читаем с особым вниманием. Почему? Потому что он до мозга костей наш... Наш земляк, наш герой, наш провидец, наш учитель. В школьной библиотеке на полках не пылятся его сборники, а путешествуют по рукам юных читателей.

Центральная библиотека села Вохмы не случайно стала носить имя Леонида Николаевича Попова. В ней, как и в поэте, собрано всё честное, чистое, нетленное. Всё, что заставляет людей мыслить и сопереживать. По

предложению поэта-земляка в 2004 году при библиотеке было открыто литературное объединение «Северные увалы», которое работает и по сей день. К сожалению, основатель его успел прийти только на первую встречу, по-видимому, чтобы дать напутствие своим преемникам.

Передо мной лежит последний сборник стихотворений Леонида Попова «Территория близкой души», вышедший в свет в 2011 году. Эта книга подвела итог творческой жизни известного поэта и позволила нам насладиться чтением ранее не опубликованных стихов.

*Территория близкой души
За картонной обложкой хранится.
Не спеши, говорю, не спеши, -
Задержись и над этой страницей...*

Ю. Кузнецова,
*член Совета молодых литераторов
Костромской областной писательской организации*

VII. МАСТЕР-КЛАСС

ПОЭЗИЯ

НИНА ПОПОВА – кандидат филологических наук, поэтесса, публицист и переводчик, заместитель председателя Правления Союза писателей России. Автор 8 поэтических книг, научной монографии, весомого ряда авторских сборников, альманахов, статей и 5 музыкально-поэтических альбомов. Лауреат литературно-общественных премий и наград им. С.А. Есенина, Г.Р. Державина, В.В. Маяковского, Дмитрия Кедрина, «За вклад в просвещение», «За гражданское достоинство» и др. Награждена Министерством культуры Российской Федерации Благодарностью за вклад в развитие культуры России и медалью им. М.Ю. Лермонтова. Песни на её стихи неоднократно становились лауреатами и призёрами музыкальных фестивалей патриотической и лирической песни.

МАТЬ

Это время клятвы и молитвы
Закаляет всех в огне святом:
Сыновья опять идут на битву,
Защищая Родину и дом.

Материнских слёз не выдаст голос,
Одинокий средь молчанья звёзд.
Сын-защитник, словно спелый колос,
В ратном поле встанет в полный рост!

Матери израненное сердце
Ждёт свою кровиночку домой,
Сыновей тревожное наследство –
Вновь Россию заслонить собой.

СНАРЯД

Посмотришь – тишь да гладь в округе...
А в мире – всё наперекос.
И где-то в поле под Калугой
Снаряд по холку в землю врос.
То – провиденье или милость?

В снаряде чутко дремлет смерть.
Ему взорваться не случилось,
И превратиться в страшный смерч,

И затянуть в свои воронки
Людские жизни и сердца,
Чтоб разлетелись похоронки
На мужа, брата и отца.

С чего он снова стал искриться?
– Зиг хайль! – беснуется в нём злость, –
Сожгу берёзовые ситцы,
Раз в прошлом сжечь не довелось!

Но мать-земля, в святой надежде,
Чтоб дух убийственный остыл,
Снаряд в своих объятьях держит,
Порою – из последних сил...

***

Слов чужачьих вычурных дороже
Мне простые русские слова.
Пусть они и спрашивают строже –
Правда в них немеркнуще права.

В слове то, что испокон хранила
Русская мятежная душа,
Что ей было свято, было мило,
Чем она от веку хороша.

То, что доверяла русским песням
По-над Волгой, матушкой-рекой,
Чем в годину горькую по всеям
Поднимала в бой сыновий строй.

Звень-частушкой искры высекало
Под лихой каблучный перепляс...
Острой гранью слово полыхало,
Самоцветным становясь тотчас.

Да, порой насмешливы, ершисты –
На мякине их не проведёшь:
Истина не шибко-то речиста,
Но не уживается в них ложь!

На погляд бывают неприметны,
Но едва взглядишься в глубину –
Столько доброты и столько света! –
Любо станет сердцу и уму.

Жаль, что мы порой цены не знаем
Этому богатству русских слов...
В пояс поклонюсь родному краю
За певучий бережный зов!

***

Вдруг обожжётся взгляд о купола...
Непостижимо и неумоимо,
Переступив скудельные дела,
Ты к ним идёшь – и не проходишь мимо!

Они горят ненастной порой
Сквозь время правых, время виноватых,
Овеянные утренней зарёй,
Стозвонно окликают на закатах.

Они над быстротечностью плывут,
В небесные впадая океаны,
Они – расхристанной души приют,
Луч милосердия на грехи и раны.

...Тыходишь в Храм, усталый пилигрим,
И взор Христа летит тебе навстречу.
Склоняешься смиренно перед Ним
И осязаешь Дух и человечность...

***

Солнцу лучом-побегом
Хмари не побороть:
Купол таит под снегом
Зябкую позолоть...

Серое в сером небо,
Чёрная в чёрном даль...
Зрелищ хотелось, хлеба?
Так получай печаль!

Благовеста не слышно –
Колокол глух и нем.
Этой безгласной тишью
Сердце пронзает всем.

Истину по крупичам
(Им, по всему, видней!)
Насобирают птицы –
Людам что делать с ней?

Снова бредут в потёмках,
Мысли отбросив прочь.
Звёзды на нитях тонких
В речке полощет ночь.

Пасмурно, хмуро, серо...
Грянул вороний грай.
Да не покинет вера
Осиротелый край!

Пусть на заутре снова
С неба слетает звон,
И золотое слово
Гонит остуду вон!

ЛЕСТЬ

Комплиментами богата
От сомнительных щедрот,
Лесть притворно сладкой ватой
Вашу душу обовьёт.

На кого, на что – неважно! –
Льёт услужливый медок.
На роток её продажный
Не накинешь свой платок!

И на всякий нужный случай
Сладкозвучный хитрый льстец
Убедит тебя – ты лучший!
Если веришь, то конец...

Поумнеешь, но не сразу.
И прозреешь, но не враз,

Чтоб опасную заразу
Извести вконец, как класс.

И учить её не нужно:
Знает ласковая лесть
Как, прикидываясь дружкой,
В человечью душу влезть.

Гонишь в дверь, она в окошко.
И всегда она права,
И мурлычет, словно кошка,
Что скрывает когти льва.

Отродясь не зная веры,
Пребывает в темноте,
Но клянётся лицемерно –
Если нужно! – на кресте...

MAME

Дорожкой – стёжкой-стелечкой
По скошенной стерне
Я к матушке-жалеечке
Опять спешу во сне.

И отступает горюшко,
И тает холодок –
Забудет разве зёрнышко
Родимый колосок?

А слёзыньки-окатушки,
Что вешние дожди...
Согрей, как прежде, матушка,
Прижми к своей груди!

И памятью живильною
Позволь к душе прильнуть,
Спокойною и сильною
Ступить на новый путь.

...Иду сквозь мрак неистовый
И ветер штормовой
За путеводной истиной
Твоей любви святой.

***

Распахнулось ласковое небо –
Словно глаз весенних синева.
Где бы ты сейчас, любимый, не был,
Долетят к тебе мои слова!

Пролетая над земною бьюлю,
Над седой усталостью дорог,
Принесут на непокорных крыльях
То, что отыскать с другой не смог!

На шелках, на простеньком ли ситце –
Позови в желанном сладком сне,
Чтобы я могла тебе присниться,
Чтоб не забывал ты обо мне!

Звёздочку одну с тобой приветим,
Сердце дрогнет песнею одной
И одни заветные приметы
Напророчат встречу нам с тобой!

***

Посылаются с небес дни заветные:
Набираешь высоту до победного,
Радость плещется вокруг ясноглазая,
И земному ты теперь неподвластная!

И такая чистота первозданная,
Что слетает всё с тебя окаянное.
Словно лучик ты легка – озарённая,
И подушки-облака – не зарёваны.

А в тебе играет силушка светлая,
На чужой глазок-роток неответная.
И не здравицы душа ждёт, не славицы,
А того, что испокон сердцу нравится!

А вокруг такая ширь – воля-вольная,
И дорога впереди – не окольная.
И сбегашь в небеса, босоногая...
А земля вослед глядит – мама строгая!

ПЕРВЫЙ СНЕГ ПОД ДОНЕЦКОМ

Первый снег белёною холстиной
Заровнял за бруствером завал
И у юной раненой осины
Милосердно ствол забинтовал...

Грай ворон над рощею высокой:
– Ни к чему! Снаряд везде найдёт!
Затаилась грустная осока,
Ожидая роковой прилёт.

Но, нисколько не внимая граю,
Облаков не усмиряя бег,
Небеса струят над отчим краем
Первозданный непорочный снег...

В блиндажах, похожих на пригорки,
Немудрёный воинский ночлег.
Доброволец костромской – Егорка
Вышел – и любуется на снег.

Снег идёт – такая всё же малость!
Тает на обветренной щеке...
Но такой вдруг мирной показалась
Жизнь, что здесь всегда на волоске.

АЛЕКСАНДР ЮДИН, 1965 г.р., москвич, публиковался в журналах «Нева», «Изысканная словесность», «Невечерний свет/infinite», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (Краснодар), «Под часами» (Смоленск), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Нижний Новгород», «Земляки», «Арина» (Нижний Новгород) «Менестрель» (Омск), «Великороссь», «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Все загадки мира», «Ступени», «Литературный оверлок», «Кольцо А», «Парус» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Дрон» (Белгород), «Царицын» (Волгоград), «Слово/Word» (США), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ») и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009 г.), «Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с С.В. Юдиным), «Византийские каникулы» («Аквилегия-М», 2022 г.).

ЧУДЬ-ГОРА

повесть

*Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,
Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.*

Александр Блок

Несколько лет тому назад автору этих строк довелось работать в архиве городской библиотеки города Чухломы. И вот там, среди залежей совсем ветхих изданий и старых документов мне на глаза попала зелёная папка с тесёмочками, а в ней – кипа исписанных листов.

Листочки были жёлтые, в «лисыях» пятнах, а рукописный текст – с ятями, ерами, фитами да ижицами, то бишь писан очевидно до орфографической реформы восемнадцатого года. Я, понятно, заинтересовался, стал читать. И что же? Хотя начало рукописи отсутствовало – думаю, был утрачен лишь самый первый лист – по всем приметам выходило, что эти листки – неизвестное письмо писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского, адресованное Владимиру Ивановичу Далю.

КОСТРОМА

Как известно, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Павел Иванович Мельников, он же – писатель Андрей Печерский, автор эпической дилогии «В лесах» и «На горах», был коротко знаком с создателем «Толкового словаря живого великорусского языка» и даже три года жил в его московском доме на Большой Грузинской. А впервые познакомились они ещё в Нижнем Новгороде.

По ходу чтения я пришёл к выводу, что, судя по многочисленным поправкам и помаркам, мне в руки попал черновик. Само же письмо, как мне думается, так никогда и не дошло до адресата. Черновик датирован не был, но поскольку речь в бумагах шла об изыскательской поездке Мельникова-Печерского в эти места по поручению тогдашнего министра внутренних дел Тимашева, мне без особого труда удалось установить, что описываемые автором события относятся к лету 1869 года. Хотя само письмо писалось спустя год после той поездки. А, возможно, и позже. Содержание этого неотправленного письма настолько поразило моё воображение, что... Впрочем, лучше прочтите его сами, вот оно:

«...Всей душой надеюсь, что и вы, любезный мой Владимир Иванович, в столь же добром здравии ныне пребываете. Но вернёмся к приключившейся со мною поистине диковинной истории. И хотя в прожитом времени много было мною видано, много слышано и немало такого знаемо, что весьма немногими знаемо, эта история стоит особняком в силу её особенной удивительности. При всём том смею вас уверить в её полной правдивости. Во всяком случае, рассказ мой коснётся лишь тех событий, которые сам видел и про которые сам слышал. А как вам, Владимир Иванович, ведомо, Бог дал мне хорошую память, и где я ни был бы, что ни видел, что ни слышал, всё твёрдо помню. И когда вздумается мне про то писать – пишу по памяти, как по грамоте, согласно старинному присловью. Коли изложение мое не стройно окажется – простите покорно, но, представляя, что стало мне известно, не смею дозволить себе для большей стройности изложения что-либо переиначивать. Так вот, продолжаю.

Из Нижнего я выехал двадцать первого июня вместе с моим старинным приятелем Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым. Вам он также хорошо известен. Помните, в своё время вы весьма высоко оценили его статью о современном состоянии русской исторической науки в «Московском обозрении» за 59 год?

Пропускаю дальнейшие не относящиеся к моей истории события и перехожу... *(это неоконченное предложение было зачеркнуто)*. Когда мы с ним были в Урене, у самой границы Вятской и Костромской губерний, на постоялый двор, где мы остановились на ночлег, прискакал посыльный с запиской от капитан-исправника Чухломского уезда Ивана Андреевича Кокорина. В той записке исправник писал, адресуясь ко мне, что, как ему стало известно, что я нахожусь здесь по прямому указанию Александра Егоровича Тимашева с поручением провести изыскания о состоянии дел в северных губерниях, так он настоятельно просит посетить его уезд, поскольку-

де в одной из деревень Алешковской волости творятся большие непорядки: завелись там, якобы, некие сектаторы – не раскольники и не хлысты, коими в Заволжье никого не удивишь, а какая-то вовсе неслыханная секта; и творят те сектаторы всякие безобразия и даже похищают для своих ритуальных целей местных девок. А продолжается-де это уж неведомо сколько лет – издавна, только прежде полицейское начальство это всё под сукно прятало, а он – Кокорин Иван Андреевич, хочет оное непотребство вытащить на свет божий и пресечь. Но человек он на должности новый, опыта не достаёт, при этом немало наслышан о моих прежних успехах в борьбе с расколом и ересями, о ревностном исполнении служебного долга и неумолимой суровости, с каковой я приводил в единоверие керженские и чернораменные скиты, а потому обращается ко мне с просьбой оказать помощь и содействие в расследовании, дабы изобличить фанатиков-изуверов, привлечь их (*следующие два слова были вымараны*) и прочая.

После ознакомления с сей запиской, мне на память поневоле пришёл рассказ (весьма недурной кстати, а вот название позабыл) Алексея Феофилактовича Писемского, пропечатанный лет пятнадцать или более назад в «Современнике». В нём тоже ведётся речь о таинственных пропажах девок, приписываемых народной молвою лешему. Причём действие, помнится, разворачивалось именно что в Чухломском уезде! На поверку же разъяснилось, что всё это пустяки и виновник пропаж не в меру сластолюбивый барский управитель. Итак, изначально достоверность полученных сведений вызвала у меня серьёзные сомнения. Тем не менее, я тут же собрался и немедленно выехал. Константина же Николаича оставил за себя в Урене.

И вы меня, Владимир Иванович, знаете: мог ли я устоять, услышав про неведомую и дотоле неизвестную мне секту? Да и вправе ли я был исключать возможность существования оной? Уж с какими нелепыми, небывальными и изуверскими сектаторами не доводилось мне сталкиваться за годы службы! Чего стоят те же хлысты или скопцы, я уж не говорю про морельщиков, детубивателей, самосжигателей, шелапунов и многих-многих других, обитавших и доньше обитающих в Брынских лесах нижегородского и костромского Заволжья. Признаться, польстило мне и сделанное исправником упоминание о прежних моих заслугах и победах. Хотя заслуги те далеко не всем пришлись по нутру. Керженские беглопоповцы, к примеру, иначе как «сыном пагубы, отступником Христовым» меня не именуют, говорят, что я-де знаком с чертями и при моём появлении гаснут свечи. В тех местах по сию пору ходит про меня одна легенда: дескать, когда я ночью увозил из Шарпана икону Казанской Богородицы – великую их шарпанскую святыню, то на плотине у речки Белой Санохты, под Зиновьевом, вдруг ослеп. И хотел, устранившись, тут же бросить ту икону в реку, но дьявольским наущением отвращён был от этого; зато потом мне от дьявола же зрение возвратилось. Вот ведь оно как! Вам ли, друг мой, не знать какая это сущая ерунда, сколь далеко это от истины. Да, я всегда был и остаюсь врагом религиозного фанатизма, аскезы и начётничества (*оба последующих предложения автор*

КОСПРОМА

перечеркнул). Впрочем, я, кажется, вновь вдался во многоглаголанье, а по сему спешу вернуться к предмету настоящего письма.

Опуская подробности поездки, перехожу сразу к встрече с исправником Иваном Андреевичем Кокориным, каковая состоялась в назначенном им месте – в деревне Филино Алешковской волости Чухломского уезда. Иван Андреевич оказался мужчиной в летах, но помоложе меня – лет этак сорока с гаком, представительной наружности и статного сложения. Он с первого погляда произвёл на меня самое благоприятное впечатление: в прошлом боевой офицер, участник трагической для нас Крымской войны, на груди – медали за оборону Севастополя и за усмирение недавнего польского мятежа (последняя – из светлой бронзы – порадовала меня особенно), значит, побывал в переделках; речь обстоятельная, манеры исполнены достоинства. В общем и по всему, человек на этой должности не случайный. В становой квартире, где ожидал меня капитан-исправник, присутствовали помимо него также местный преподобный – тонкий да звонкий, седой как лунь старец с козлиной (*последнее слово вычеркнуто*) с жидкой бородёнкой, какие обыкновенно изображают у китайских мандаринов; ещё дюжий рябой детина с отёчным лицом и востроглазый мужик лет тридцати с кудрявой русой шевелюрой.

– Имею честь представиться: чухломской земский исправник Кокорин Иван Андреич, – отрекомендовался исправник. – Спасибо, Павел Иваныч, что не оставили мою просьбу без внимания. Это вот, – исправник указал на преподобного, – отец Зосима, священник церкви Ильи Пророка села Верхняя Пустынь, он здесь на правах старожила, хранителя, так сказать, преданий старины глубокой, ну и от духовных властей. А эти господа, – кивнул он на остальных, – представители уездной полиции, которые, так сказать, сопричастны и, гм... будут полезны. Вот здешний хозяин – становой пристав...

– Степан Звонов, – просипел рябой детина, распространяя вокруг злой водочный дух. И зачем-то добавил: – Не имеющий чина, из чухломских мещан.

– А этот вот, сотский Ефим Турусов. Он местный, филинский и сможет засвидетельствовать, поскольку всё, так сказать, на его глазах...

– Точно так-с, вашбродь, – тряхнув кудрями, подтвердил сотский.

Перезнакомившись таким образом, мы сели чаёвничать. Стол уж был накрыт.

– Ну что же, Иван Андреич, рассказывайте, какая такая диковинная секта у вас завелась, – спросил я исправника, – которая девок уводит. Между прочим, личность последней похищенной известна?

– Известна, Павел Иваныч, как не известна, – несколько смущённо подтвердил исправник. – Впрочем, полагаю, правильнее, если про неё вам расскажет пристав Звонов, как лицо изначально владеющее всеми, так сказать, деталями... Докладывай, Степан!

– Слушаюсь, ваше высокобродие! – вскочил пристав.

– Ты, Степан, чаю, что ли, похлебай, – поморщился исправник, – а то несёт, как из бочки. Нехорошо, братец, право, нехорошо.

– Чай нам не по нутру, – пробурчал пристав, переминаясь с ноги на ногу.
– Известно! Было бы вино поутру. Тогда пожуй чего-нибудь, вон хоть баранку. И садись, не на плачу же.

– Да, давайте без церемоний, – поддержал я. – Время дорого – пропал человек, а мы политесы разводим.

Пристав послушно пихнул в рот баранку и продолжил с набитым ртом:

– Пропавшую зовут Настасьей Теляевой, девка неполных семнадцати лет, тутошняя она, филиновская. Пропала четверо суток назад. Сегодня только сыскалась...

– Как сыскалась? – не понял я.

– Сама воротилась, – пояснил пристав.

– Стало быть, и пропажи никакой нет? Может, и с сектой та же история?

– Так ить она не целая воротилась.

– Что значит «не целая»? Надругались что ль над нею?

– Про это самое ничего не знаю, поскольку девка не в себе сделалась, полоумная. А не целая потому как у ней три пальца – мизинец, средний и безымянный – на правой руке напрочь откушены.

– Откуда известно, что именно откушены? – уточнил я. – Может, отхватила серпом, топором оттыпала или ещё как?

– Таково заключение земского доктора Колокольского, который осмотрел её по моей просьбе, – вставил исправник.

– Сама-то как объясняет? – спросил я.

– Говорю ж, вашбродь, не в уме девка. Бормочет что-то про «чудь белоглазую», которая её в Чудь-гору утащила, и там, в той Чудь-горе, двое суток держала. А она оттель как-то сама сбегла, а после ещё двое дён плутала по лесу, ягодой да грибами питалась, покудова не вышла к соседней деревне Чурилово. Ещё баёт про чудского божка Кузю, которому-де её в жёны там уготовили.

– Вы же понимаете, Павел Иванович, – вновь вступил в разговор исправник, – что не стал бы я вас беспокоить из-за какой-то пропавшей девки. Не столичному же начальству эдакими делами заниматься. Тут важно, что не первая она такая. Как я вам и писал, тут действует стародавняя и притом тайная секта.

– Давайте по порядку и с самого начала, а то мы этак до сути никогда не доберёмся, – предложил я.

– По порядку вернее, – согласился исправник. – Тогда предлагаю следующий порядок: пускай сначала пристав Звонов изложит обстоятельства нынешнего похищения Настасьи Теляевой, а сотский Ефим дополнит, как и отчего. А после того отец Зосима расскажет, что в здешних местах известно про секту (или кто там эти лешие?), пояснит, так сказать, предысторию вопроса. Я же со своей стороны представлю обстоятельства, ставшие мне известными по ходу следствия.

– Давайте так, – согласился я. – Только я хочу после сам ту Настасью допросить.

На том и порешили.

КОСПРОМА

(Далее был густо вымаран целый абзац; я не стал его разбирать, а перешел к следующему)

Но я уже вижу, Владимир Иванович, что письмо мое стремительно превращается в беллетристический рассказ и едва ли не в духе Эдгара По, а посему, дабы не затягивать повествования, изложу своими словами содержание дальнейшей беседы, а также того, что поведала мне девица Настасья, которую я допросил в тот же день.

Со слов пристава Звонова и сотского Ефима выходило, что Настасья Теляева пропала с 23 на 24 июня, аккуратно в ночь на Иванов день. Вы, Владимир Иванович, знаете, что купальскую ночь во многих местностях Заволжья по сию пору празднуют, несмотря на очевидно языческий характер этого праздника. Как ни старалась церковность истребить всякие остатки языческой обрядности, много обломков древней старорусской веры доселе сохраняется в нашем простонародье. Вот и Настасья отправилась на закате с подружками на речку Вёксу жечь костёр, купальные травы да банные веники собирать, ну и в Вёксе купаться, понятное дело. Пошла, а назад не вернулась. Подружки божились, что была она с ними до последнего; и они только тогда её хватились, как засобирались по домам; искали и кликали до самых петухов, потом вернулись с мужиками, но всё попусту – Настя как в воду канула. Да только в той речке Вёксе не утонуть – больно мелка и омуты рядом нет. Думали разное: заплутала в лесу, лихого человека встретила, а то мог медведь заломать, в чухломских лесах их пропасть.

А утром, в день моего приезда, её бесчувственной нашёл пастух, в березняке у поля, что возле деревни Чурилово, в пятнадцати верстах от Филино. Вместо сарафана на ней дерюга драная, сама с ног до головы исцарапана, точно через ежевичные кусты напрямки ломилась, и трёх перстов на правой руке не хватает. Уже дома – а жила она без матери, со вдовым отцом, мужиком непутным, запойным, который даже и в поисках дочери не участвовал, а все дни провалялся пьяным – маленько прочувствовавшись, Настасья поведала, что когда она с другими деревенскими девками купальные травы собирала, позвал её из лесу, из-за сосенки, некий голос, ласковый такой, шепотливый, вроде женского, по имени позвал: «Подь-ка сюды, Настасьюшка, подь, голуба-душа, глянь-кось, чего у меня есть для тебя». Девка сначала поостереглась, хотела подружек кликнуть, а голос снова: «Ты только не говори никому: у меня от матушки твоей гостинец, как помирала, горемычная, наказала передать тебе на Иванов день, во купальску ночь». Осмотрелась Настасья: костёр весело горит, потрескивает, луна, от реки отражаясь, ярко светит, вокруг видать всё, ровно белым днем, да и подружки вот они, рядом, в речке плещутся, песни поют. Чего бояться? Она и зашла за сосенку-то. Зашла, глядь, никакой женщины там и нет, а стоят три мужичка: дробные, ниже её ростом, бородами по самые глаза поросли, а глаза – белые, белые, только зрачки угольками чернеют. Скумекала тут Настёна, что это её чудь белоглазая заманивает, хочет своему богу Кузе в жёны отдать. Дёрнулась прочь, да куда: сзади ей руки-ноги обхватили, повалили наземь, на голову мешок или что другое нахлобучили; она девок на помощь звать, да сквозь мешок не больно

покричишь, а за смехом девичьим и песнями купальскими те, видно, не услышали, а тут ей рот зажали и уволокли в лес. Тащили долго, она всё брыкалась, норовила вырваться, убежать, тогда похитители сделали остановку, всю её с головы до пят лыками обвязали и дальше понесли.

Очнулась она в какой-то каморе без окон, вроде чулана; лежит она, развязанная уже, на свежей соломе, вдоль стен – не то каменных, не то глинобитных, не разобрать – толстые сальные свечи горят, будто в храме на двенадесятый праздник, а супротив неё, у самого изголовья, на корточках, потатарски, сидит дед: страшный, жёлтый, тощеватый такой, но без бороды – лицо скоблёное, а на глазах стёклышки, «как у фершала», только синие. И принялся тот жёлтый дед её уговаривать да начинать, чтобы вела себя послушно, делала всё, что ей велют, и тогда-де будет ей счастье великое: примет её бог Кузя в законные жёны, и станет она как сыр в масле кататься – в золоте ходить, в руках серебро носить – ни в чём отказа иметь не будет. Ну а ежели супротивиться или того хуже – бежать удумает, то вовек уж белого света не увидит. И ставит перед ней липовую плошку, по виду с кашей, только вроде как с грибами, и строго так велит: «Ешь! Кузя до тощих девок не охотник». Настя не посмела перечить и поела той каши. А как поела, разморило её шибко и на сон потянуло. Долго ли спала, коротко ли, она не знает, только как очи размежила, видит, старуха над нею склонилась – чистая Яга! Горбатая, простоволосая, лохмы седые до пупа висят, нос в подбородок упирается, а изо рта три зуба щерятся. Проскрипела та карга что-то не по-нашему и ткнула узловатым пальцем в большую бадью с водой, которую, видно, пока Настя спала в камору притащили, и руками эдак показывает, дескать, полезай мыться. Девка поначалу головой крутила, но ведьма как зашипит на неё, точно кошка бешеная, Настасья, делать нечего, скинула с себя сарафан и залезла в бадью. Ведьма сама её помыла жёстким мочалом, выскоблила ровно чугунок, едва кожу не ободрала. Настасья, ничего, вытерпела и это, напугана была шибко. После мытья старуха забрала её сарафан, кинув взамен дерюжку, чтобы наготу прикрыть, и принесла ей снова плошку с грибной кашей, а сама скрылась в узкой дыре, что зияла в стене узилища этого, и в которую только в три погибели согнувшись можно было залезть. Тут уж девка смекнула, что каша та сонная и не стала её есть – вывалила на пол да соломой прикрыла.

Через несколько времени после слышит – шаги; не будь дурой, притворилась она спящей, а сама поглядывает из-под ресниц. Заходят трое: давешний жёлтый старик со стекляшками, а с ним двое белоглазых, лядашие, ровно сморчки лесные; встали над нею и давай что-то на своём тарабарском наречии балакать. Жёлтый старик на неё показал и говорит: «нейжне», а те давай причмокивать: «чёма, чёма, чёма». Потом сдёрнули с неё дерюжку и принялись всю её ощупывать, как кобылу на ярмарке. Настасья и это стерпела, хоть и жутко и срамотно ей то было. Жёлтый дед запалил пук каких-то сухих духовитых трав и обкурил им спящую. От запаха тех трав – тяжёлого да горького – Настя едва снова не впала в забытьё. Наконец чужь ушла, девка же, выждав сколько-то, вскочила, намотала на себя кое-как дерюгу вместо

КОСПРОМА

сарафана, лыками для крепости обвязалась да и полезла в стенную дыру. За ней обнаружился лаз вроде норы, по которому двигаться можно было лишь на четвереньках. Долго она по нему ползла, коротко ли, девка не запомнила, только постепенно проход стал расширяться, и вот уже она смогла встать и идти в полный рост.

Вдруг слышит девка впереди глухие ритмичные удары, будто кто в полулю колоду тукает, а потом и голоса различила. Голоса те пели что-то не по-нашему, то стихая, то поднимаясь до визга, как на хлыстовских радениях. Настя было затаилась, хотела уже назад повернуть, да прислушалась: вроде пение не приближается, и решила – крадучись двинулась далее. Голоса поющих меж тем становились всё громче, явственнее; а потом Настасья увидела впереди свет, только не дневной, а будто сполохи от костра по стенам пляшут.

Пройдя ещё сколько-то, увидела девка, что лаз уходит дальше на подъём, но в его правой стене зияет отнорок, уводящий вглубь. Из этого-то отнорка и идёт свечение и голоса слышны. Заглянула она в ту дыру и видит: крутые ступеньки ведут вниз, в пещеру, а там – костры горят и чуди видимо-невидимо. С полста бородатых карлов со смоляными факелами в руках беснуются, поют непонятное, в самой же серёдке на высоком каменном топчане сидит голый мужик – огромный, ровно медведь, дородный, дебелий; телеса его сплошь какими-то чёрными полосами да завитушками изрисованы, башка выскоблена, как яйцо, аж отсвечивает, рожка носатая да толстогубая от жира лоснится. В правой ручище у него кость белая, перед ним, промеж кривых ног, большой медный котёл стоит, сверху вроде как кожей обтянутый; и лупит тот детина по котлу костью, как в бубен, а чудь в лад тем ударам подсакивает да подвывает.

Потом, смотрит Настасья, сквозь толпу чуди пробираются давешний старик в синих стекляшках и карга простоволосая, что её в бадье купала, и волокут под руки бесчувственную нагую девицу, лишь веночек из болотных кувшинок у ней на голове, а на теле живого места нет: всё исцарапано, в кровоподтёках и страшных укусах – как застарелых, так и свежих; местами прямо куски мяса выхвачены, словно её свора голодных собак погрызла. Тут детина на ноги вскочил и принялся ещё шибче по котлу лупить, а уд срамной у него, как у семенного быка перед случкой – дубина дубиной. Девка та голая очнулась и, увидав, куда её тащат, ну голосить дурным голосом; вдруг – откуда силы взялись – вырвалась да наладилась прочь бежать. И вот только она лицом-то повернулась, Настасья враз признала в ней Агафью – старшую дочку старосты Пантелея, которая два года назад аккурат в эти же июньские дни сгинула, и про которую мир решил, что она от отцовской строгости с отходниками в город подалась. Однако ж теперь далеко убежать ей не дали: щипками да шлепками погнала её чудь обратно к той образине с бубном. А бугай отшвырнул прочь кость и как ухватит Агафью за волосья, наземь как швырнёт, сам-от сверху на неё как кинется, и давай её, горемычную, катать да валять по всей пещере.

Долго он так с нею тешился, Настасья же видела всё это и, оцепенев от ужаса, даже и пикнуть боялась. Вдруг леший этот в горло девке, как волк лесной, вцепился и – ну грызть, ну грызть с урчанием утробным, аж кровь во все стороны брызнула! Та ногами эдак мелко-мелко задргала и обмякла. Тут он заревел, точно сохатый по осени, коленями грудь Агафье придавил и обеими ручищами хватъ её за голову. А чудь ещё более в раж вошла: скажут все, факелами машут и орут: «Рикта! Рикта! Рикта!». Бугай поднатужился да и оторвал девке башку, ровно курёнку какому; потом за волосы голову вздёрнул, раскрутил да и метанул через всю пещеру прямо Настасье под ноги. Тут уж та не сдюжила – в крик и прочь бежать что есть мочи. А чудь, с воем да вигом истошным, следом.

Себя не помня, добежала Настя до выхода из той норы, наружу сунулась, а там, под ногами – склон едва не отвесный, вот она и замешкалась чуток. Обернулась проверить, далеко ли погоня, а прямо за спиной бугай этот разрисованный стоит, на неё уставился буркалами своими. Морда вся в крови агафьиной, взгляд тяжёлый, мертвящий, как у аспида, аж ноги у девки отнялись – хочет бежать, а шелохнуться не может. Подняла она кое-как руку, дабы крестное знаменье сотворить, он оскалился – зубищами клац – и скусил ей три пальца на правой длани напрочь, ровно стручки гороховые. Настасья от боли назад прынула и – кубарем под гору. Удивительно, как руки-ноги не переломала, пока с горы той катилась. Ну а потом двое или трое суток по чащам да болотам скиталась, покуда к людям не вышла. Чудом от чуди спаслась, не иначе. Ведь в лесу те инородцы, надо полагать, как дома себя чувствуют. Видно, Бог упас...

Вот такую историю поведали мне пристав Степан Звонов и сотский Ефим Турусов, а капитан-исправник со своей стороны дополнил некоторыми подробностями. Примерно тоже, только короче и сбивчивее, поскольку пребывала в жару и едва не бредила, после рассказала мне и сама Настасья Теляева.

Настоятель церкви Ильи Пророка отец Зосима в целях прояснения обстоятельств изложил нам историческую подоплёку нынешних событий, каковая свелась к следующей легенде: в стародавние времена, задолго до Иоана Грозного, жил-де в этих местах народ чудского племени. Были те инородцы закоснелыми идолопоклонниками и шла про них слава, как о чародеях и волхователях изрядных. Из-за белесых, почти прозрачных глазных радужек, прилепилось к этому племени прозвание «чудь-белоглазая». Когда же пришли сюда оседлые русские люди, не вынесла чудь соседства с православным христианством и всем скопом – с бабами и детишками, ушла под землю – в Чудь-гору, где обретается и поныне. И якобы молится эта чудь-белоглазая своему живому богу, именем Кунинггас, которого наш простой народ переименовал на свой манер, прозвав Кузей. А ещё, рассказал Зосима, совсем недавно – каких-то полсотни лет назад, здесь в округе черемиса обитала. Несмотря на то, что числились черемисы воцерковлёнными и православными, однако ж, скорее, по форме. По правде же, как полагал отец Зосима, продолжали коснеть в язычестве. Как бы то ни было, немало их

КОСПРОМА

селений тут стояло, и вот эти-то черемисы, почитая себя данниками чуди, ежегодно в ночь на Ивана Купала приводили к подножию Чудь-горы девку своего племени и оставляли там на ночь, а белоглазые под покровом темноты из своих нор выходили и забирали уготованную жертву, как считалось, в жёны подгорному богу. Но шло время, и постепенно поселения черемисов безлюдели (очень возможно, не последнюю роль в их оскудении сыграл как раз сей изуверский обычай), пока лет пятьдесят назад не опустели под корень. Долгое время после того всё тихо да покойно было, как вдруг где-то лет двадцать тому назад стали из деревень Алешковской волости пропадать молодые незамужние девицы. Хотя и не каждый год такое случалось, но всякий раз – накануне или вскоре после купальских гуляний, а частенько и в саму Иванову ночь. Понятное дело, по деревням в народе пошёл слух, дескать, это чудь-белоглазая озорничает. Да только земство, как волостное, так и уездное, никаких мер на сей счёт не принимало, почитая подобные слухи проявлением народного невежества. Про губернское начальство и говорить нечего. А ещё, по словам отца-настоятеля, упомянутая Чудь-гора, в недрах которой те язычники вместе со своим живым богом схоронились, находится в заповедных чащах здешних алешковских лесов, и в погожие дни её поросшую дремучими елями вершину даже и из Филино видать. Но ходить туда никто не ходит – боятся.

Однако же, как вы, Владимир Иванович, наверное, догадываетесь, история этим не закончилась. Ведь земский исправник меня не для того за столько вёрст зазвал, чтобы я выслушивал старинные сказки. Надо было теперь решить, какие должно принять ввиду случившегося меры. Я предложил было, не мешкая, снарядить полицейскую экспедицию к той Чудь-горе и на месте удостовериться насколько соответствует истине древнее предание, а равно есть ли правда в рассказе самой Настасьи Теляевой. Но пристав с сотским в один голос убедили меня, что сей прожект не исполним, поскольку-де гора та велика и обширна, дебрями лесными покрыта и целого полка солдат не хватит, чтобы всю её обшарить, даже если до осени искать станем. Стоит отметить, что сотский Ефим вообще настроен был весьма скептически и остальных призывал не верить Настасье на слово, дескать, та «колокол лёт» и следовало бы её «примерно наказать и вся недолга». Впрочем, пристав Звонов быстро его пресёк, заметив, что сотский клепаёт на девку со зла, потому как затаил на неё личную обиду, и Ефим тут же стушевался.

Что ж, принялись мы наново судить да рядить, как вдруг Степан Звонов по столу рукой хлопнул и говорит: «На живца, ваши высокобродия, ловить надобно!» В ответ на наше общее недоумение, пристав предложил следующий хитроумный план. «Помнишь, Ефим, – обращаясь к сотскому, начал он, – как два года назад, аккурат перед самой пропажей старостиной дочки, случай был с девкой Акулькой, ну рыжая которая?» «Это на Аграфену Купальницу-то? Когда бабы на закате из бани возвращались? Помню, как не помнить, – отвечал Ефим Турусов. – Так ить она не пропадала. Так, напужалась только». «Это верно, – кивнул Звонов. – А после рассказала, что когда ломала в березняке банные веники, поотстав маленько от остальных, видит, в ореховом

кусте бородатый мужичок-недомерок сидит – страшный, белоглазый, а потом, глядь, ещё двое таких из-за пня вылезли и к ней подбираются. Обомлела она со страху, да тут на её счастье бабы вернулись и белоглазые сгнули, как в воду канули». «Мирские пересуды, – пожал плечами Турусов. – Бабы они всегда так: на супрядках аль у колодца зачнут языками молоть... Что их слушать?» «Рассудлив ты, Ефимка, не по годам, – заметил пристав. – Заладил одно, как сорока Якова. А я вот про что: после того случая девки поостереглись и не пошли ночью, как заведено, костры жечь и в Вёксе купаться, а потому Иван Купала без потерь минул. Да только всё одно, через четверо суток, в ночь на Петров день пропала Агафья, филинского старосты Пантелея дочь. Я к тому веду, что раз Настёне удалось из Чудь-горы сбежать, белоглазые наверное станут пробовать ей замену найти, видать, не может их бог долго без бабы обходиться. Вот и следует нам подsunуть чуди новую невесту. Отведем её в лес, поближе к Чудь-горе, а сами в засаду сядем. Так и накроем этих изуверов». «Кто ж из деревенских решится на такое? – усомнился исправник. – И вправе ли мы рисковать невинной жизнью?» «Никакого особого риска, ваше высокобродие, – заверил пристав. – Ефим у нас опытный охотник, на медведя не раз хаживал, и я ружьишком балуюсь, а про вас и говорить нечего. А решится кто? Да, вон, хоть та же Дунька Тараканова! Она за мзду малую хоть к чёрту в пекло согласная». «Тараканиха? – ухмыльнулся Ефим. – Из Чурилова которая? Да, эта может. И горевать, если дело не сладится, по ней некому: ни сродников, ни свойственников – сирота. Только польстится ли кто на эдакую, больно рылом погана».

Опуская дальнейшие споры-разговоры, скажу сразу: после долгих обсуждений и сомнений, все, кроме разве отца Зосимы, который, ввиду позднего времени, покинул нас раньше, сошлись на том, что лучшего варианта, нежели предложенный приставом Звоновым, нам не придумать. И уже на следующий день вся наша компания: ваш покорный слуга (разумеется, я настоял на своём участии в сей авантюрной экспедиции), исправник Кокорин Иван Андреевич, становой пристав Степан Звонов и сотский Ефим Турусов, пробиралась по лесу в направлении пресловутой Чудь-горы. Впереди, на изрядном от нас удалении, но в пределах видимости, шествовала упомянутая Дуня Тараканова – рябая, неуклюжая, как ступа, зато здоровенная девка, которая действительно без особенного труда позволила себя уговорить за пять рублей серебром. Сотский с приставом были при ружьях, мне исправник выдал однозарядный пехотный пистолет старого образца, сам же вооружился шестизарядным французским револьвером Лефорше. «Трофейный, с Крымской войны», – пояснил он.

Когда мы вышли к подножию Чудь-горы, стало смеркаться, и все согласно постановили дальше сегодня не ходить, а обустроить засаду здесь. Развели на небольшой луговине костёр, а Дуньке велели у огня сидеть да песни петь, чтобы её издалече слышать было. Пристав дал ей фляжку с водкой – для сугреву и для смелости, а мы соорудили себе по обе стороны от той полянки шалашики, укрыли их еловыми лапами и в них схоронились. В одном

КОСТРОМА

я с сотским затаился, а в другом – исправник с приставом. Лежим, ждём. А Дуня из фляжки отхлёбывает да знай себе поёт про своё, про девичье:

*Сахаринка на полу,
Не ленива – подниму.
Сахар съела, песню спела,
Целовать дружка хотела.
Дударь, мой дударь молодой,
Самодударь мой, дударь молодой.
Ты играй, играй, дударик на дуду,
Я, младёшенька, плясать пойду.*

Я, чтобы как-то скоротать время, тихонько перешёптывался с Ефимом и, между прочим, высказал сомнение в успешности нашего предприятия, которое всё более и более представлялось мне чистой аферой, заметив также, что на «невесту» нашу разве медведь позарится. «Как знать, вашбродь, – пожал широким плечом сотский, – как знать. Предыдущая-то, Агафья Пантелеева, тожа не принцесса была – левый глаз слепой, бельмастый, да и хроменькая... Ей ведь двадцать пятый годок шёл – перестарок, никто сватать не хотел. А высидеть мы здесь ничего не высидим, в этом я с вами согласный. Бабы сказки всё это, про чудь-белоглазую, про бога Кузю. Я так себе разумею: с полубовником Настька сбежала, из соседней деревни, али с купчиком каким заезжим, да что-то у них, видно, не заладилось. Может, прибил он её и прогнал от себя, вот она и блажит». Между тем Дуня затянула печальную, с причитаниями песню:

*Нерамно жа муж достанется –
Ой, либо вор да горький пьяница,
Либо старый пёс удушливой,
Да либо ровнюшка да недружливой
Уж я старого да утешила бы,
Среди полюшка ой повесила бы
Да на тонкую-то осинушку,
Да я на самую-то вершинушку,
Вот вершинушка ой да качается,
Да мой старый пёс болтается.*

Уже настал вечер, высота небесная потускла, и заискрились на ней бледные звёздочки, но луны видно не было. Тёплый воздух наполнили благовонные запахи ночных трав, в небе то и дело вспыхивали зарницы. «Куришь страсть охота, – прихлопнув на шее комара, вздохнул Ефим, – да нельзя, Иван Андреич заругает». Я попросил сотского рассказать мне о всех прошлых случаях подозрительных исчезновений окрестных девок. К слову, Владимир Иванович, народный говор в Чухломском уезде отличается значительным своеобразием. Если в прочих местностях Костромской

губернии, со всех сторон окружающих чухломские земли, окают, то здесь произношение московское, на «а», и аканье выражено даже явственнее, резче, нежели в Первопрестольной. Пока мы так шептались, у нашей фальшивой невесты, вероятно, под влиянием содержимого фляжки, настроение изменилось. Задорно гикнув, она запела:

*Пошла Катенька горошек молотить,
Её некому за ой-ой-ой схватить,
Вот нашёлся парень бравый, молодой,
Привалил её к овину головой.
Заголяет он пестринный сарафан,
Вынимает кукареку с волосам...*

«Ух, зорная девка, – усмехнулся в усы сотский. Но вскоре обеспокоился: – Чего она песню-то оборвала?... Сползать, разве, вашбродь, посмотреть?». Однако раздавшийся следом шум, треск и придушенный дунькин крик заставили нас всех вскочить на ноги. Кинулись мы к костру, глядим, у нашей Дуни на плечах повисли два мужика – в вывернутых мохнатых тулупах, мелкорослые, лохматые – чисто лешаки, а третий такой же – ей на голову мешок нахлобучил и уже вокруг шеи верёвку вяжет. «Не стрелять! – крикнул исправник. – Девку зацепите!» Тут Тараканиха поднатужилась, поднапружилась, на ноги поднялась да обоих поганцев с себя стряхнула, ровно котят, а тому, что её верёвкой вязал, так поддала коленом в грудь, что он улетел прямиком в костёр. Разом потемнело – не разберёшь, где кто. «Хватай, вяжи нехристей! – вновь скомандовал исправник. – Уйти не дай пога...». Не договорив, он с руганью схватился за колено и рухнул наземь. А в следующий миг в нас со всех сторон полетели увесистые булыжники. Один из камней просвистел у самого моего виска. Я упал в траву, но успел разглядеть между окружавших поляну деревьев смутные невысокие фигурки, которые, раскручивая что-то над головой, метали в нас камни. Подняв пистолет, я выстрелил в одного из них, но, кажется, и близко не задел. Остальные тоже принялись палить в сторону леса, но фигурки врагов то появлялись, то исчезали во мраке, так что стрельба велась наугад, почти вслепую. Тем временем целая толпа лесных жителей накинулась на Дуню. Облепив девку, как мураши гусеницу, они повалили её и стремительно уволокли в чащу, покрывавшую Чудь-гору до самой макушки. Обстрел тут же прекратился.

Осторожно поднявшись на ноги, я осмотрел поле битвы: исправник сидел, держась за разбитое колено, а пристав Звонов, опершись о ружьё, смотрел куда-то вниз и сокрушённо охал. Было ясно, что наша засадная экспедиция окончилась полным фиаско. «Где Ефим?» – спросил исправник. «Здесь он, – ответил пристав. – Кажись, кончается». Я помог Иван Андреевичу подняться, и он с моей помощью кое-как допрыгал до пристава. У его ног мы увидели сотского; он лежал с окровавленной, похоже, проломленной головой и был без сознания. Пристав склонился к нему,

КОСПРОМА

прислушался: дышит. «Девку надо идти спасать, пропадёт, – заявил исправник. – Только как быть с Ефимом?» «Куда вам, ваше высокобродие, идти, – возразил пристав. – Я эту кашу заварил, мне и расхлёбывать, а вы тут Ефима постерегите». Иван Андреевич поначалу заартачился, но я решительно поддержал Степана, заметив, что надо спешить, а исправник с его разбитым коленом будет нам лишь в обузу. Как человек трезвомыслящий, тот вынужден был согласиться и отдал мне свой револьвер, сам же взял ружье сотского.

Пристав обмотал палку берестой и соорудил себе факел, я же получил от исправника масляный фонарь со стеклянной, предохраняющей от ветра, колбой, который тот с военной предусмотрительностью захватил с собой. Снарядившись таким образом, мы отправились в погоню, благо, земля сохранила явственные следы волочения дородного дунькиного тела, а тут ещё луна взошла нам в помощь. Однако не прошли мы и ста сажений, как след оборвался. Шарили мы со Степаном, шарили – всё без толку: нигде ни единой веточки не поломано, а под ногами – толстый слой нетронутой хвои. «Чертовщина, – ворчал пристав, – не сквозь землю же они провалились?» Тут-то меня и осенило: именно что под землю! Воротились мы к тому месту, где след обрывался, и стали тщательно всё вокруг обыскивать. «Нашёл!», – через несколько времени крикнул Степан, обнаружив под корнями кряжистого тысячелетнего дуба квадратный лаз, надёжно скрытый зарослями папоротника и уводящий куда-то в непроглядную тьму, в недра Чудь-горы. Я полез первым, Звонов Степан – следом.

Стены лаза были укреплены брёвнами, поддерживающими бревенчатый же настил. Высота его составляла не более полутора аршин, поэтому двигаться пришлось по-собачьи, на четвереньках. Факел Степана потух, да в столь узком проходе он бы только мешал, и путь нам освещал лишь тусклый свет масляной лампы. Сколь долго мы так ползли, не знаю, мне тогда показалось, что целую вечность и я уж, грешным делом, стал подумывать, не поворотить ли назад, как вдруг впереди забрезжил свет. Я задул фонарь и сделал знак Степану, чтобы не шумел. Лаз вывел нас в галерею, по которой можно было уже идти в рост, хотя и пригнув голову. Через каждые пять-шесть сажений в выложенных из необработанных камней стенах крепились глиняные плитки, заполненные неким жиром с плавающими в нём горящими фитильками. Где-то через версту мы очутились перед развилкой: левый проход был освещён, правый же уводил в чернильную тьму. Мы прислушались: слева явственно доносились голоса и глухие ритмичные удары, и мы свернули туда.

Шагов через полста галерея уперлась в стену, в которой зияла расщелина; из неё-то и слышались голоса и удары. Протиснувшись в щель, мы очутились в обширной пещере, и нашим глазам открылась следующая поразительная картина. Под сводами пещеры, по всей её окружности, на равном удалении были проделаны отверстия, через одно из которых мы и проникли внутрь; от тех проходов крутым уступом шли ступени, спускавшиеся к овальной площадке, вроде арены, как в античном

амфитеатре. Всю арену и часть ступеней заполняла возбуждённая толпа чуди – мужчины, женщины и даже дети; многие держали в руках смоляные факелы. В центре арены на каменном возвышении восседал жирный толстопузый урод – натуральное чудовище: исполинского роста, лысый, голый, разукрашенный по телу чёрными рисунками, как это делают американские индейцы и некоторые наши сибирские инородцы. Глубоко запавшие глаза его, под тяжёлыми, как кузнечные оковалки, надбровными дугами, казались парой чёрных угольков, источавших некое тёмное свечение. Кошмарный облик дополняли мощные выступающие челюсти при совершенном отсутствии подбородка. «Полно, да человек ли это?» – невольно усомнился я. В левой руке он держал белую кость, весьма походившую на берцовую человеческую, и равномерно колотил ею в стоящий перед ним медный чан, а окружавшая своего живого бога паства, помавала факелами и речитативно, с подвываниями пела: «Кунингазс! Кунингазс! Мейде Кунингазс, сьунд Кунингазс! Кунингазс-мадо!».

А у подножия каменного возвышения лицом вниз лежала наша Дуня. Одежда с неё была сорвана, руки связаны за спиной; спину и бёдра испещряли кровавые царапины и укусы; она не шевелилась. Неужто, мы опоздали, и беззаконная жертва уже принесена? Я, честно признаться, совершенно растерялся, что делать далее, как поступить. Выстрелить в чудовище? Но в моём револьвере оставалось четыре патрона... Даже помятуя о ружье пристава, что это против целой толпы чуди? Они же нас просто растерзают! Однако, пока я так мучился сомнениями, Степан, не долго думая, вскинул ружье да и выпалил в чудского бога. Под сводами что-то заворчал, точно в ненастный день перед громовым раскатом, и сверху дождём посыпались мелкие камешки. Когда пороховой дым рассеялся, стало видно, что примолкшая чудь оборотилась и вся смотрит на нас, а по груди восседавшего на каменном троне чудовища сбегаёт алая струйка крови. Но вот страхолюдный исполин медленно, как ни в чём не бывало, поднялся во весь рост и вперил горящий взор свой в Степана. А потом оскалился, поднял руку и молча указал ею на пристава. Не знаю, что послужило причиной дальнейшему: колдовская ли сила взгляда чудского божества или иное что, только пристав безвольно уронил ружьё и как зачарованный пошёл по ступеням вниз, прямо в лапы чудовища. Я ухватил Степана за плечо, но тот, не оборачиваясь, вывернулся из моих рук и ускорил шаг. В совершенном отчаянии я послал две пули в треклятого Кузю, а потом дважды выстрелил вверх. Страшный грохот сотряс пещеру... И начался ад кромешный! Земля у меня под ногами содрогнулась, и огромные глыбы стали рушиться со сводов прямо на головы побежавших во все стороны людей чудского племени. Всё заволкло густыми клубами, из которых доносились отчаянные вопли, звуки ударов, стоны. Я увидел, как каменный обломок размером с телегу рухнул и придавил собою чудского бога. В тот же миг, словно избавившись от наваждения, Степан Звонов пришёл в себя, и мы вместе кинулись к Дуньке. Пристав разрезал её путы, перевернул на спину и приложил ухо к груди: жива! Вдвоём мы подхватили бесчувственную девку под руки и,

КОСПРОМА

уворачиваясь от продолжавшегося камнепада, поволокли к выходу из подземелья. Бросив взгляд назад, я заметил торчащую из-под каменной глыбы руку чудовища – она была шестипалой... *(далее в письме снова были густо вымараны два абзаца)*.

Не стану досаждать вам рассказом, как мы выбрались из Чудь-горы, как воротились в Филино – всё это мало относится к сути моей истории. Скажу только, что сотский Ефим, нас не дождавшись, отдал Богу душу, а мы с приставом Звоновым и едва могущим передвигаться, опершись нам на плечи капитан-исправником кое-как дотащили Дуню Тараканову до становой квартиры, препоручив там обоих доктору Колокольскому.

Само собой, я отправил Александру Егоровичу Тимашеву подробный доклад о сем происшествии, да только ходу ему дадено не было. Сколь мне известно, доклад засекретили и упрятали в архив по личному настоянию обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа Дмитрия Андреевича Толстого. Последний, якобы, выразился в том роде, что мало нам сраму перед просвещённой Европой от всяких самосжигателей да скопцов, так тут ещё хотят секту людоедов на суд мирской вытащить. Помимо того, огласка сего доклада может-де породить враждебность великороссов в отношении инородческого населения Российской Империи. Короче сказать, история была, как у нас водится, упрятана под сукно и забыта. Однако ж этим она не закончилась.

После тех событий уж год минул, а мне случившееся всё не давало покоя, не отпускало. Летом сего года пришлось мне побывать в Ляхово – имении моей жены; оно верстах в восьми от Нижнего. Старый господский дом ныне в полном запустении, вот и решил я наново отстроить родовое гнездо. А там, в Ляхово, запала мне мысль съездить в Алешковскую волость, проведать станового пристава Звонова да разузнать у него, какие последствия имела наша прошлогодняя кампания. Я уж знал, что капитан-исправника Кокорина вскоре после того в отставку ушли (между прочим, колено его срослось худо, он так и остался хромым. Вот ведь, согласитесь, каприз Фортуны – две войны прошёл невредимым, а тут...), Степан же по-прежнему исполнял свои обязанности. Сказано – сделано.

К моей досаде, станового застать на месте не удалось – тот был в разъездах. Тогда решил я навестить несчастную Дуню Тараканову. По понятной причине, в её отношении я чувствовал себя виноватым, хотя и не моя была то идея сделать из неё подсадную утку. Дунька, как и прежде, жила в соседней деревне Чурилово, в покосившейся избёнке у самого леса. Встретила она меня радушно, едва ли не как своего спасителя (хотя я того и не заслуживал) и рассказала, что дня через два после её вызволения из чудского плена исправник с приставом организовали целый поход к Чудь-горе, однако ж пользы из того не вышло. Правда, нашли они ту поляну и даже тот самый дуб, под которым нам лаз открылся. Вот только лаз оказался накрепко забит глиной и камнями, будто его там от века не бывало. Пробовали мужики другие тайные проходы в Чудь-гору сыскать, да без толку – так ни с чем в Филино и воротились. «Как ты, Дуныша, сама-то

живёшь?» – поинтересовался я. «Да как, барин? – заметно поскучев, ответила Дуня. – Ни девка, ни вдова, ни мужняя жена». Тут из кутного угла послышался детский плач. «Это что ж, дитё у тебя? Мальчик или девочка?» – спрашиваю. «Сынок», – отвечает. Заглянул я за занавесь, а там в деревянной колыбельке и впрямь здоровенький такой карапуз. «Сколько ему?» – снова спрашиваю. «Четвёртый месяц пошёл». Мальчик, увидав мать, стал просить грудь, протягивая ручонки. И что-то мне неладно показалось... Присмотрелся внимательнее – с нами крестная сила! – левая ладошка младенца – о шести пальчиках...

Вот и вся история, дорогой Владимир Иванович. Согласитесь, из неё вышел бы замечательнейший рассказ, да кто решиться такое напечатать, даже если изменить все имена и самое место действия? Полагаю, никто и никогда. А сейчас меня терзает сомнение, стоит ли даже и сие письмо доверять бумаге и вам отправлять? Опасаюсь, не доставит ли оно вам какие неприятности? По здравому размышлению – не стоит.

Как бы то ни было, остаюсь вечно вам преданный А.П.»

Дочитав рукопись до конца, я поначалу решил, что это и не письмо вовсе, а черновик неизвестного рассказа Печерского. Не случайно же Павел Иванович подписал его начальными буквами своего литературного псевдонима – «А.П.», то есть Андрей Печерский, а не настоящими инициалами... А если так, тогда вся история – плод писательской фантазии, и не более.

Однако, изучив вопрос глубже, я выяснил, что письма к Дально Мельников всегда подписывал своим литературным псевдонимом, потому как именно Владимир Иванович Даль этот псевдоним для него и придумал. И потом, зачем бы тогда автору использовать имена-фамилии реальных людей? Я проверил: все упомянутые в письме лица подлинные – от министра Тимашева до земского исправника Кокорина. Конечно, нельзя исключить, что Мельников-Печерский планировал впоследствии сделать из этой истории рассказ либо повесть... Впрочем, окончательное разрешение этого вопроса я оставляю за читателем.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Корнилов П. Писатель на Костромской земле</i>	3
--	---

I. ПОЭЗИЯ

Объедков А.	6
Никитин Н.	14
Яськова Л.	23

II. ПРОЗА

Сапожников В.	30
Таранов И.	37
Ратников С.	54

III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Борисова О.	64
Иткулов С.	74
Алапий А.	78

IV. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Новожилова А.	83
Токарев А.	87
Бочаров Д.	97

V. ЛАУРЕАТЫ ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА ПОЭЗИИ

ИМЕНИ А.В. БЕЛЯЕВА

Белянцева А.	114
Краева М.	124
Воробьев И.	127
Волкова А.	132
Раскова Т.	137
Волчунович С.	139
Поспелова В.	142
Кузнецова Ю.	143
Хозиева А.	144
Виноградова В.	145
Щенникова Е.	148
Мешалкина Т.	150

VI. МЕЖРАЙОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ИМЕНИ Л.Н. ПОПОВА

<i>Каргопольцева Е. Первый межрайонный литературный фестиваль имени Л.Н. Попова</i>	152
---	-----

Поэтическая подборка участников фестиваля

Первущин В.	156
Семёнова И.	157
Манина И.	158
Трушкова Н.	158
Алапий А.	159
Хозиева А.	160
Краева М.	161
<i>Поэтическое послесловие... Л.Н. Попов</i>	162
<i>Кузнецова Ю. Хранитель русского слова (о творчестве Л.Попова)</i>	171

VII. МАСТЕР-КЛАСС

Попова Н.	174
Юдин А.	181

Литературный альманах

«КОСТРОМА»

Выпуск № 9 (2024 г.)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Костромская областная писательская организация Общероссийской
общественной организации «Союз писателей России»

Главный редактор – Муסיнова Н.Е.

Редакционная коллегия

Бугров А.А.

Муренин Н.В.

Зябликов А.В.

Запольских О.А.

Проскуряков В.М.

Каргопольцева Е.Е.

Технический редактор – Петрюк И.П.

Отпечатано в ООО «Копир»
г. Кострома, ул. Галичская, 100
Формат 60 × 90 1/16. Объем 13,75 у.п.л.
Тираж 375 экз.

